

Елена
Богатырева

Обреченная
на счастье

Когда в вашу жизнь вмешивается ветер перемен и внезапно заносит вас в окруженную песками древнюю страну можно ли сохранить ясную голову? Тем более Алле, которая в столице этого забытого государства встречает мужчину, словно сошедшего со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Как чудесное продолжение сказки, он предлагает ей стать его женой, чтобы вместе править страной — и тогда разрушится древнее проклятие, из-за которого когда-то Сагдиану поглотили пески. Но время жестоко мстит тем, кто пренебрег его законами и перепутал настоящее с прошлым, и вместо счастья на долю Аллы выпадут тяжелые испытания и разлука с любимым. Будет ли у нее шанс вернуть его?

Елена Богатырева
Обреченная на счастье

Глава 1

Лялька

Как-то так получилось, что я благополучно дожила до тридцати пяти лет и не обзавелась ни мужем, ни детьми. В восемнадцать казалось, что выходить замуж рано, а потом долго не покидало ощущение, что мне все еще восемнадцать. К тридцати по воле случая я попала на работу в издательство, где и обнаружилось, что я, оказывается, хоть на что-то способна. Что не просто так коптила небо столько времени, а накапливала впечатления, которые теперь, когда я стала зрелой старой девой, облекались в относительно точные слова и слагались в достаточно легкие строки. С этого момента я растеряла почти всех своих знакомых, потому что проводить время наедине с компьютером показалось мне куда как более интересным. Я перестала выходить в люди, а люди — ходить ко мне. И вот уже пять лет я заполняю кисленькими плодами своего воображения страницы журналов и газет, которые наше издательство плодит как мышь — потомство. Последнее время я стала пописывать рассказы, так, ни о чем конкретном, то есть о жизни вообще и о том, какие сюрпризы она преподносит порой, после чего из четырех сохранившихся к этому времени подруг у меня осталась одна с половиной. Две же с половиной приняли написанное на свой счет и перестали звонить.

Единственная сохранившаяся у меня целиком подруга — Лялька — отличается от меня самым коренным образом, потому что сделана совершенно из другого теста. У нее красивый муж, двое детей-погодков, мальчик и девочка, и должность директора в небольшой, но весьма состоятельной собственной фирме. Несмотря на все эти достижения, Лялька производит впечатление женщины совершенно беспомощной. Она такая маленькая, белокурая, с яркими голубыми глазами. Ее всем хочется опекать. Кажется, что она совершенно не приспособлена к жизни. У нее отрешенный взгляд, а бледность, которую она старательно подчеркивает разнообразными средствами французской косметики, заставляет предполагать, что она с минуты на минуту грохнется в обморок. Все это настолько пугает ее деловых партнеров, что ей еще ни разу ни в чем никто из них не отказал. Как только деловые переговоры заходят в тупик, Лялька воспроизводит безжизненный взгляд и вопрос решается в ее пользу. Правда, скорее всего, ее успехи — результат скрупулезного расчета и того факта, что она честно ведет дела, никогда не претендуя на чужое. Но об этом знаем только ее муж и я. Кстати, это именно он создает все финансовые проекты, которые Лялька потом воплощает в жизнь. Но официально муж считается домохозяйкой — сидит дома и воспитывает детей. Даже в профсоюз домохозяек вступил.

И знаете, если бы хоть кому-нибудь пришло в голову взглянуть на этих, с позволения сказать, деточек, то Ляльке грозило бы разоблачение. И мальчик, и девочка как две капли воды похожи на нее и являются сущими отродьями ада. В этом и заключается подлинная Лялькина сущность, замаскированная под одуванчиковую внешность.

И вот однажды раздается звонок в дверь моей малогабаритной однокомнатной квартиры, и Дракон, заливаясь лаем и упиваясь эхом, делающим этот лай оглушительным, бросается к двери. Дракон — это мой пес, и он стоит того, чтобы о нем тоже сказать несколько слов.

Три года назад в мою квартиру влезли воры. Это меня очень расстроило и их, очевидно, тоже. Я в это время гостила у Ляльки на даче. Точнее, сторожила ее загородный дом две

недели, пока они утрясали вопрос с постоянной охраной. Естественно, что компьютер — единственную ценную вещь в моем доме — я забрала с собой. Я ведь там работала, а не прохлаждалась. Поэтому воры расстроились — они приложили столько сил, чтобы взломать дверь, проникнуть в квартиру, а там — ничего, кроме старого хлама и никому не нужных бумаг. С расстройством они разметали все мои бумаги по полу и ушли. А я, возвратясь в квартиру через две недели, с расстройством не знала, что делать. Сначала я, как положено человеку пишущему, решила, что кто-то позарился на мои рукописи, и два дня сортировала отпечатанные тексты, проверяя не пропало ли что. Оказалось — совсем ничего не пропало. И это расстроило меня еще больше.

Узнав о моем горе, прикатила Лялька.

— Надо же! — голосила она. — Надо же, чтобы такое случилось именно тогда, когда ты сторожила мою дачу!

Это совпадение ее возмущало больше всего.

— Тебе тоже нужна охрана!

Я нахмурилась, вспомнив мускулистого парня, прибывшего мне на смену сторожить ее домик. Вряд ли мне подошло бы что-нибудь подобное. А Лялька тем временем продолжала:

— Не смотри на меня басом! Тебе нужна собака! Едем!

И через двадцать минут мы уже кружили по Калининскому рынку, рассматривая щенков. То есть это я рассматривала щенков, а Лялька пристально разглядывала продавцов.

— Какая прелесть, — говорила я каждому песику, дремавшему в картонной коробке.

— Плохие гены, — как чревовещатель, не открывая рта, задушенно сообщала Лялька. — Хозяйка — стерва, как пить дать.

— Но ведь это же доберман-пинчер — моя мечта, — пыталась я сопротивляться время от времени.

Но Лялька силой тянула меня дальше, пока не заметила симпатичного мужчину в очках и в галстучке, стоящего на отшибе. Под полкой пиджака у него дрожал щенок. Мужчина имел вид малооплачиваемого инженера и явно чувствовал себя на рынке не в своей тарелке. Лялька тряхнула кудрями и поволокла меня прямо к нему.

— Пинчер? — спросила она, распахнув свои небесные глаза.

— Да, да! — краснея, закивал мужчина.

— Сколько? — спросила Лялька и приготовилась падать в обморок.

— Сто, — осторожно не то сказал, не то спросил он.

— Долларов? — Глаза у Ляльки полезли из орбит, а губы задрожали, словно она собиралась заплакать.

— Что вы, что вы — рублей, — тут же передумал он.

— Ах, рублей. — И, обворожительно улыбнувшись, Лялька протянула купюру ему, а щенка — мне.

— Держи, это подарок от меня — сторож.

Будущий сторож свободно умещался на ладони.

— Что-то уж очень он маленький, — насторожилась я.

— Ничего, он просто совсем грудной. Мои дети в детстве тоже маленькие были. Может быть, даже слепой еще? — Она наклонилась к щенку, но тот смотрел на нее веселыми бусинками черных глаз. — Такую серьезную собаку лучше воспитывать с самого малолетства. Как назовешь?

— Дракон Вождь Чингачгуков, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Здорово! — сказала Лялька, и я расправила плечи: игра слов — моя стихия. Даже если слова дурацкие...

Время шло, и Дракон рос. Однако уже через полгода стало ясно, что вырастет он, даст Бог, только до размеров средней кошки. Потому что оказался он пинчером карликовым. Но, несмотря на свой рост, нрав Дракон имел не карликовый — свирепый, и бросался на каждого приближающегося ко мне человека с таким видом, словно вот-вот разорвет в клочья.

Но сейчас Дракон, подбежав к двери, перестал лаять, радостно заскулил и завертелся волчком. Ясное дело — Лялька пожаловала. К ней он относился как к крестной. Я открыла дверь, и через порог действительно переступила грустная Лялька. Она тут же подхватила Вождя Чингачгуков на руки и уткнулась в него лицом. Вождь замер и зажмурился от счастья. А Лялька кусала губы и пронзительно поглядывала на меня. Это означало, что явилась она не просто так, а с просьбой. У меня внутри все похолодело. Каждая Лялькина просьба переворачивала в итоге мою жизнь с ног на голову. Взять того же Дракона, к примеру.

— Что стряслось? — спросила я, поглядывая на включенный компьютер и всем своим видом показывая, что именно теперь востребована издательством, как никогда.

— Ал, все так плохо, — сказала Лялька и капнула на пол заготовленной за дверью слезой.

— В какой области? — поинтересовалась я.

— Муж!

Священное слово пронзило пространство комнаты, и мы на некоторое время замерли, давая ему возможность угнездиться где-нибудь под потолком.

— Что с ним?

— Он меня совсем не любит!

— Давно? — спросила я скептически.

Ляля что-то подсчитала в уме:

— Неделю.

— А что случилось?

— Выставка у меня случилась, — покосилась на меня Ляля. — Ал, как ты не понимаешь? Он меня совсем не любит, потому что у меня не хватает на это времени, — пояснила она немного раздраженно.

— Не любит в смысле?..

— Ага.

— Ага! — сказала я. — А в выходные?

— В выходные — дети дома. Я уже забыла, когда они засыпали раньше нас. Никакого уединения. А так хочется любви... — На последней ноте голос ее залился нежной трелью и упорхнул в другую октаву.

Думаю, Ляльке хотелось не только любви, но еще и маслица подлить в поскрипывающие время от времени колеса супружеской колесницы, которая, ко всему прочему, тащила и финансовое благополучие ее фирмы. Но мне все равно стало ее жалко.

— И что я могу...

— Ал, ты не могла бы взять на себя в воскресенье моих умников?

— Сюда? — Дракон, словно понимая, о чем идет речь, вырвался из Лялькиных рук и собрался лезть под диван.

— Нет. Мы обещали сводить их в ЦПКиО, покататься на водных велосипедах.

И Лялька принялась расписывать красоты городского парка, где мне предстояло угробить свой воскресный день. Однако говорила она так увлеченно и искренне, что через три минуты я поверила, будто это лучшее времяпрепровождение для меня, для любого нормального человека и, конечно же, для Ляльки тоже, когда у нее не возникает проблем с исполнением супружеского долга.

— Ну что? — спросила она, закончив живописания.

— Ладно, — согласилась я, вспомнив о том, что, кроме Ляльки, у меня никого нет в этом городе, а мне тоже когда-нибудь может понадобится помощь. Вдруг я заболею? — Только давай точно оговорим время. Мне еще работать нужно будет в этот день.

Расписание она достала из сумочки, стало быть, не сомневалась, что я соглашусь. Следуя ему, нужно было в двенадцать забрать детей, три-четыре часа провести с ними в парке, посетив все его аттракционы, час проторчать в кафе, три часа — в кинотеатре.

— У вас что, видик сломался?

— Да нет. Они ведь дети. Они даже не знают, что такое кино. Я им недавно рассказала, как мы с папой в молодости туда бегали, вот они и загорелись. Им интересно. Сходи с ними в «Стереокино» на Невском?

— Так это же не по дороге, — заикнулась было я, но Лялька уже протягивала мне несколько купюр на предполагавшиеся развлечения.

— Доедете на такси.

Я пересчитала деньги: моя месячная зарплата.

— Не хватит — добавь. Я потом отдам.

— Ты так дорого ценишь свою любовь?

— Ах, она того стоит, — пропела Лялька совсем другим тоном. В нем уже чувствовалось предвкушение воскресного дня, прочность связей Гименея и воскрешение деловой активности фирмы.

— Ладно, — заявила я, — только если дождя не будет.

Могу и я, в конце концов, покапризничать?

— Дождя не будет, — легко согласилась Лялька, подтянулась на цыпочках, чмокнула меня в подбородок и упорхнула.

Дождь начался вечером. Проливной. С молниями и громом. Он обрушился на город с такой яростью, словно это его пытались заставить завтра выгуливать Лялькиных детей. Я ворочалась в постели с боку на бок, потому что при каждом ударе грома Дракон, спасающийся от грозы под моим диваном, жалобно завывал и тявкал. Спать было невозможно. Единственное, что меня утешало, что Лялька сейчас тоже ворочается рядом с любимым мужем и думает только о том, когда же, черт побери, прекратится этот проклятый дождь.

Глава 2

Странный старичок

Утром я проснулась оттого, что Дракон пытался стянуть с меня одеяло, требуя, чтобы его вывели во двор по делам, которые уже невозможно больше откладывать. Я открыла один глаз и тут же захлопнула его. Горизонт был чист и ясен. Ну скажите мне, почему этой Ляльке всегда так феноменально везет? Пришлось одеваться, выгуливать пса, расцеловав, бросать его охранять квартиру на целый день и ехать за двумя бесенятами, которые уже, наверно, от нетерпения рыли копытцами паркет.

Дверь открыли дети. Чистенькие и аккуратненькие, они проорали мне «Привет, Ал!» и бросились вниз по лестнице сломя голову. А я с тоской подумала, что, если повезет, хорошо бы сдать их вечером назад хотя бы приблизительно в таком же виде. В коридоре показалась Лялька в сногшибательном пеньюаре — совершенно зеленом и абсолютно прозрачном.

— А, это ты? Вы уже пошли? — томно сказала она, будто кто-то другой нарядил с утра этих сорванцов и нервничал по поводу моего опоздания.

Нет, Лялька — великая актриса. А я, заметим без ложной скромности, — хороший журналист, потому что от моего взгляда не укрылось, как, послав мне воздушный поцелуй и с трудом дождавшись, когда дверь за мной начнет закрываться, она опрометью бросилась в спальню...

До Центрального парка культуры и отдыха нужно было проехать пять остановок. Но дети категорически отказались садиться в трамвай, а пожелали идти пешком. Я к тому времени еще не совсем вошла в роль воспитательницы и согласилась. Однако уже через пять минут поняла, что согласилась зря. Ходить пешком они совершенно не умели. Они бежали со скоростью ветра, а я уже сто лет даже зарядку по утрам не делала. Хватая ртом воздух как рыба, выброшенная на сушу, и чувствуя покалывание в левом боку, я гналась за ними и обреченно смотрела по сторонам, с тоской примечая, что нас обогнало уже три трамвая. «А что, если они побегут по тротуару, а я поеду на трамвае?» — пришла в голову шальная мысль. Но пришлось ее тут же отогнать. Никто не знал, каких сюрпризов можно ожидать от Лялькиных деточек. Спас меня лоток с мороженым. Добежав до него, дети встали как вкопанные и зачарованно уставились на список из двадцати наименований. Когда я, пыхтя и отплеываясь, поравнялась с ними, они уверенно выбрали мороженое «Митя» и «Даша», потому что эти названия соответствовали их именам.

Дальше мы шли не торопясь. Дети занимались важным делом. Митя рвал на части зубами мороженое «Даша», а Даша, словно вампир, впивалась в «Митю» и, ухмыляясь, посматривала на брата. Я пыталась восстановить дыхание. И вот, когда впереди показался мостик через реку, ведущий в парк, мы пошли совсем медленно. Мороженое потихоньку капало сквозь детские ладошки, а со мной происходили странные вещи. Я шла через мостик и вдруг попала неожиданно в то состояние, в котором переходила его уже однажды. Один только единственный раз — туда и один раз — обратно. Голова закружилась, и мне снова стало двадцать. Я почувствовала прилив сил и азарта, глаза загорелись, в голове завертелись планы десятка сумасбродств. Но тут мне вдруг показалось, что на меня кто-то пристально смотрит. И воспоминание схлынуло. Я покрутила головой на всякий случай, но, так никого и не обнаружив, кроме старичка с традиционными весами, поспешила догнать своих деток, рванувших в сторону старых рыжих лошадей, понуро стоявших в ожидании наездников.

Даша и Митя уже карабкались на спины бедных животных, а девушки, прилагавшиеся к каждой лошади, пытались им помочь. Узнав, что до водных велосипедов еще идти порядочно, я потребовала скакуна и для себя, после чего мне привели коротконового толстого мерина. Проклиная все на свете, но не рискуя снова заняться бегом, я забралась на этого, с позволения сказать, коня, и мы все отправились рысцой через парк. Единственное, что я чувствовала, что сейчас выпаду из седла, и еще злорадно замечала, что девушки, которые при лошадях, запыхались, как я только что, когда пыталась обгонять трамваи.

Дети — это стихия. Это то, что не дает сосредоточиться на собственных мыслях, потому что ежесекундно навязывает свои. Поэтому, крутя педали водного транспорта, я все время находилась в состоянии раздрганности. Одна часть моего существа безрезультатно пыталась вспомнить нечто важное, что связано у меня с этим парком, а другая активно отбивалась от разных детских предположений относительно того, как скоро мы все свалимся в воду, как это будет здорово и как обрадуется этому факту любимая мамочка. Митя пытался раскатать и утопить наш «водяной велик», поэтому было сложно оставаться самой собой и приходилось все время исполнять роль монстра-опекуна.

Наконец катание кончилось, и дети галопом бросились к каруселям. Их привлекла площадка с машинами, и они заказали пять рейсов подряд. Облегченно вздохнув, я закупила им билеты и приготовилась отдохнуть. Чувствуя себя как после двухчасовой тренировки по бодибилдингу, я села на лавочку, вытянула гудящие ноги и, откинув голову на спинку скамьи, прикрыла глаза. Сквозь ресницы я разглядывала редкие причудливые облака, разгуливающие по небу, и вдруг обнаружила среди них еще и чей-то силуэт. Я раскрыла глаза и увидела, что надо мной зависло лицо старичка — того самого, который стоял при весах у входа в парк. Он был чрезвычайно серьезен и взглядом исследователя скользил по моему подбородку. Когда он наконец заметил, что мои глаза широко раскрыты, то выпрямился и галантно поклонился мне. Наблюдая все это, я чуть было не свернула шею, потому что старичок стоял позади скамейки.

— Я вас знаю, — сказал он. — Вы уже здесь были.

Я поднялась и, поглядывая краешком глаза на автодром, где, поминутно сталкиваясь, кружили мои подопечные, вежливо ответила:

— Вы меня с кем-то путаете.

И собралась откланяться. Но старичок снова заговорил:

— Одну минуточку. Вы точно были здесь. Пятнадцать лет назад. Кафе «Павлин».

Эти слова меня буквально оглушили. Вот то, что так отчаянно пыталась припомнить одна часть меня, тогда как другая сопротивлялась стремлению детей утопиться. Это было и не кафе даже, а какой-то картонный павильон, затейливо расписанный красками, необыкновенно яркими по тем временам. Осенью он выглядел как заморская бабочка на нашей пожухшей грядке. Он стоял в самом дальнем уголке парка, на отшибе. Сколько я потом ни расспрашивала друзей и знакомых, никто о таком кафе ничего не слышал, хотя в парк они, в отличие от меня, время от времени заглядывали. Так я ничего толком не узнав, решила, что «Павлин» этот залетел в наши холодные края только для того фантастического разговора, который у меня там состоялся. А потом упорхнул, пропал, исчез навсегда. Это был последний островок той сказочной жизни, которую я некогда вела, и он исчез вместе с последними воспоминаниями о ней. Я жила теперь под серым питерским небом, и не стоило вспоминать, что родом я из далекой восточной страны, где на каждого жителя приходится по гектару благоухающих роз и где солнце светит двенадцать месяцев в году.

В лице моем, очевидно, что-то дрогнуло, потому что старичок очень обрадовался и затараторил.

— Ага, значит, я не ошибся и это все-таки вы. Как хорошо! Понимаете ли, возраст — раз, зрение с каждым годом все хуже и хуже — два, а потом на покой мне пора, сколько можно стоять здесь с этими весами, — говорил он, обходя скамейку и приближаясь ко мне. — Я вас так давно жду. Честно говоря, уже всякую надежду потерял, что вы снова когда-нибудь сюда заглянете.

— Вы меня ждете? — не поняла я.

— Разумеется. Угораздило же тогда попасть в этот «Павлин» вместе с вами. Впрочем, я не жалуясь. Ведь это помогло мне пережить трудные годы перестройки. Я не жалуясь, вы не подумайте. В принципе, я очень даже рад. Только вот не знал, что один стаканчик минералки выльется для меня потом в пятнадцать лет ожидания...

— Вы меня знаете? — Я вглядывалась в лицо старика, пытаюсь безрезультатно узнать в нем кого-нибудь действительно мне знакомого. — Мы разве встречались?

— Нет, нет, — старик замотал головой, — мы с вами совсем не знакомы. Вы, скорее всего, и не заметили меня тогда, в «Павлине». Какое вам было дело до пожилого человека, который зашел туда просто выпить воды. Вы были увлечены совсем другим... Но я понимаю, я вас очень понимаю, — разулыбался старик. — И его я тоже понимаю. И теперь мне не жаль, что пятнадцать лет я вглядывался в женские лица понапрасну.

В этот момент на меня с двух сторон обрушился шквал детей. Они хватили меня за руки, трясли и куда-то тянули, рассказывая наперебой, вероятно, о том, что происходило на автодроме. Слова сливались в радостных воплях, оставляя простор для воображения: я сама должна была догадаться, насколько здорово каждые пять секунд устраивать «аварии». На лице старика появилась чуть заметная улыбка сожаления:

— Ваши?

— Сегодня мои. Я их прогуливаю, — сказала я, отбиваясь от детей.

Старик повеселел и заторопился, потому что дети навалились и стали оттаскивать меня в сторону кафе-мороженого.

— Ну тогда позвольте мне самое главное... То есть я хотел сказать, позвольте мне в столь волнительный момент — ведь я ждал вас пятнадцать лет! — вручить вам вот это.

Он протянул мне полиэтиленовый пакет.

— Нет, что вы, спасибо, не надо, — говорила я ему.

— Сейчас, подождите, скоро уже, — повторяла я в это же время детям.

Станный старик стал вызывать у меня смутные подозрения, и я уже не так сильно сопротивлялась детям, тянущим меня по парку, поэтому расстояние между нами начало увеличиваться. Тогда он вытянул правую руку вперед, а вторую, с пакетом, прижал к сердцу и бросился за нами:

— Нет, вы не поняли, подождите ради Бога. Я от неожиданности все напутал и ничего не объяснил вам. Подождите же, не бегите, я старый человек, мне вас не догнать, ну Господи, остановитесь же на минутку.

Но детей занимали только их собственные вопли, поэтому он остановился и достал из пакета нечто, завернутое в газету. Старик сдирал газету, Даша тянула меня за руку по направлению к кафе, а Митя толкал в спину. Я подумывала о том, как бы смыться от приставучего дедушки, поэтому уже поддавалась детям, но все-таки посматривала, что же такое он достает из пожелтевшей газеты. Когда расстояние между нами достигло

пятнадцати-двадцати метров, он сорвал последнюю обертку и поднял над головой что-то металлическое. И я остановилась. И уверенно пошла к нему, не замечая, что с двух сторон по асфальту за мной волочатся дети. Я еще плохо видела, что это такое, но что-то подсказывало мне, что это, возможно, единственная вещь на свете, ради которой стоит вернуться назад.

Глава 3

Послание из прошлого

Это была она. Та самая ваза из древней страны Согдианы. Второй такой не существовало. Я держала ее обеими руками и больше ничего вокруг себя не видела.

Согдиана, наверно, была красивейшей страной в мире. Я это заявляю с уверенностью, хотя видела только ее руины тысячи лет спустя. Семь красавцев-озер с прозрачной ледяной водой, дно которых усыпано разноцветными камушками, и ты можешь разглядеть каждый из них. Серпантинном вьется узкая дорога в гору, и каждый виток — новое озеро. Говорят, седьмое, там, наверху, совершенно красное. Вот только редко кто туда поднимается. Но те, кто был там, утверждают, что это настоящее чудо.

Когда я очнулась, дети стояли молча и смотрели на меня во все глаза.

— Ал, — тронула меня за локоть Даша, — ты где?

Я выплывала из воспоминаний, взгляд мой, наверно, наконец приобрел осмысленность, потому что Даша спросила:

— Ал, ты в порядке? Прошло?

— Что прошло?

— Ну вот это. — И Даша закатила глаза к небу и расплылась в блаженной улыбке, копируя то, что, очевидно, минуту назад произошло со мной.

— Да, — сказала я не очень уверенно. — Сейчас.

И тут только сообразила, что старичок исчез.

— Где он?

Митя и Даша сразу поняли, о ком идет речь, и стали оглядываться по сторонам. Увы, они засмотрелись на несвойственные мне гримасы, завладевшие моим лицом, и не заметили, куда пропал странный старик. Они даже побегали немного вправо и влево, но его и след простыл.

— Никого, — удивленно сказал Митя. — Может, он за каким-нибудь деревом спрятался?

— Нормальные люди за деревьями не прячутся! — заявила Даша со знанием дела и посмотрела на меня. — Что будем делать?

— Будем есть мороженое, — ответила я, осторожно опуская вазу в свой пакет. — Пошли.

И мы двинулись по парковой дорожке. Митя скакал впереди, а Даша, задумавшись о чем-то, шла со мной рядом. Над парком замаячили тучи. Пора было закругляться и переходить к стереозрелищам. В кафе я закупила детям снеди, себе взяла кофе, положила локти на стол, подперла руками подбородок и застыла в такой позе, очевидно, надолго. Потому что когда очнулась, кофе подернулся тонкой корочкой льда, Митя изнывал от скуки, а Даша очень заботливо спросила:

— Опять — это?

Я посмотрела на часы, вздрогнула, бросила детям клич следовать за мной и опрометью бросилась к выходу. До начала киносеанса оставалось двадцать минут. Пробегая через мостик над речкой, я обратила внимание на то, что никаких весов и никаких странных старичков там уже не стояло. Ну что ж! Значит, в кино. Машину мы поймали сразу у выхода из парка и успели занять свои места в кинотеатре за секунду до того, как погас свет. Теперь,

когда дети заняты и совершенно точно будут сидеть как пришитые ровно два часа, у меня появилось время подумать о том, что же произошло.

Надо сказать, что я никогда не вспоминаю прошлое. Это мой принцип. Не потому, что было в нем что-то плохое или что-то сложилось не так, как мне бы хотелось. Нет. Просто, проснувшись однажды тусклым ленинградским утром под хмурым ленинградским небом, я решила, что прошлого не вернуть, а новая жизнь только начинается. Поэтому глупо вспоминать то, что прошло, лучше думать о том, сколько прекрасного ждет тебя впереди. И вот с тех пор я только тем и занималась, что прогоняла видения прошлого, когда они без разрешения вторгались в мои сны или всплывали в памяти. И действительно, в моей жизни, если присмотреться (особенно с помощью какого-нибудь хорошо увеличивающего прибора), было много хорошего. Много того, к чему я привыкла, что не сразу назовешь неудобным и неприятным. Однако, увидев вазу в руках у незнакомого старичка, я поняла, какие чувства испытывают люди, когда им сообщают, что те, кого они давно похоронили, живы. И вот теперь я сидела и думала о том, насколько сильна моя связь с небом Востока, и еще о том, как, однако, быстро воскресли все мои воспоминания о нем, как только я позволила им сделать это. Но все эти мысли были беспредметны, а я в последнее время привыкла думать конкретными образами.

Глава 4

Пятнадцать лет назад

Когда-то давно, когда меня еще и в помине не было, мой дед заскучал в родной воронежской деревне. Кулачные бои — стенка на стенку — вот и все развлечения. И он отправился в столицу. В Питере устроился работать кузнецом, но тут началась какая-то интересная заварушка, и он, разумеется, в стороне не остался, а влез в нее по уши. Заварушка на поверку оказалась революцией, и в день взятия Зимнего дед брал какой-то важный мост, а потом удерживал его. Какой именно, я так и не выяснила, потому что мы с ним на этом свете немножечко разминулись. После того как большевики укрепились в Питере, деда забросили в Среднюю Азию — строить там коммунизм. По дороге он заехал в родную Тихвинку повидать родителей и с удивлением обнаружил, что соседская девчонка, которая еще недавно пешком под стол ходила, превратилась в шестнадцатилетнюю красавицу. На юг он отправился уже вместе с законной женой, которая впоследствии стала моей бабушкой.

Начиная с этого времени в Узбекистан стали перебираться и другие родственники из-под Воронежа. Место было красивое, люди — гостеприимные. Дед учился и работал и в конце концов стал прокурором. Если бы кто-нибудь из бюрократов, появившихся уже тогда, не принял во внимание его революционное прошлое, а заглянул ему в глаза, то схватился бы за голову и из прокуроров перевел бы его в адвокаты. Дед был человеком редкостной доброты. Безгранично добрым. Безумно добрым. И жилось ему, наверно, в его должности несладко, но он редко жаловался. Он все время улыбался. И всех вокруг любил.

Во время войны Ташкент, где они тогда обосновались, стал самым людным городом страны, потому что туда перебрался из Москвы и Питера весь цвет творческой интеллигенции. Дети-блокадники, вывезенные через Ладогу по Дороге жизни, не верили своим глазам: вожденная еда здесь раскачивалась прямо на ветках: вишня, слива, тутовник, виноград — ешь сколько хочешь!

Отец деда, то есть мой прадед, к тому времени остался один в родной деревне, и дед перетащил его к себе. Шестидесятилетний старик плакал от счастья. Ему казалось, что он уже умер и попал в рай за все свои мучения. Столько лет он месил грязь в родном колхозе, работая практически бесплатно, за палочки-трудодни, а теперь устроился подрабатывать ночным сторожем. Целый день он спал, а потом шел на работу, где тоже спал, но ему за это еще и деньги платили. Просыпался он только для того, чтобы сорвать персик, качающийся над его головой.

Вот так моя семья оказалась в фантастическом городе, до которого мне теперь долететь на самолете никаких денег не хватает. Дешевле объездить пол-Европы.

Вообще-то у моей семьи весьма любопытная история. Я знаю ее во всех деталях благодаря своей любознательности. И если описать ее полностью, получится что-то вроде саги о Форсайтах.

Когда я заканчивала школу, папа часто болел, и мама даже ушла из института, чтобы за ним ухаживать. Она брала переводы на дом. Денег вечно не хватало, но я долго не замечала этого. Бедность подкрадывается незаметно. Одежда сначала выходит из моды, потом постепенно ветшает. Пустота в холодильнике становится хронической. Снашивается обувь, стоптанные каблуки выдают почтенный возраст башмаков. И все время хочется чего-нибудь вкусенького.

Все это у нас уже давно произошло, но я не заметила этого вовремя в силу своей повышенной занятости. Я плела десяток любовных интриг вместе со своей ближайшей подругой, тратила массу энергии на эпиграммы, адресуя их всем мало-мальски знакомым мне людям, обожала ездить на мотоциклах, беря их напрокат у своих воздыхателей, а по вечерам строила глазки молодому сторожу, чтобы попасть со своей командой в школьный бассейн или в спортивный зал.

Школа тоже отнимала у меня массу времени. Я училась в классе с углубленным изучением физики и математики и собиралась поступать в Ленинградский политехнический институт. Но все мои увлечения при этом сводились к литературе. Я бы, наверно, все-таки выбрала филфак, если бы учительница по литературе не вызывала у меня такого отвращения. А математику я не очень любила, зато очень любила математичку.

Математичка у нас была самая сильная в школе и, похоже, в городе. У нее, правда, имелся малюсенький недостаток — нет в жизни совершенства. Выражался он в том, что она страшно орала на всех уроках. Ну совсем не переносила эта женщина нас, остолопов. Не переваривала. Орала сразу же, как только кто-нибудь делал ошибку или никак не мог усвоить какую-нибудь, на ее взгляд, ерунду. В девятом классе мы ее жутко боялись. А в десятом — привыкли и даже полюбили. Можно ведь говорить ласково злые слова, а она кричала по-доброму.

Застукав однажды меня на уроке математики за посторонним занятием, она полезла было в карман, но вспомнила, что пистолета у нее, к сожалению, нет. А он бы ей в этот момент ох как пригодился! Постороннее же занятие, со страшным криком вырванное из моих рук, оказалось листочком с очередной — тысяча первой — эпиграммой, и учительница, прочитав его, наконец догадалась, кто наводняет школу этими штучками. Убивать меня она передумала, а потребовала тут же, на уроке, поклясться, что я напишу для нашего класса сценарий агитбригады, и только в этом случае она не вызовет в школу моих родителей, чтобы поведать, чем я здесь поминутно занимаюсь.

Это пахивало шантажом, но выбора не было. Поэтому, умирая от смеха, я состряпала свой первый сценарий. Мои скучные одноклассники расцвели и превратились неожиданно в великих актеров — все до одного, особенно троечники. И в результате наша агитка потрясла школу. Мы ее показывали раз десять, и каждый раз зал стонал от хохота и ревел от восторга. Математичка преобразилась. Похоже, она тоже промахнулась с точными науками, ей бы надо было поступать на режиссерский. Она стала душой нашего маленького театра, хохотала на репетициях громче всех, подпевала и любила нас на сцене гораздо больше, чем на своих уроках. Ко всему прочему она оказалась женщиной азартной и ненасытной, поработила меня и заставила писать сценарии по любому случаю: конец четверти, День молодежи, мужской день, Женский день и так далее.

Литераторша, которую мы все тихо ненавидели — очевидно, взаимно, — на наши выступления никогда не приходила. Однако по школе ходили легенды и о самих выступлениях, и об их авторе. Поэтому пристальное внимание и повышенная нелюбовь (хотя, казалось бы, куда уж дальше?) с ее стороны мне были обеспечены. Но я сама тоже не подарок, совсем не подарок, и даже когда мне было семнадцать, противостояние со мной вряд ли могло показаться кому-то легким и приятным занятием. На уроках я сидела и смотрела ей в глаза все сорок пять минут. Другие опускали взгляд, когда она роняла по ходу дела отвратительные реплики, я — нет. Получалось, что меня ничем не возьмешь. Но она тоже не собиралась отступать. Задавали стихи. Я читала что-то Гумилева, в то время

запрещенного, класс сидел затаив дыхание, а литераторша в конце подводила итог: «Да, дикция у тебя неплохая». Но я на нее даже не обижалась. Я вообще уверена, что в жизни, чтобы совсем не соскучиться, должны быть и злодеи, и пакостники, иначе кого же, в конце концов, мы будем побеждать? В конце десятого класса она заставила меня написать десять сочинений в течение десяти дней на все экзаменационные темы, чтобы решить, ставить мне пять или четыре. Оценка никак не влияла на мой общий балл, но я пошла на принцип, ведь эта женщина пыталась доказать мне мою литературную несостоятельность! (Мне — будущей студентке технического вуза!) Несмотря на нехватку времени, я просиживала в центральной библиотеке все вечера, с огромным удовольствием перечитывая исследования о жизни Лермонтова, Пушкина и прочих программных столпов. То есть благодаря нашей вражде я становилась образованным человеком! На следующий день я читала вслух перед классом десять страниц текста, состряпанного за ночь, напомиравшие скорее эссе литературоведа, чем школьное сочинение. Через десять дней она все-таки вlepила мне четверку. Но я одержала победу куда более значимую — почувствовала вкус к писанию и заработала уважение одноклассников.

Однако я, безусловно, должна благодарить обеих этих женщин, которые вынудили меня пройти настоящую, удивительную школу творчества. Именно их имена я и назвала, когда в издательстве мне задали вопрос: «А кто вас научил писать?» Нет худа без добра.

Теперь вы можете себе представить, в круговороте каких событий я жила в десятом классе, поэтому полное обеднение нашей семьи прошло мною не замеченным. Однажды у нас намечалась грандиозная дискотека, и вдруг выяснилось, что мои босоножки порвались и мне абсолютно нечего надеть. Я посмотрела на мать — ее извиняющийся взгляд блеснул слезой. Тут только я поняла, какая же я все-таки скотина. Ту энергию, которую я распыляла, как из брандспойта во все стороны, стоило бы направить на то, чтобы помочь своим родным. На праздник я не пошла и три дня после этого сидела дома, судорожно пытаюсь придумать, где и как достать денег.

Я решила стать репетитором. Например, по физике, где у меня выходила чистая пятерка, даже без намека на минус. Я написала объявления относительно уроков и, ни слова не говоря родителям, расклеила их в районе школы. И это сыграло в моей жизни удивительную роль.

Глава 5

Визит Пиратовны

Однажды в воскресное утро, когда папе нездоровилось больше обычного, к нам в гости заявила соседка — Альбина Пиратовна. Конечно, это не совсем то отчество, которым ее наградили родители, но воспроизвести подлинное с помощью русского языка было невозможно: сначала шел какой-то сложносоставной всхлип, а потом окончание — ратовна. Но все жильцы дома, не договариваясь, звали ее просто Пиратовной. Возле нашего четырехэтажного дома она развела небольшой садик и завывала, как сирена, если кто-нибудь из детей, не дай Бог, покушался на ее незрелые вишни. Ко всему прочему Пиратовна обожала сплетничать и знала все про каждого. Когда речь заходила о ком-нибудь из соседей, она многозначительно ухмылялась и качала головой, мол, знаем мы такого.

И вот Пиратовна явилась к нам занять муки. Это было на нее не похоже — переться на четвертый этаж в соседний подъезд, вместо того чтобы зайти в любую другую квартиру пониже. Мама засуетилась, пригласила ее на кухню, насыпала муки и собралась было распрощаться, но та завела беспредметный разговор за жизнь. Мама нервно кивала, думая только о том, как бы скорее спровадить незваную гостью, потому что папа в соседней комнате ворочался с боку на бок — у него что-то болело, и ему требовалось все мамино внимание. Однако Пиратовна уходить не собиралась. Повисла пауза, и мама, чтобы не прослыть с легкой руки Пиратовны невежливой, предложила ей чаю. Пиратовна обрадовалась и села. Я все это время стояла на кухне, наблюдая за невиданными делами, — сама Пиратовна пожаловала, это неспроста. Мама схватила чайник, и тут Пиратовна сказала ей ласково:

— Знаешь что? Ты особенно-то не бегай. Иди к мужу, я все понимаю. Вон у тебя дочка стоит, мы с ней чайку и попьем.

Маме было недосуг разбираться, зачем Пиратовне сдалась ее дочка. Она вздохнула с благодарностью и бросилась в соседнюю комнату. Я начала важно двигаться по кухне, заварила чай, накрыла на стол. А когда разлила чай по чашкам, Пиратовна бросила передо мной на стол одно из тех объявлений относительно репетиторства, которые я совсем недавно расклеила.

— Твое? — спросила она грозно.

Я покосилась на дверь, за которой несколько минут назад скрылась мама, и быстро скомкала объявление.

— Мое, мое, только шуметь не надо, ладно?

— Ай-яй-яй, — сказала Пиратовна. — Сколько же тебе лет, репетитор? Восемнадцать есть уже?

Я молчала, не понимая, какое ей дело до моих лет. А Пиратовна, попивая чай, вдруг перешла совсем на другой тон:

— Ты, девочка, молодец. Я же все вижу, все понимаю. Захотела родителям помочь. Очень похвально — слов нет. Только кто же к тебе пойдет учиться? Ты ведь сама еще ребенок. Тебя саму еще учить надо. Не найти тебе учеников.

Я и сама уже некоторое время догадывалась, что ничего у меня не выйдет. Звонили несколько раз по этому объявлению, но, как только узнавали, что я учусь в десятом классе, бросали трубку.

— А знаешь, я ведь могу тебе помочь. Хочешь заработать немного? Да что там немного, такие деньги могу заплатить, что ты и за три месяца своего репетиторства не заработала бы.

Искорка азарта, очевидно, затеплилась в моих глазах, потому что Пиратовна довольно хмыкнула и продолжала, не дожидаясь ответа:

— Я дам тебе одно задание. Очень простое. Справишься с ним — получишь сто рублей. Согласна?

— И что нужно сделать? Зарезать кого-нибудь? — разумеется, второй вопрос я произнесла только мысленно.

— Нужно съездить в Таджикистан. Есть там такой городок, называется Пинджекент (название опять же условное, потому что сначала шел тот же непереносимый для языка всхлип, с которого начиналось ее отчество). Так вот, там живет мой дед. Старый он человек и странный. Поедешь к нему и проживешь там дня три. А когда будешь уезжать, он тебе даст вазу. Старенькую такую, медную. Это у него заскок такой — всем старые кастрюли раздаривать. Вот ты мне эту вазу и привезешь.

— А зачем вам старая кастрюля? — Задание было настолько странным, что я уже решила, будто Пиратовна надо мной насмехается.

— Не кастрюля, — двинула она навстречу друг другу черными крашеными бровями, и мне показалось, что по кухне разлетелся сноп искр. — Ваза. Зачем? На память о дедушке. Я сама не могу так далеко ехать, а Венерочка к экзаменам готовится, у нее сейчас сессия.

Венерочка — это у нее дочка была такая. Вреднющая, что ее матушка. Только матушка криком брала, а та все тихой сапой делала. Несмотря на то что жила она в нашем доме, ни у кого из сверстников желания общаться с ней не возникало с того еще возраста, когда мы вместе возились в песочнице.

— Ну что? — спросила Пиратовна уже нетерпеливо. — Ты согласна?

— Да, — ответила отчаянная девушка Ал, совершенно не представляя, во что ввязывается.

Глава 6

Путешествие

И вот во время весенних каникул я снарядилась в дорогу. Сказав родителям, что меня пригласила подруга погостить у ее бабушки, я отправилась в путь. Поездом доехала до Самарканда, а дальше решила ехать «стопом». Попутные машины подбирали меня на дороге и мчали вперед, к чокнутому деду со старыми кастрюлями. Правда, до самого Пинджекента никто не ехал, и временами я топала по дороге под палящим солнцем. Несмотря на то что стоял конец марта, солнце пекло как летом.

Когда день стал клониться к вечеру, передо мной образовались небольшие горы. Даже не горы, а так холмы. Ерунда, когда полдня не топаешь по полям и лугам. Или, скажем, когда питаешь склонность к таким видам спорта, как альпинизм. Дорога пошла в гору. Через пятьдесят метров мне стало ясно, что гора эта только с виду такая маленькая, а на самом деле мне вряд ли удастся перебраться через нее до завтрашнего утра.

Еще через сто метров я совершенно обессилела и пала духом, но все-таки продолжала двигаться вперед. Темнота сгущалась. На небе высыпали звезды. Дневное пекло сменял сырой холодный воздух. Я села на камень, поняв, что больше не могу сделать вперед и полшага. Я просто-напросто не могу больше двигать ногами. Совсем. Мне стало так грустно, что я даже собралась заплакать. Что теперь делать? Сидеть вот так на камне всю ночь? Или спуститься в долину, где мигали огоньки редких домиков? Сидеть так становилось страшно, но и спускаться вниз к незнакомым людям тоже было страшно. Я уже достигла определенной грани отчаяния, когда услышала тихое урчание автомобиля. Неужели сюда? Действительно, по горной дорожке ползла вверх машина. Я обрадовалась ей, как астронавт, встретивший в безбрежном пустом и холодном космосе братьев по разуму, и отчаянно замахала руками. Темная «Волга» осветила меня фарами и остановилась. И самое невероятное, что шофер ехал именно в то местечко, куда шла я.

Через двадцать минут мы подъехали к аулу.

— Ты к кому? — спросил шофер по-узбекски.

Я достала бумажку и прочитала адрес пункта своего конечного назначения, а также начала было читать длинное имя старика с кастрюлями, но шофер сложил почтительно руки ладонями, поклонился и сам с благоговением произнес это длиннющее имя быстро и четко, как молитву. Он в три минуты домчал меня до нужного дома, выскочил и открыл дверцу. Я вышла, а шофер, оставив машину у соседнего дома, растворился в темноте улицы.

Я стояла и не решалась постучать. Черт его знает, сколько сейчас времени, может быть, там все спят. Света не было видно.

Пока я торчала так перед домом и нервно грызла ногти, сзади меня уже несколько минут разглядывал молодой человек года на три старше меня. Он стоял в одних штанах, закатанных до колен, опираясь на лопату. Но я его не видела. Тогда он подкрался сзади, уронил лопату и одновременно и изо всех сил хлопнул в ладоши прямо у моего уха.

Я вскрикнула и, отскочив в сторону, обернулась. Парень расхохотался. Тогда я разозлилась не на шутку и сжала кулаки: мне сейчас только таких сюрпризов не доставало. Но он уже перестал смеяться и во все глаза меня разглядывал:

— Ты к кому? — спросил он по-русски.

Сначала я решила не отвечать ему, но он так мило улыбался, и потом мне ведь не с кем

было больше поговорить, и я снова вынула бумажку и принялась медленно читать сложное имя.

— Угу, — сказал он, когда я наконец закончила. А потом хитренько так прищурился и спросил: — А зачем?

— Не твое дело! — заявила я ему прямо.

— Ну тогда стой дальше, — сказал он, развернулся и медленно пошел прочь.

— Эй, — закричала я, — подожди! Ну подожди, пожалуйста. — Я кинулась за ним, потому что он начал растворяться в ночной темноте.

Но не тут-то было. Он исчез, а темнота шипела со всех сторон пугающими звуками и заливала все чернотой — хоть глаз выколи. Неожиданно откуда-то со двора раздался голос с легким завыванием:

— Заче-е-ем прие-е-ехала?

— Ну нужно мне, понимаешь, по делу.

И снова тишина. Понятно, что во дворе можно было спрятаться за каждым кустом, но не искать же мне его всю ночь.

— Ну ладно, скажу. Только ты не думай, что я того, ладно? Я за кастрюлей приехала, тьфу ты, за вазой, будь она трижды неладна.

— Да? — спросил он удивленно из-за моей спины.

Я резко повернулась и столкнулась с ним лоб в лоб. Он стоял и рассматривал меня с преувеличенным любопытством, которого я никак тогда не могла понять. Он стоял так близко, что мне стало не по себе, и я отодвинулась чуть-чуть в сторону.

— Послушай, они что, спать все полегли? Там пять дверей — в какую мне стучать? И сколько сейчас времени, не скажешь? — Я говорила теперь просительно-ласково, пытаюсь растрогать молодого человека, чтобы он прекратил наконец неожиданно прятаться и появляться.

— Пойдем. — Наглядевшись на меня вволю, он протянул мне руку, и я с опаской вложила в нее свою.

Мы подошли к одной из пяти дверей, он открыл ее, вошел и включил свет. Комната была обставлена ультрасовременно.

— Вон там можно помыться, — кивнул он на соседнюю дверь, — а здесь, — снова кивок в сторону кровати, — переночевать. — И собрался уходить.

Я схватила его за руку.

— Нет, нет, нет. Подожди. Мне нужно...

И я снова полезла за бумажкой, чтобы прочитать сложное длинное имя деда.

— Я все понял. Дед сейчас спит в соседней комнате — раз. Вазу он тебе точно не отдаст, если ты появишься перед ним в таком виде, — два...

— В каком это виде? — возмутилась я.

— В брюках, — отрезал он. — Я тебя с ним завтра познакомлю. Я дальний родственник одной его племянницы, но здесь уже давно и хорошо его знаю. Поэтому слушай меня.

— А ты где ночевать будешь? — не унималась я.

— В саду, — беззаботно сказал он и снова принялся разглядывать меня, коварно улыбаясь, а потом прищурился и спросил: — А все-таки, зачем тебе эта ваза?

— Не твое дело!

Ну не рассказывать же ему было историю про мою бедность и щедрость Пиратовны. Тем более он показался мне странным: все стоит и смотрит.

— Спокойной ночи, — сказал он наконец и закрыл за собой дверь.

Я на всякий случай повернула в двери ключ, умылась и завалилась спать. Но уснула не сразу, а еще успела подумать о странном молодом человеке. Только думала я о нем не как о странном, а как об очень, очень, ну очень красивом. Даже как-то слишком красивом для мужчины.

Спала я, похоже, совсем недолго. Как только начали голосить на улице петухи, в дверь мою тихонько постучали. Я вскочила, наспех оделась и распахнула дверь. На пороге стоял вчерашний молодой человек, прикладывая палец к губам. Он быстро взял меня за руку и куда-то потащил. Ощущая себя его сообщницей, я следовала за ним, озираясь и чуть пригнувшись, словно стараясь уменьшиться в размерах. Мне показалось, что занавеска на одном из окон быстро поднялась и опустилась. Но я убеждала себя, что это только игра воображения.

Мы выбрались за ворота, он открыл дверцу черной «Волги», стоявшей на прежнем месте, и толкнул меня внутрь. Я упала на переднее сиденье, а он тут же оказался рядом с другой стороны. Он не умел двигаться, как нормальный человек, он все время исчезал и появлялся, причем исчезал в одном месте, а появлялся в другом, где я его совсем не ожидала увидеть.

— Куда мы едем? — подала я наконец голос, когда городок остался позади.

— В Согдиану, — ответил он.

«Куда?!» — подумала я, и у меня почему-то пропала всякая охота задавать вопросы. А вопросы копились и копились. Почему он, собственно, взял чужую машину? Кто он такой? Почему мне нельзя было выспаться нормально и поговорить со странным дедом относительно его драгоценной сковородки? Точно, это меня раздражало больше всего: мне не дали выспаться. Это логика молодости: пусть все летит к чертям, пусть жизнь мчится на колесах угнанной машины в неизвестном направлении, только вот почему мне не дали выспаться? Я устала, я много ходила вчера, я в жизни своей столько не ходила, сколько вчера, я мужественно шла через перевал, я порядком запылилась в дороге. Кстати, как я выгляжу? Я даже не успела посмотреться в зеркало утром. Я даже не причесалась! О ужас! А этот красавчик, похоже, успел привести себя в полный порядок. Вчера он тоже был чумазым и пыльным, а сегодня просто светится чистотой. Я присмотрелась. Нет, светился он не чистотой. Его кожа отливала бронзой, ресницы из черного бархата, а губы нежно-розовые. Я даже заподозрила сначала, что он пользуется косметикой. Он, почувствовав мой взгляд, улыбнулся, не глядя в мою сторону, и я поняла, что постоянно нахожусь в поле его зрения.

Машина остановилась прямо, что называется, в чистом поле — ни домов, ни деревьев.

— Приехали, — сказал он, — пойдём.

Я выпрыгнула из машины, а он уже стоял подбоченясь, ко мне спиной и гордо осматривал местность. В первую минуту мне показалось, что осматривать здесь совершенно нечего. Но, подойдя к нему поближе, я чуть не оступилась и не упала в яму. Он поймал меня за руку и притянул вплотную к себе:

— Осторожнее, — сказал он, — это Согдиана — волшебная страна. Здесь может случиться все что угодно. Смотри.

И тут только я увидела, что яма, в которую я чуть не свалилась, — вовсе не яма. А стена какой-то постройки. Передо мной вились узкие улочки некогда великой страны, ушедшей со временем под землю. Он приложил руки к земле:

— Послушай, это же гул веков!

Я присела и положила руки на глиняный склон. Земля была теплая, глаза мои сами собой закрылись, и...

— Женщина, выходить будем или как? — тряс меня кто-то за плечо.

Кино кончилось, и детки уже ждали меня в проходе, а я, замечтавшись, так и осталась сидеть на своем месте, мешая гражданам, спешащим покинуть кинотеатр.

— Да, — сказала я, — обязательно.

Назад мы ехали в такси. Это мне заботливо порекомендовала Даша. И была права. Состояние, в которое я впала еще в парке, не проходило, а только усугублялось. Воспоминания, которые я столько лет гнала прочь, прорвали плотину запретов и заполонили меня, став реальной самой реальностью. В таком состоянии недолго было растерять детей в городском транспорте. Даша преобразилась. В каждой женщине, даже в совсем малолетней, живет сестра милосердия. Даша больше не визжала и не бегала наперегонки с Митей. Она бережно вела меня за руку и одновременно присматривала за братом.

Я сдала детей порозовевшей Ляльке, отказалась от чая и откланялась. Пока дверь закрывалась, Лялька посылала мне самый трогательный и сочный воздушный поцелуй, на который только была способна, а Даша уже что-то горячо шептала ей на ухо. Я порадовалась за Ляльку, бдительно стоящую на страже своей семейной жизни и латающую каждую мелкую прореху тут же, не откладывая на завтра, пока она не расплзется и не превратится в бездонную пропасть между близкими людьми.

Дома меня встретил обезумевший от радости Вождь. Мы расцеловались с ним, а потом я достала из полиэтиленового пакета старинную вазу, поставила ее и уже не стала работать в этот день, потому что в памяти моей происходила бурная революция. Власть старых чувств брала верх надо всем, что было у меня после. Я отдавалась им с легкой грустью, потому что воспоминания казались мне так прекрасны и одновременно так безнадежны...

Глава 7

Гул веков

Зажмурившись и положив обе ладони на землю, я услышала заунывную восточную мелодию. Это была необыкновенно сладкая и убаюкивающая музыка. Она дарила покой, невозможный на земле, покой космического происхождения. Даже не могу сказать, сколько это продолжалось — секунду или несколько часов. Время расплылось и исчезло. Больше не имело значения, кто я, откуда и что меня ждет завтра. Предо мной расступалась пыль веков, и меня влекло в Неизведанные дали, расстилавшиеся на горизонте.

Неожиданно я оказалась на шумной улице, той самой, к стенам которой только что прикасалась руками. На мне было одеяние из цветных тяжелых шелков, а на груди звенело ожерелье из золотых кружков удивительной чеканки. Улица была полна народу: бегали босоногие дети, старуха сидела у стены под навесом, рядом с ней стояла курильница, наполнявшая знойный воздух тяжелым пряным ароматом. И вдруг все стали расступаться и кланяться. Меня оттеснили к стене. По улице проходили люди в красивых одеждах. Они величественно и гордо ступали по опустевшей улице. И вдруг стражи, шагающие впереди, увидели меня и схватились за сабли:

— Чужеземка!

«Чужая, чужая, чужая», — метнулся эхом подхваченный шепот прижавшихся к стенам людей, стремящихся отодвинуться от меня поскорее. Стражи схватили меня и выволокли на середину улицы к дряхлому старику в золотой короне. Он не смотрел на меня. Он отворачивался брезгливо и спрашивал:

— Что ты здесь делаешь?

Голос его скрипел, как несмазанная телега.

— Я пришла за вазой, — сказала я.

И толпа загудела, то ли от удивления, то ли от негодования. Стражи еще крепче сжали мои запястья, а старик рассмеялся:

— А почему ты решила, что я отдам ее именно тебе?

Толпа снова загудела неодобрительно, и слово «чужая», повторяемое на все лады, жалило людей, разжигая гнев. Они стали приближаться ко мне, я оказалась в кольце, и десятки разъяренных глаз впивались в мои глаза. Я озиралась в поисках лазейки, но улочки были узкими, а толпа слишком многочисленная, чтобы можно было пробиться сквозь нее. Озверевшая толпа сжимала свое кольцо все плотнее, но вдруг раздался голос:

— Стойте!

От неожиданности я вскочила, наваждение схлынуло, и я оказалась лицом к лицу с молодым человеком, около машины. Наши лица разделяло всего несколько миллиметров. Прыгали кузнечики секунд, но мы не шевелились.

— Что это было? — спросила я шепотом.

— Согдиана, — тоже шепотом ответил он. — Страна видений. Тебя околдовали?

Тут я поняла, что творится что-то неладное. Что-то совсем не то, для чего я сюда пожаловала. Мы с этим парнем застряли где-то между двумя мирами и находимся в другом измерении. У нас нет прошлого и будущего, у нас есть только вот эти секунды, которые скачут кузнечиками между нашими лицами. И это удивительно приятно, и хочется так стоять долго-долго, пока не стемнеет и пока снова не рассветет.

— Как тебя зовут? — снова шепотом спросил он.

— Ал, — ответила я, и звук собственного имени резко вернул меня к реальности.

Я отошла в сторону и оглянулась. Он не тронулся с места. Он остался стоять там, где стоял. Интересно, может быть, у него тоже какое-нибудь видение? Такое, в котором я не сбежала от него так поспешно, а продолжаю стоять и о чем-то говорить. Мне захотелось вернуться и встать на прежнее место, но он уже обернулся и смотрел на меня, хитро улыбаясь.

— Ал, значит? Хорошо. Тогда я — Ол.

— Ты что, шутишь?

— Нет. Меня так зовут друзья. И чем ты занимаешься, Ал?

— А ты? — попыталась я выиграть время. Нужно что-нибудь скорее придумать, потому что рассказывать ему, что я еще учусь в школе, мне ужасно не хотелось.

— Заканчиваю исторический.

— А я учусь в Политехе, — соврала я бойко, утешая себя тем, что когда-нибудь все-таки обязательно буду там учиться.

— Ал, ты ведь русская? — спросил он, глядя на мои длинные черные как смоль волосы.

— Да, а что?

— Совсем русская? — уточнил он.

— Совсем.

Он снова принялся изучать меня с ног до головы. По следу его взгляда по телу поползли мурашки, а в ногах появилась чудовищная слабость. Его взгляд скользил по моей фигуре снизу вверх, и, встретившись со мной глазами, он рассмеялся:

— Извини. Я придумал. Поехали.

Он снова открыл дверцу машины и легонько подтолкнул меня на сиденье. Я уже не сопротивлялась и знала, что, как только поверну голову, он окажется на сиденье рядом с другой стороны. Мне хотелось уловить тот момент, когда он исчезает с одного места и появляется в другом, но и на этот раз мне это не удалось.

Мы ехали по долине, и я попыталась завести разговор на тему дедушки, но Ол упрямо молчал. То ли задумался, то ли не одобрял, что я вообще открываю рот, когда меня не спрашивают. В любом другом случае я бы уже давным-давно разозлилась, что меня швыряют как куклу из машины в машину и не отвечают на важные вопросы. Но в нем была какая-то огромная то ли сила, то ли властность. Я безотчетно чувствовала, что он не такой, как все. И тут же сама себя распекала: «Ну конечно, не такой! Слишком красивый для тебя, Ал, правда? Ты уже растаяла, Ал, или как? Ты еще долго будешь таскаться за ним, как авоська?»

Я уже совсем было собралась заявить ему, что с меня довольно, и даже подняла руку для какого-то широкого жеста, который должен был сопровождать мои слова, и тут увидела... Нет, вы представить себе не сможете. На моих руках остались следы от несуществующих браслетов, вжатых в руки несуществующими стражниками загадочной, но тоже несуществующей страны Согдианы. Галлюцинация вонзила когти в реальный мир. Но самое главное, в этот момент я поняла, кто спас меня, кто крикнул «Стойте!» этим людям, когда они уже собирались разорвать меня на части. Это ведь был он, я успела заметить это. Это точно был он. Только одет он был совсем иначе и...

— Приехали.

Опять приехали и опять не туда. На обочине пыльной дороги стоял магазин. Интересно, кто сюда заглядывает? Вокруг только трава растет на несколько километров.

Он вошел и поздоровался с молодой девушкой, стоявшей за прилавком. Язык я знала плохо, тем более не могла разобрать, на узбекском они говорят или на таджикском. Но выражение лица продавщицы передавало разговор лучше всяких слов. Как только Ол вошел, она начала таять, словно снег на сорокаградусной жаре. Потом уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Через несколько минут ее глаза хитренько сузились, и она с пониманием закивала, неодобрительно оглядев меня. Возможно, думала я, он поведал ей, что я работаю в утильсырье и проявляю нездоровый интерес к старым кастрюлям. Девушка еще раз смерила меня взглядом и полезла под прилавок. Через пять минут она вынырнула оттуда и, поманив меня пальцем, развернула передо мной узбекское платье из хан-атласа. Узор был таким мелким, что в глазах рябило от разноцветных полосочек, прошитых золотой блестящей нитью.

— Одевайся, — весело сказал мне Ол, а девушка уже приглашала меня в свои закрома.

— Ну вот еще! — Я решительно замотала головой, чтобы девушке тоже было понятно, что я никуда ни за что не пойду.

Девушка изумленно смотрела то на меня, то на платье, то на Ола. Ей, очевидно, показалось, что наряд мне просто не понравился, но ничего красивее и дороже в ее магазине не было, поэтому она заволновалась и посмотрела на Ола с просительным выражением.

— Я тебе уже говорил: дед не станет с тобой даже разговаривать, явись ты к нему в брюках.

— А мне и не нужно с ним разговаривать. У меня рекомендации есть, — сказала я, похлопывая себя по карману, где покоилось измятое письмо Пиратовны, обращенное к деду.

Ол посмотрел на меня удивленно и шагнул в мою сторону, поглядывая на карман. Я отступила и вцепилась в свой бок, где располагался карман, с такой силой и отчаянием, что костяшки пальцев побелели.

— Ладно, — решительно начал Ол. — Как бы там ни было, тебе нужно переодеться.

— У меня нет денег на это платье, — сопротивлялась я.

— Денег не нужно, — сказал Ол.

— У вас тут что — коммунизм? Машины — общие, денег в магазине не берут. Красота!

Ол отвернулся и спросил:

— Ты знаешь, кто такой. — И он назвал полное имя деда, причем продавщица тут же сложила руки ладонями и закатила глаза, точь-в-точь как это сделал водитель «Волги» вчера вечером.

— Местная святыня, никак не меньше, — ответила я, оторопело разглядывая застывшую с закатившимися глазами продавщицу.

Ол подошел ко мне вплотную. Ну и привычки были у этого парня! То в воздухе растворяется, то встанет рядом нос к носу и ну разглядывать тебя, словно у него не глаза, а сканеры, читающие мысли.

— Ты действительно не знаешь? — тихо спросил он.

— Да мне, собственно, и не очень интересно.

— А зачем тогда тебе ваза? — снова задал он вопрос, который со вчерашнего дня стал мне поднадоедать.

— Это длинная история, — отмахнулась я и замолчала, всем своим видом показывая, что рассказывать ее не собираюсь.

— А почему ты решила за ней поехать?

— Понимаешь, Ол, это вопрос жизни и смерти, — несколько преувеличила я.

Неожиданно Ол обрадовался моему ответу и удовлетворился им.

— Раз для тебя это так важно, одевайся. Дед никогда не отдаст вазу чужой.

«Чужой, чужой», — пропело эхо у меня в голове под знакомую восточную мелодию.

— Ладно, — сказала я наконец. — Куда идти?

Девушка-продавщица облегченно вздохнула, словно у нее кирпич с сердца свалился.

Она замахала мне руками, заманивая в дверь за прилавком.

Я облачилась в тяжелый, приятно скользкий по телу наряд и вышла. Увидев меня, Ол усмехнулся было сначала, но потом его усмешка перешла в задумчивую улыбку, и он чуть прикрыл глаза, словно от яркого солнечного света.

— Ну? — спросила я. — Ваза моя?

— Надеюсь. Только вот кеды при таком наряде неуместны.

Он снова что-то сказал продавщице, и та взяла меня за руку и подвела к полке, где рядами стояли удивительные шлепанцы, расшитые золотыми нитками, бисером и еще черт те чем.

— Выбирай! — крикнул Ол.

Я тяжело вздохнула, но упрашивать меня не пришлось. Это были не реальные туфли, а сказочные башмачки, в которых обычно расхаживают по мягким коврам восточные принцессы. Собирая свои вещи в сумку, я заметила, что Ол о чем-то просит продавщицу. Неужели мне на этой беспроектной лотерее выдадут еще одно платье? И точно. Продавщица принесла сногшибательное платье белого цвета. А потом поставила на прилавок удивительные башмачки. И тут я с удивлением заметила, что это вовсе не мой размер.

Глава 8

Зумрад

«Неужели у него есть девушка?» — подумала я, и мне стало невыносимо горько — хоть плачь. «Ну конечно, — ругала я сама себя уже в машине, — раскатала губки! Чтобы у такого парня, да не было девушки?! Они наверняка здесь всем селением за ним бегают. А ты что, дурочка Ал, думала, он здесь сидел столько лет и тебя, невообразимую красавицу, ждал?» Настроение испортилось. Я уговаривала себя, что он, в конце концов, вовсе ничего мне не должен, что я должна быть ему еще и благодарна за помощь, что... Но сердце мое было наполовину разбито и не желало прислушиваться к голосу разума. «Черт побери! Да чего же ты такой красивый-то?» — думала я с тоской, поглядывая на Ола. А он едва сдерживал смех, наблюдая перемены моего настроения.

Я так расстроилась и увлеклась своими мыслями, что незаметно задремала. И...

«Стойте!» — конечно, это был он. Он шел ко мне через толпу, которая почтительно расступалась перед ним. Он подошел ко мне и взял меня за руку.

— Отдай ей! — сказал он деду, и толпа в изумлении ахнула.

— Да ты спятил! — грозно закричал старик. — Обезумел совсем! Она чужая! Отойди от нее, иначе я прокляну тебя! Чужая не может быть нашей царицей!

Стражники попытались оттеснить его от меня, но он крепко держал меня за руку.

— В темницу ее! — кричал старик. — Немедленно!

— Но ведь она выполнила все условия. Она прошла сквозь время и пространство, ее привела сюда сама судьба. Ведь в книге будущего написано, что когда-нибудь сюда придет дочь чужого народа и станет королевой...

— Я помню, — сказал старик, — я очень хорошо помню, что написано там дальше: после того как ей отдадут символ власти, она исчезнет, а страна наша на долгие годы останется без правителя и погибнет.

— Я прослежу, чтобы она не сбежала, — рассмеялся он. — Ты ведь не сбежишь? — спросил он, поворачиваясь ко мне и притягивая меня к себе.

— Нет, — сказала я, испуганно озираясь на толпу, еще не сделавшую окончательно своего выбора. — Нет.

Я изо всех сил прижалась к его плечу. Он был моей единственной надеждой. Только он. Только он.

Очнувшись, я с ужасом обнаружила, что моя голова лежит у него на плече, рука крепко держит его руку, замершую на переключателе скоростей, а машина стоит посреди дороги. Подскочив как ужаленная, я рванула на место и от чувства неловкости вжалась в сиденье, мечтая стать невидимой ну хотя бы на какое-то время.

— Ты не выспалась? — спросил он совершенно серьезно.

— Ага! — извиняясь, сказала я. — Даже не заметила, как заснула. Где мы?

— Мы ехали назад, — сказал он повернувшись, — и ты уснула, а как только подъехали к Согдиане, схватила меня за руку с такой силой, будто за тобой кто-то гнался во сне. Тебе снилось что-то страшное?

— Что? Не помню. Наверно, страшное.

— Жаль, что ты не выспалась, — сказал он.

— Почему?

— Потому что мы сегодня вечером приглашены на праздник.

— Почему — мы? Разве кто-то знает о моем приезде?

— О твоём приезде знают уже все.

— Откуда? — спросила я.

— О твоём приезде написано в книге Перемен, — смеясь, ответил Ол, и мы снова двинулись в путь.

На этот раз мы проехали дом старика и остановились у нарядного домика, самого беленького и чистенького во всем ауле. Ол вышел из машины и постучал в дверь, а я осталась сидеть, стараясь мыслить трезво и разумно. Что, спрашивается, я здесь делаю? Чего тяну кота за хвост? Нужно выполнять поручение Пиратовны и двигать домой. Меня там мама с напой ждут.

Ворота распахнулись, и из дома выбежала девушка. Увидев Ола, она обрадовалась и стала щебетать что-то, а он радостно улыбался, слушая ее. Девушка оказалась настоящей красавицей, и я сразу все поняла. Ну вот и приплыли, как говаривала моя подруга, которую вызывали к доске всякий раз, когда она не делала домашнего задания. Девушка была под стать Олу, кто спорит. Коту понятно. У такого красивого парня должна быть такая же красивая девушка. Такие парни не увлекаются первыми встречными-поперечными, будь они хоть трижды Ал. Они просто очень гостеприимны и добры. Все, Ал, все. Пора домой.

Ол открыл дверцу и стал вытаскивать меня из машины. Я слегка упиралась, и ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы достать меня оттуда.

— Познакомься, это Зумрад, — сказал он.

Зума теперь улыбалась мне и, стараясь объясняться по-русски, но вставляя узбекские слова, все повторяла и повторяла, как она рада и какой это праздник для нее — видеть меня здесь. Двойной праздник. (Значит, когда она видит Ола одного, это для нее праздник одиночный.) Оттого, что Зумрад так искренне обрадовалась, а не швырнула в меня сразу же чем-нибудь тяжелым, я расстроилась еще больше. Значит, в моем лице она не видит соперницы, значит, абсолютно уверена в его чувствах. В это время Ол сунул мне в руки сверток — тот самый, из магазина, и толкнул в бок.

— Зума, — сказал он, — это тебе.

И посмотрел на меня. Я протянула сверток, и девушка тут же стала разглядывать подарки, ахать и радостно смеяться. А потом принялась щебетать что-то Олу. Понятно, благодарит своего щедрого воздыхателя.

— Пойдем, Зума нас покормит, — позвал Ол.

Я попробовала возразить, но меня уже буквально волокли в дом. Прибежали еще какие-то девушки и женщины. Мне называли их имена, мы раскланивались, но я так ни одного имени и не запомнила. А потом нас завели в комнату. Вот это да! Все стены были увешаны шикарными платьями. На полу лежали ковры, поверх них, груда разноцветных атласных одеял и подушек.

— Только для самых дорогих гостей, — перевел мне слова одной из женщин Ол.

Все это время он посматривал на меня, поджимая губы, чтобы не рассмеяться, а я пыталась делать вид, что мне все это абсолютно безразлично. Но платья, развешанные по стенам, поразили мое воображение, я не выдержала и спросила Зуму:

— Это твой?

— Да, — сказала она, — они все новые. Это приданое.

— Они так месяц будут висеть, — объяснил Ол.

— Ты замуж выходишь? Сердце мое совсем окаменело и готово было рассыпаться каменной пылью.

— Да, — сказала Зума и, изумленно оглянувшись на Ола, что-то спросила у него.

Он ответил ей, она, похоже, возразила, замахала руками на него, мол, хватит, хватит, и снова повернулась ко мне:

— Я скоро выхожу замуж. А сегодня у меня... — Она вставила непонятное слово.

— Девичник, — перевел Ол.

— Да, дэвишник. И я тебя приглашаю. Это будет такая честь.

— Да что вы, я здесь ненадолго. Мне...

— Она обязательно придет, — ответил за меня Ол.

Мне очень хотелось его стукнуть, но в это время дверь приоткрылась и показалась голова молодого человека с широкой улыбкой. Зума замахала на него руками. Но он не уходил, а, кивнув нам, поманил ее пальцем. Зума покраснела и, извинившись, упорхнула к нему. Через пять минут в доме раздались женские крики. Я выглянула в окно. Три женщины, смеясь, выталкивали молодого человека из дома.

— Кто это? — удивилась я.

— Это жених, — сказал Ол. — Сегодня ему сюда нельзя.

У меня внутри открылся горячий источник, накрыв сердце кипящей волной. Ол очень внимательно наблюдал за моей реакцией. Черт побери! Это он все специально проделал. Ему интересно было, как я отреагирую. То-то он все наблюдал за мной.

— Зумрад — моя двоюродная сестра. А он — мой друг. Я сегодня иду на мальчишник. А ты уж не обижай ее, приходи к ней. Это праздник на всю ночь. Я тебя на рассвете встречу за воротами.

Нам принесли плов, и я с удовольствием ела его руками. Дома я обожала это занятие, но мама все время била меня по рукам и кричала, чтобы я взяла вилку. Потом Ол ушел, а Зума решила довершить начинание брата по моему перевоплощению и заплела мои волосы в сотню тонких косичек. Потом мы с ней красили брови сурьмой и она долго рассказывала мне, как познакомилась со своим женихом.

Глава 9

Похищение

Улучив момент, когда Зума занималась приготовлением какого-то особо сложного блюда, я решила, что час мой пробил — пора действовать. Сказав, что мне нужно на минуточку отлучиться, я бросилась к воротам и быстро пошла по направлению к дому деда. Разумеется, я не забыла прихватить из кармана брюк рекомендательное письмо Пиратовны. Поравнявшись с окнами, я наткнулась на свое отражение. Теперь никто не узнал бы во мне русскую девчонку. Я постучала. Дверь открылась, но на пороге никого не оказалось. Я вошла внутрь, и дверь сама собой с шумом захлопнулась.

Стоя в темном коридорчике, я терпеливо ждала, пока глаза мои привыкнут к крошечной темноте, потому что совсем было непонятно, в каком направлении двигаться дальше. Минуты через три я стала различать стены и провалы дверей в них. Хорошо было бы позвать кого-нибудь или просто крикнуть «Эй, есть тут кто-нибудь живой?», но я твердо решила не афишировать свою национальную принадлежность. Неожиданно загорелся яркий свет, и я зажмурилась. А когда открыла глаза, передо мной стоял мальчик и хлопал на меня ресницами такими же длинными и черными, как у Ола. Я сунула ему под нос бумажку с длинным именем деда, и он указал мне на самую маленькую дверь, ведущую, как мне сначала показалось, в какой-то чулан.

Войдя, я немного оторопела. Комната была полностью драпирована коврами. Со стен свисали черные лианы, и было непонятно, откуда же они растут. Курильница чадила тяжелым ароматом. Посреди комнаты на подушках сидел с закрытыми глазами старик с длинной белой бородой. Прямо перед ним стояло огромных размеров зеркало. «Зачем, интересно, он сел перед зеркалом и закрыл глаза?» — недоумевала я. Около подушек лежала толстенная книга в сафьяновом переплете, изъеденном молью, а на книге лежал старинный кинжал с изогнутым лезвием. Справа в небольшом металлическом чане полыхал огонь.

У меня закралось подозрение, что дед этот — местный колдун. Понятно теперь, почему люди закатывают глаза и готовы все отдать, когда произносят его имя. Я внимательно присмотрелась к старику и ахнула. Это был точь-в-точь правитель Согдианы, только на голове его вместо короны красовалась расшитая разноцветным шелком тюрбетейка.

Так как ахнула я вслух, дед открыл глаза и хмуро посмотрел на меня. Готова поклясться, что он тоже был не прочь бросить меня в темницу. Он что-то сказал, и голос его оказался таким же скрипучим, как и в моем видении. То есть это был один и тот же голос, потому что другого такого просто не могло быть. В памяти тут же всплыло страшное слово «чужая», и я решила не подавать голоса ни под каким видом. Вместо этого я протянула ему письмо Пиратовны, и он, выудив из складок своего одеяния очки в современной модной оправе, стал читать ее каракули, брезгливо разглаживая измятый листок.

Прочитав, он еще минут пять косился на меня, поминутно то закрывая, то открывая глаза. Затем хмыкнул и хлопнул в ладоши. «Стража», — похолодела я. Но вместо стражников на пороге появился уже знакомый мне мальчик, и старик коротко что-то приказал ему. Мальчик исчез и через несколько минут появился снова. В руках он бережно держал вазу. Старик кряхтя встал, взял вазу обеими руками, положил поверх нее книгу, закрыл глаза и, протягивая руки вперед, стал что-то бормотать с закрытыми глазами. Я поняла это как приглашение забрать то, за чем меня прислали, сделала шаг вперед и, как

только коснулась ее металлического края...

Да, да. Мне только что вручили ее. В небольшом зале горел огонь, столы ломились от обилия яств, и старик с короной на голове протягивал мне вазу. Я взяла ее, и в этот момент заиграла все та же заунывная мелодия. Ол стоял возле меня и грустно улыбался. А старик опустился на колени посреди комнаты и нараспев принялся произносить то ли молитву, то ли заклинание.

— Что он делает? — тихо спросила я Ола.

— Умоляет духов смерти оставить наш народ, продлить дни благоденствия страны, изменить судьбу.

— А разве можно изменить судьбу? — спросила я.

— А ты как думаешь?

— Думаю — нет.

— Тогда всем нам грозит бесславная жизнь и скорая смерть, так сказано в книге предсказаний.

— И ничего нельзя сделать?

— Ты могла бы спасти страну.

— Но как?

— Выйти замуж за сына нашего народа, родить наследника.

— Но это невозможно.

— Почему?

— Я живу совсем в другом мире. У меня другое будущее.

Он вздохнул и сказал:

— Я знаю.

— Откуда?

— Об этом тоже написано в книге. Ты уйдешь, и мы больше никогда не встретимся.

— Где она, твоя книга?

Он кивнул в сторону молящегося старика, и я увидела около него книгу в сафьяновом переплете. Тогда я быстро подошла к нему, подняла книгу и бросила ее в огонь, пылающий посреди зала.

— Этого будущего больше нет! — крикнула я. — Вы напишите другую книгу, совсем другую.

Что тут началось! Ко мне с разных сторон бросились люди. Они метались между мной и книгой, страницы которой быстро занимались пламенем. Люди кричали, толкались, бросались друг на друга. Я пробивалась в этой сутолоке к выходу, отчаянно работая локтями...

Очевидно, я сделала какое-то резкое движение, потому что книга, лежавшая поверх вазы, слетела с нее и, раскрывшись в воздухе, упала прямо на мерцающие теперь в чане угли. Страницы вспыхнули, и старик громко закричал. В соседних комнатах послышались шаги, несколько человек спешили ему на помощь, он пытался спасти книгу, но страницы на глазах одна за другой превращались в красные язычки пламени. Мне показалось неуместным дожидаться развязки этой трагедии, и я метнулась к выходу. Выбежав на улицу, я бросилась к дому Зумы и первым делом спрятала драгоценную вазу в пакет, забросав своими вещами.

— Что ты здесь делаешь?

Зума подошла так тихо, что я не успела восстановить дыхание.

— Старик отдал мне вазу. — Я решила не врать ей, какая теперь разница.

— Вот это да! — Она обхватила лицо руками и закачала головой.

— Зума, можно спросить тебя?.. — начала я.

— Конечно, ведь мы с тобой теперь почти родственницы.

«Вот дела, — подумала я. — С чего бы?» Но в этот день произошло столько странных вещей, что меня уже не удивляли мелкие странности и неувязки.

— Расскажи мне про... — И неожиданно для себя я на память произнесла имя старика.

— А ты сама разве не знаешь?

— Я ничего не знаю.

— Зачем же ты тогда приехала за вазой? — удивилась Зумрад.

— Давай так: ты расскажешь мне про деда, а я потом расскажу, как оказалась здесь.

И Зума начала рассказывать...

Глава 10

История старика

Жители маленького аула всегда чувствовали, что рядом с ними происходят невероятно странные вещи. Выжженная степь преподносила время от времени небывалые сюрпризы. Те, кому не повезло оказаться там в сумерки, говорили, что слышали в ночи таинственный шепот вокруг себя, их преследовали непонятного происхождения шорохи и прочие странные звуки. Другие утверждали, что видели яркие вспышки в той стороне, третьи говорили, что из-под земли там даже днем льется заунывная мелодия, холодящая кровь. Люди боялись этого места в степи и старались обходить его стороной.

Дед был маленьким мальчиком, когда однажды отправился с друзьями разведать — что там за странное место и почему родители строго-настрого запретили им туда соваться. Ребята пришли в степь, развели костер и поняли, что их пугают зря, потому что ничего страшного не увидели и не услышали.

Мальчишки скакали вокруг костра и смеялись, радуясь собственной храбрости, но через несколько минут костер их вдруг начал угасать, налетел ветер и небо в одно мгновение почернело. Они бросились бежать, но один мальчик — а это и был дед Ола — остался сидеть у погасшего костра. Ребята не могли бросить товарища в таком странном месте и побежали обратно. Мальчик сидел с закрытыми глазами и что-то бормотал себе под нос на непонятном языке. Поднять его было невозможно. Он словно прирос к земле.

— Шайтан! — закричали дети и опрометью бросились в аул, чтобы позвать на помощь взрослых.

Каково же было их удивление, когда, возвращаясь с подмогой за своим товарищем, они встретили его на полпути к дому. Он шел спокойно и удостоил их такого взгляда, что все они встали как вкопанные.

— Мертвая Согдиана говорила со мной, — сказал ребенок.

Мальчишки хотели засмеяться над непонятными напыщенными словами, но не смогли. Взрослые хмурились и молчали. Никто не мог выдавить из себя ни звука.

С тех пор мальчик изменился. Он больше не играл с детьми, он каждый день ходил в степь, просиживал там по несколько часов, и те, кто подглядывал за ним, не смея приблизиться, утверждали, что он разговаривает вслух. Некоторые со временем сочли его сумасшедшим, но старые бабки под покровом сумерек стали бегать к ребенку и просить его благословения. Говорят, у некоторых проходили все болезни после того, как он, положив руку на голову просительницы, пел что-то на никому не знакомом языке.

В один прекрасный день родители мальчика, вернувшись поздно вечером со своего крошечного хлопкового поля, нашли на столе горсть золотых монет. Они так и сели. Отчеканенное на монетах лицо напоминало им профиль взрослеющего сына, и через некоторое время по аулу пополз слух, что дед — не кто иной, как правитель Согдианы, исчезнувшей с лица Земли тысячу лет назад.

К нему стали приходиться паломники, и многие уносили с собой золотые монеты старинной чеканки. Он приносил их из степи. Когда шли дожди, после них на земле появлялись эти монеты, и сколько мальчик набрал их известно одному Аллаху, но все считали, что он сказочно богат.

Когда пришли большевики, он затаился, а потом сам вызвал археологов, и те начали

раскопки.

— Раскопки? — переспросила я.

— Да, Ол говорил, что возил тебя туда.

— Да, конечно, — ответила я огорченно оттого, что все оказалось так прозаично: раскопки, археологи.

У старика был сын. Его с детства завораживал блеск золотых монет. Дед водил его с собой в Согдиану, но тот ничего не слышал, не было у него никаких видений, только все посматривал он на землю — искал монеты, прямо как грибы. И дед махнул на сына рукой. А тот в один прекрасный день прихватил почти все дедово богатство и уехал в Ташкент. И там он теперь что-то вроде... — Тут Зума опять вставила непонятное слово.

— Это кто? — не поняла я.

— Сейчас, — сообразила что-то Зума и вышла из комнаты.

Вернулась она с красивой детской книжкой и показала мне картинку. Я догадалась, что это сказка про Али-Бабу и сорок разбойников. Объясняя непонятное мне слово, Зума тыкала в разбойников.

— Понятно, мафия! — сообразила я вслух.

И Зума, приложив палец к губам и посматривая на дверь, закивала.

Дед проклял бы, наверно, своего сына, но тот очень скоро женился, и вскоре у него родился наследник. Сын приехал к отцу просить благословить малыша, и тот неожиданно согласился, поставив, однако, условие, что мальчик будет по четыре месяца в году жить у него. С тех пор Ол всегда проводил лето у дедушки. Когда ему исполнилось пять лет, дед взял его на раскопки. Они спустились на одну из улиц, и Ол стал там скакать, смеяться и заговорил на том самом, одному деду понятном языке. Правда, с ним это случалось редко. Он не всегда слышал умершую страну.

Ходили слухи, что в свое время, еще до прихода археологов, дед нашел вазу в степи и поклялся, что отдаст ее только невесте своего внука. Теперь Ол вырос, и приятели отца поговаривали о том, что ему пора обзавестись собственной семьей. Но отец Ола всегда мечтал заполучить вазу Согдианы. Он считал ее символом власти и надеялся, что это именно ваза притягивает к себе богатство. Он решил продать ее за большие деньги и даже покупателя для нее нашел, несколько раз обшарил весь дом старика, но все тщетно. Тогда он оповестил всех, что Ол женится на той девушке, которой старик отдаст вазу. С тех пор сюда нет-нет да и заглянет какая-нибудь искательница счастья. Только всех прочих обычно привозят с эскортом мамушек и тетушек, в отличие от Ал.

— Я поняла, — с ужасом сказала Ал. — Девушка, которой старик отдаст вазу, — это невеста Ола.

— Конечно, — обрадовалась Зума, что хоть что-то до меня дошло.

— Боже мой!

Но в этот момент начали приходить гости и Зума побежала встречать подружек, оставив меня в одиночестве за накрытым столом.

Стало быть, Пиратовна хочет выдать свою дочку замуж за Ола. Свой подарочек, свою Венерочку. А я, значит, взялась им в этом помогать. Я отдам Пиратовне вазу, она явится с ней к отцу Ола, и все будет решено. А Ол, получается, все это время думает, что я отчаянно хочу выйти за него замуж. Ой, кошмар какой! Но, с другой стороны, он помогал мне. А значит...

Но дальше я решила не додумывать эту безумную мысль. Я все время дергала себя за

отросшие крылышки, пытаясь вернуть на землю из лучезарных далей, в которые меня последнее время постоянно заносило. Во-первых, я учусь в школе. Во-вторых, я вовсе не собираюсь замуж. В-третьих, когда он узнает правду, он меня возненавидит.

Но, с другой стороны, если отец выберет для него невесту, Ол вынужден будет жениться на ней. Это закон, который не смогли отменить ни революция, ни семьдесят лет Советской власти. Неужели я сама, своими руками сделаю эту подлость — отдам вазу Пиратовне и тем самым заставлю Ола всю жизнь мучиться с такой гадюкой, как ее доченька. Лучше бы я писала свои агитбригады, ей-богу! Куда ввязалась?

Мне было очень страшно. Я боялась встретиться с Олом. Я не смогу посмотреть ему в глаза после того, что узнала. Он ведь считает, что я рвусь за него замуж. Как я там ему сказала: «Это вопрос жизни и смерти». Вот уж он посмеялся, наверно. Нет, с Олом я решила больше не встречаться. Произошло недоразумение. Так бывает. И вероятно, не только со мной. От стыда мне хотелось провалиться сквозь землю. Нет, Ол пусть живет как жил и поскорее забудет идиотку Ал, так неаккуратно вмешавшуюся в его личную жизнь. Значит, пора выбираться отсюда.

Если жениху Зумы к ней сегодня нельзя, ей к нему — и подавно. Выходит она не сможет предупредить Ола даже в том случае, если заметит мое исчезновение. Я подождала, пока набьется порядочно народу, переоделась в комнате, где красовались разноцветные платья, оставила там свое. Я облачилась в джинсы и кроссовки и тут не удержалась и забрала на память волшебные шлепанцы. Ведь это не очень страшно, правда? А мне так хотелось, чтобы от этой странной истории у меня хоть что-то осталось на память. Ну хоть что-нибудь...

Глава 11

Бегство

Выбравшись из аула, я быстро пошла по дороге. Стоял теплый весенний вечер. Я шла и занималась только тем, что отгоняла безумные мысли, пытавшиеся свить гнездо в моей голове. «Главное — ни о чем не думать», — говорила я себе, совсем не чувствуя, как по щекам моим катятся теплые соленые слезы. Главное — все это поскорее забыть. Я подходила к тому месту, куда меня привез Ол сегодня утром. Мы были знакомы с ним только один день. Для школьницы это, возможно, — целая эпоха, но для старшекурсника — ерунда. Он не будет беспокоиться по поводу моего бегства. Появилась — исчезла, подумаешь. А вазу я же не собираюсь оставлять себе. Она вернется назад, в их семью. Или собираюсь? «Пошла вон!» — мысленно орала я на эту гадкую мысль, которая все время кружила в моей бедной голове.

Я шла все быстрее и быстрее, уже почти бежала, когда в стороне от меня разверзлась мертвая страна. Точнее, то, что от нее осталось. Подойдя к самому краю, то есть практически стоя на одной из стен, я сказала вслух:

— Прощай, Согдиана!

В этот момент земля закачалась и решительно поплыла из-под моих ног.

Пошатнувшись, я попробовала обрести равновесие, и мне это удалось. Опять видение? Я сладко зажмурилась. Нет, похоже, это никакое не видение, а обычное землетрясение, которые случаются в Средней Азии чуть ли не поминутно. Согдиана прогоняла отступницу, не хотела со мной больше разговаривать. И я ушла. Повернулась и ушла. «Вот и все», — думала я, подходя к закрытому магазину в степи. И вдруг услышала звук, доносившийся с той стороны, откуда я шла. Я обернулась. По степи в облаке пыли мчалась черная «Волга». Я была уверена, это Ол пытался догнать меня. Я спряталась за домиком-магазином и затаила дыхание. Через пять минут машина на огромной скорости промчалась мимо меня и скрылась за перевалом.

Мне стало ужасно плохо. Хотелось выскочить из своего укрытия и закричать: «Стой! Я здесь! Вернись!» Но как только я думала о том, что скажу ему, как объясню все, мне казалось, что он отвернется от меня и уйдет, проклиная на чем свет стоит. Мне не хотелось оставлять после себя такие неприятные воспоминания. Пусть уж лучше забудет обо мне поскорее, чем будет вспоминать с отвращением.

Я снова пошла по дороге, и тут мне повезло (или не повезло? — теперь не знаю): на дороге показался грузовик. Я отчаянно замахала водителю, и он притормозил. Оказалось, что машина везет археологов в Самарканд. То есть повезло мне вдвойне: они быстро примчали меня в город, и я успела на ночной поезд, следующий в Ташкент.

Под стук колес я вспоминала все, что случилось со мной, каждую минуточку растягивая в памяти на две. Я много думала и пришла к неутешительному выводу. Ол мне очень понравился, но выходить за него замуж — абсурд какой-то. Осенью мне исполнится восемнадцать, и я уже два года собираюсь поехать — по стопам моего деда — в северную столицу и поступить там в Политехнический институт. Я не хотела и не могла ломать свои планы. Мне хотелось мир повидать, людей посмотреть. А что делать замужем, я абсолютно не знала.

Сейчас, когда я как перст одна в свои тридцать пять лет и солнце в мое окно

заглядывает нечасто — несмотря на то что окна квартиры выходят на южную сторону, — возможно, мне и кажется, что замужем мне было бы весьма и весьма интересно. Я бы даже, наверно, не отказалась от двоих или троих малышей с длинными черными ресницами. Но сейчас никому не интересно, чего я хочу. То есть до вчерашнего дня было не интересно. До того самого момента, когда старик вручил мне вазу мертвой страны в городском парке и растворился в воздухе...

Когда я ехала в поезде, мне казалось, что необыкновенная история окончена и мне, когда вопрос с вазой решится, ничего не остается, как только поскорее выбросить все это из головы. Преподнести Ола на блюдечке противной дочке Пиратовны я не буду. Наплевать на деньги. Лучше буду есть поменьше, вещи беречь, экономить на завтраках в школе. Двадцать копеек в день — в месяц, стало быть, четыре рубля экономии. А это уже два килограмма мяса. Не видать Пиратовне в зятях Ола как своих ушей.

Я вернулась домой, и мама долго расспрашивала меня, как мне понравилось в Таджикистане, у бабушки моей подружки. Я рассказала ей про раскопки, про Зуму, как та выходила замуж и пригласила меня на девичник, но обо всем прочем, естественно, умолчала. Фантастические шлепанцы мне, объясняла я, подарила бабушка подруги. А вазу я спрятала в самый дальний угол своего шкафа, в котором вечно царил беспорядок и куда мама никогда не заглядывала. Все.

Вечером я собралась в магазин и, спустившись по лестнице, нос к носу столкнулась с Пиратовной.

— Ну как? — нервно спросила она.

— Не получилось, — грустно и чуть испуганно ответила я.

— Рассказывай подробно, как было, — настаивала она, и глазки ее сузились, заблестев раздражением.

И я рассказала ей о своей встрече со стариком от начала и до тех пор, когда он протянул мне вазу.

— Он протянул ее, и я сказала ему: «Спасибо!».

— Черт побери! Зачем? — взорвалась Пиратовна, из-под носа которой уплывала в моем рассказе вожденная ваза.

— Из вежливости, — оправдывалась я.

— И что?

— Он широко раскрыл глаза, уставился на меня, а потом закричал: «Чужая!».

— По-русски закричал? — наседали Пиратовна.

— Нет, конечно, только я это слово так поняла. И после этого ото всюду послышались шаги, и я сбежала. Слишком недоброе было лицо у старика.

Пиратовна плюнула на землю, обругала меня на своем родном языке и отправилась восвояси. Постояв еще минутку, я пришла в себя и облегченно вздохнула. Разобрались с Пиратовной, слава Богу, поверила. И я вприпрыжку отправилась в магазин. Все время после своего возвращения я думала только о том, как бы отправить вазу владельцу. Хотя нет, лучше отправить ее самому Олу, чтобы он мог выбрать невесту по своему усмотрению. Послать по почте? Бандеролью? Посылкой? А что, запечатать в деревянный ящик и послать. Адрес у меня сохранился. Написать: Олу, лично в руки.

План был блестящий, но я почему-то все время откладывала его исполнение. В школе начались выпускные экзамены, свободного времени не оставалось. А если честно, мне было жаль расставаться с вазой из волшебной страны. По ночам иногда, когда родители крепко

спали в своей комнате, я вытаскивала ее из шкафа и сидела часами с ней в обнимку, ожидая, что вот-вот произойдет чудо и я снова окажусь в Согдиане, посмотрю хотя бы краешком глаза на Ола. Но ничего не происходило. Мертвая страна замолчала раз и навсегда.

Глава 12

Снова Ляля

Выплыв из своих воспоминаний в малогабаритную ленинградскую квартиру, я обнаружила, что сижу с вазой в обнимку, совсем как школьница. С прежней надеждой посмотрев на вазу, я покрепче прижала к ней ладони. Но ничего не происходило. Совсем ничего.

Мне очень хотелось с кем-нибудь поделиться всей этой историей, которая, всплыв теперь в памяти, превратилась в самую настоящую трагедию моей жизни. Я сняла трубку и набрала номер телефона Ляльки.

— Алло! — хрипло сказала она, после бесконечных гудков все-таки сняв трубку.

— Ляль, привет.

— Ал? Что случилось?

— Откуда ты знаешь, что что-то случилось? — поинтересовалась я.

— Не станешь же ты звонить мне в такое время просто для того, чтобы услышать мой голос, — немного раздраженно сказала Ляля.

— А который час? — не поняла я.

— Ал, что с тобой? Шесть утра! Ты чем там занимаешься?

Я поперхнулась. Выходит, я просидела в обнимку с волшебной вазой всю ночь и даже не заметила, что приближается рассвет.

— Извини, — пробормотала я. — Не заметила. Ладно, я тогда потом...

— Ну нет уж! Ты сначала скажи, что у тебя стряслось, — потребовала Ляля.

— Понимаешь, — я не знала, как объяснить ей, — стряслось-то оно давно, пятнадцать лет назад...

— Ал, у тебя температура нормальная? — На том конце провода чувствовалась неподдельная забота о моем здоровье.

— Ляль, ты бы не могла заехать ко мне вечером по пути с работы? Мне очень нужно поговорить с тобой.

— Договорились, — пообещала Ляля. — Только не делай глупостей до моего прихода, ладно?

— Ладно, — обрадовалась я и повесила трубку.

Еще раз посмотрев на часы, я покачала головой и направилась на кухню варить кофе. Спать не хотелось. Совсем. А работы, пока я мечтала, накопилось много. С дымящейся чашечкой творческого эликсира я под села к своему другу компьютеру, включила его и, пока он загружался, немного поговорила с ним о том о сем. С этой техникой обязательно нужно общаться. Помню, когда я его купила, он у меня все время зависал. Буквально раз в неделю я вызывала мастера, и тот часами ломал голову над тем, что же случилось с моим другом. А потом один мальчик-хакер порекомендовал мне беседовать с ним, рассказывать ему о том, как я его люблю, как провела день и чем мы с ним теперь займемся. Все это мне сначала показалось бредом. Но вот я уже года полтора беседую с ним, и, представьте себе, ни одной поломки. Он даже ни разу не завис перед выключением, что раньше происходило чуть ли не каждый день.

Я начала работать, с ужасом представляя, что после бессонной ночи буду плохо соображать. Ничего подобного! Слова лились сплошным потоком, мне даже не приходилось

задумываться над тем, что и как я пишу. Через два часа, перечитав три статьи, которые я написала для нашего еженедельника, я довольно хмыкнула. Никогда еще мне не работалось так легко и быстро.

День пролетел совсем незаметно. К пяти часам приехала Лялька. Она задумчиво вошла в мою квартиру, скинула лодочки на высоких каблуках и плюхнувшись на диван в обнимку с Драконом, который слегка повизгивал от обожания, серьезно произнесла:

— Так, Ал, давай все по порядку.

Ляля говорила тоном доктора, и я сразу же вспомнила, что она раз в две недели посещает психоаналитика и чувствует себя после его сеансов «заново родившейся». Теперь она явно приготовилась стать психоаналитиком для меня.

— Я помогу тебе, — говорила Ляля. — Даша рассказала мне эту странную историю, что произошла с вами в парке. И очень подробно описала твою странную реакцию. Это как-то связано с твоим состоянием, я угадала?

И я стала рассказывать ей все, что вспомнила за ночь. Мне казалось, что Лялька должна оборвать меня где-нибудь на середине моего повествования и сказать, что все это — глупости, что мы взрослые люди, что видений никаких не бывает, что в жизни нужно смотреть вперед, а не назад. Возможно, я позвала ее именно за этим. Чтобы снова раз и навсегда прогнать свои воспоминания. Но Лялька сидела тихо, слушала с интересом и только иногда зачарованно взглядывала на вазу.

Закончив, я посмотрела на нее вопросительно, но она сидела на диване, поджав ноги и поглаживая мурлыкающего Дракона, и молчала.

— Ну что? — спросила я, ожидая, что она, как всегда, разнесет мои фантазии в пух и прах.

— Фантастика! — только и сказала Лялька.

— И все? — не поверила я своим ушам.

— Ты знаешь, — сказала она задумчиво, — я тебе немножко завидую. Со мной никогда ничего подобного не происходило. Слушай, а чего ты не пошла за него замуж? Он, похоже, был рад такой перспективе.

— Не-е-е, — протянула я. — Одно дело влюбиться — это я тогда запросто, всегда пожалуйста. А другое дело — замуж. Я была маленькой девочкой, которой не до замужества.

— Значит, он был историком?

— Да.

— Тогда понятно.

— Что тебе понятно?

— Ты говорила, что твой первый парень тоже был историком.

Ну и память у Ляльки!

Действительно, первый парень, с которым моя любовь продвинулась в направлении зрелости, был историком. Я потом еще несколько лет вспоминала его, пытаюсь понять, что я в нем нашла. В нем же ничего не было. Совсем ничего! Оказывается было. Он был историком, то есть он был чуть-чуть как Ол. Вот что я нашла в нем. Только он был глупым историком. Он даже ничего не знал про Согдиану. Они не проходили этого на третьем курсе. Но он был очень серьезным и любил повторять, что следы истории запечатлены в граните. Глупый! Следы прошлого рассыпаются иногда под ногами песком, горячим песком. И этот песок хранит память о прошедшем лучше любого гранита. Наш роман продолжался ровно месяц, а потом мы расстались: он отправился грызть гранит науки, а я — оставлять следы на

песке этой жизни, которые тут же размывали набегающие волны времени.

— Ляль, а хорошо замужем? — спросила я.

— Ты знаешь, Ал, это как... — Она посмотрела по сторонам, изучая обои на стенах. Потом внимательно уставилась на Дракона, словно сравнивая наличие собаки с наличием мужа. Потом покачала головой. — Тебе не понять. Это ведь как владение собственностью. Как дача, например, — обрадовалась она, найдя подходящее сравнение.

— Ну тогда это неплохо, — протянула я, вспоминая, как ласково там шумят деревья и как красиво цветут клумбы.

— Нет, нет, ты не понимаешь. Вот цветы, скажем, там колосятся. Но их сначала нужно посадить. Потом — растить, поливать и оберегать. Но если на даче это можно доверить садовнику, то в браке необходимо делать все самой. А то знаешь сколько садовниц набежит? Собственность не бросишь, не оставишь без присмотра, она все время требует от тебя чего-нибудь. Нужно платить за аренду, убирать опавшие листья, вырывать сорняки и, прости за сравнение, даже выгребную яму чистить.

— Ужас какой, — честно призналась я.

Мне очень хотелось, чтобы Лялька поговорила о чем-то своем. Я пыталась таким образом выразить ей благодарность за то, что она битый час выслушивала мои бредни.

— А в садовницы многие набиваются?

— Бывает, — засмеялась Лялька своему же сравнению. — Рыбачат.

— Что делают? — не поняла я.

— Удочки закидывают с разными наживками. Я это называю — покупки.

— Как это?

— Ну, знаешь, мы все время друг друга покупаем. Я делаю тебе комплимент, например, не потому, что думаю о тебе так хорошо, а потому, что хочу, чтобы ты меня любила, или чтобы у меня с тобой не было разногласий во время работы, или для того, чтобы ты оставила меня в покое. По-разному. Мужчины очень легко покупаются. На большие перспективы, на славу, на власть. На многое. Какая-нибудь нимфоманка в стоптанных туфлях набежит, как прибрежная волна, и ну рассказывать о своих перспективах в жизни. Солнечные дали перед мужиком стелит. А он и уши развесил.

— А ты?

— Что я? Приходится ласково улыбаться, интересуясь, в каком секонд-хэнде она одевается и почему такая перспективная дама себе до сих пор на туфли не заработала.

— А тебя покупают? — спросила я.

— Ал, я себя безумно дорого ценю. Ни у кого воображения не хватает. — В ее тоне проскочила грустная нотка. — Разве что у тебя, — усмехнулась она.

— У меня?

— Ты подкупаешь меня своей искренностью, и мне всегда нравилась твоя манера жить.

— Чего нравилось?

— Не важно, — Лялька стала серьезной. — Расскажи-ка мне, что было дальше.

Глава 13

Каникулы

А дальше ничего не было. То есть много впечатлений — мало толку. Ничего такого, что застряло бы в памяти на всю жизнь. Я окончила школу и уехала в Ленинград. Поступила в Политех. Поселилась в общежитии. Было весело, жизнь кружилась вокруг меня, и я отбивалась от воспоминания о том, что дома в шкафу у меня хранится символ царской власти, так и не отданный кому следует.

Зимой родители неожиданно выслали мне денег, и я прилетела в Ташкент совсем другой Ал: повзрослевшей и немного разочарованной обилием скучных технических наук, которые мне приходилось теперь изучать. Я хотела преподнести родителям сюрприз и не сообщила им, в какой день приеду. С замиранием сердца я подошла к родной двери и позвонила. Мама открыла дверь и расплакалась от счастья. Мы расцеловались с ней на пороге, и она потащила меня в комнаты.

Свой дом я не узнала. По стенам висели ковры, на столах стояли вазы цветного стекла, переполненные разными фруктами. Старый диван был обит роскошным бархатным сюзане, где по черному фону извивались прихотливые узоры растительного происхождения. Навстречу мне вышел папа. По щекам у него разливался румянец, он бодро двигался и радостно гудел на весь дом мое имя на разные лады. Самое смешное, что на нем был чапан, а на журнальном столике стояли раскрытые нарды.

Я не переставала удивляться этим разительным переменам, а родители смеялись, как молодые, и наперебой рассказывали мне, что папа, оказывается, наконец выздоровел и теперь работает старшим преподавателем в Институте иностранных языков около дома. Мама тоже туда устроилась на полставки, а подрабатывает, давая школьникам уроки английского.

— Просто отбоя от них нет, — смеялась она. — Столько желающих вдруг оказалось! Ко мне запись — до начала следующей пятилетки.

Я слушала их и удивлялась, насколько все переменялось здесь за полгода моего отсутствия. Мама кормила меня виноградом, папа принес какие-то новые книги, требуя, чтобы я обязательно их прочитала.

— Мама, вы теперь хорошо зарабатываете?

— Очень хорошо, — сказала она, — можешь теперь не волноваться — все у тебя будет.

Я совсем растерялась. В последние годы мои родители так редко улыбались, что я и позабыла о тех временах, когда мы жили весело и беззаботно. А теперь мама и папа такие молодые, такие счастливые. Это казалось чудом. И тут мой взгляд упал на странное растение, спускающееся со стены.

Сердце мое подпрыгнуло так высоко, словно пыталось выскочить. Я даже приложила руки к груди, чтобы поймать его на тот случай, если оно все-таки сделает это. Это была черная лиана. Такие «цветочки» не растут на каждом шагу и не продаются в магазинах. Я знаю только одно место в мире, где они обитают.

— Мама, что это?

— Это — лиана. Красивая, правда? — с гордостью объявила мама. — Ты что, испугалась?

— Да нет. А откуда она?

Родители переглянулись.

— Наш знакомый привез, — сказала мама.

— Какой знакомый?

— О, это удивительная история! — И отец принялся рассказывать, с чего начались все эти радостные перемены в их жизни.

Я уехала в Ленинград сразу же после выпускного вечера. На следующий день. Родители мои, которые так настаивали, чтобы я поехала именно туда, не учли, как трудно им будет перенести разлуку со мной. Неделю они прожили в тоске и печали. А на следующей неделе раздался звонок в дверь. Мама открыла и с удивлением обнаружила перед собой молодого человека, который радостно улыбался и что-то говорил по-узбекски. Из-под мышки у него выглядывала голова живого здорового гуся, а рядом стояло несколько тюков. Молодой человек обеими руками пожимал мамины руки, раскланивался, пытаясь не упустить заготовленного при этом гуся. Потом он сунул гуся ей и стал заносить в дом вещи.

Мама ничего не успела сказать, как он уже направился напрямиком к папе и радостно обнимался с ним. Папа сначала решил, что это какой-то мамин студент, а мама — что папин бывший сослуживец. Они вели себя вежливо, периодически пытаясь вставить слово в речевой поток прищельца, но тот все говорил и говорил.

И пока он все говорил, а мама держала злополучного гуся, стараясь упредить его попытки ущипнуть ее за подбородок, молодой человек распаковывал вещи. Сначала он достал большой полиэтиленовый пакет с пловом, показывая маме в сторону кухни и с помощью причмокиваний объясняя, как это необыкновенно вкусно. Потом на столе оказались несколько лепешек, зелень, курага, чернослив, мед, бутылка кумыса. Из другого тюка вынырнули огромный, сказочной красоты лаган с хворостом и самсой, трехлитровая банка с изюмом. Папе загадочный гость набросил на плечи чапан тот самый, в котором он теперь расхаживал по квартире, — а маме всучил увесистый отрез хан-атласа. Потом он достал маленькую глиняную вазочку ручной работы, покрытую глазурью, поставил ее на стол и осторожно вложил туда веточку с хлопковой коробочкой.

Затем молодой человек, не переставая говорить, снял обувь, надел домашние тапочки и вынул огромную доску для игры в нарды. Остальные тюки, в которых оказались самый отборный рис, баранина, чай, душица, арахис и еще черт те что, он отнес на кухню.

Из всего, что он говорил, мама с папой поняли только, что зовут юношу Бахалим, и папа попытался прояснить странную ситуацию. Оказалось, что Бахалим немного знал русский язык и на вопросы папы отвечал, что он — их родственник и приехал учиться на киномеханика. Хочет поступить на заочный, потому что недавно женился и не желает оставлять свою молодую жену одну надолго. Папа спросил его, откуда он прибыл, и тот сказал, что из Согдианы.

На этом месте я поперхнулась виноградом, который мне все это время прилежно скармливала мама, и родители долго хлопали меня по спине. В результате у меня на глазах выступили слезы, и они отнесли это за счет моей неосторожности при глотании.

Мама с папой пытались объяснить молодому человеку, что он, очевидно, ошибся адресом, потому что у них нет родственников ни в какой Согдиане. Бахалим повертел головой направо-налево и задумался. Но вдруг словно что-то вспомнил («Как будто что-то увидел на стене!» — сказала мама) и стал уверять их, что ошибаются они. В подтверждение своих слов он даже показал им листочек, где черным по белому был написан их адрес, имена и фамилия.

Молодой человек просил их не волноваться, уверяя, что он приехал совсем ненадолго — недели на две. Родителям моим он понравился, а увидев листочек со своими именами, они стали думать и гадать, кто же из их многочисленных воронежских родственников мог осесть в поселке со странным названием Согдиана. И мама даже припомнила одну из тетушек, которая жила в Чарджоу, а потом куда-то пропала. «Наверно, он женился на внучке тети Розы», — задумчиво сказала она и пошла разогревать дивный плов, привезенный неожиданным гостем.

По окончании первой части удивительной истории мама позвала меня на кухню, где от чугунного казана столбом шел пар. Она засыпала рис, закрыла будущий плов крышкой и обложила подушками сверху.

— Бахалим научил, — сказала она гордо.

Чтобы лучше ориентироваться в этой новой жизни семьи, я решила принять холодный душ. Мама побежала в комнату доставать мне лучшее полотенце, а я отправилась за ней через зал, и снова мой взгляд остановился на черной лиане, спускающейся со стены. Еще я вспомнила слова мамы о том, что Бахалим, когда они с папой уговаривали его поверить, что он не туда попал, «увидел что-то на стене». Мама сказала это в шутку, понятно. Но я, обведя глазами комнату, поняла, что именно он увидел.

На одной из стен красовалась фотография выпускницы Ал, которую родители повесили в день моего отъезда. Я вспомнила, какими они тогда были замученными и несчастными, и с благодарностью вспоминала Бахалима — жениха, а теперь уже мужа Зумы. Что это был именно он, я поняла где-то в середине рассказа. Поняла и расстроилась. Я надеялась, что это окажется Ол. Но — нет. Надежда моя не оправдалась.

Стоя под холодным душем как вкопанная и наблюдая, как по моему телу ползают мурашки, я лихорадочно думала. Чего ради Бахалим явился в Ташкент? На первый взгляд все было ясно: он собирался учиться на киномеханика. Кто послал подарки? Тоже понятно — Зума, наверно. Может быть, она так ничего и не поняла. Не поняла, что я не собираюсь выходить замуж за Ола, и по-прежнему считает меня его невестой. Это объясняло непонятное родителям упование Бахалима на родство. Он имел в виду — будущее родство. Тут я похолодела, несмотря на то что вода лилась из душа ледяная и холодеть было уже некуда.

А вдруг Бахалим все рассказал им? Вдруг они все знают? Он ведь прожил здесь целые две недели, времени для бесед было достаточно. Я добавила теплой воды и начала постепенно оттаивать. Вместе с телом оттаивали и мои мысли. Нет, если бы все было так, родители сразу бы сказали мне об этом. Они не стали бы принимать не принадлежавшие им подарки. В этом вопросе они у меня очень щепетильны. Значит, они ничего не знают? И думают, что Бахалим женился на внучке потерянной в Средней Азии тетушки из Воронежа. Замечательно! Пусть кто угодно раскрывает им глаза на правду, но не я! Клянусь — не я!

Немножко посиневшая, я выползла наконец из ванной комнаты и столкнулась с мамой, несущей из кухни огромный лаган плова, который благоухал на всю квартиру. «Как тогда у Зумы», — вспомнила я опять и задумалась.

Родители радовались, что я вернулась, хотя и ненадолго, в родной дом. Мы даже выпили немножко рубинового домашнего вина, которое папа сделал сам из винограда и персиков. Вкус у него был потрясающий.

— Еще бы, — живо откликнулся папа на мою похвалу, — это ведь Зума фрукты прислала...

Я опять закашлялась, и родители снова бросились с двух сторон хлопать меня по спине.

— Вот что значит студенческая жизнь впроголодь! Небось всухомятку питаешься!

— Мы теперь тебе помогать будем. В прошлом месяце со всеми долгами рассчитались, теперь займемся твоим благополучием.

— У Зумы там свой сад, — щебетала дальше мама. У нее теперь была такая манера разговаривать. Голос ее стал легким, воздушным и порхал, как птичка над столом.

— Где там? — спросила я, похолодев.

— Как где? Мы ведь тебе говорили — в Согдиане.

Мама сказала это так, словно Согдиана — обычный таджикский аул, затерянный где-то в горах, а потому не обозначенный ни на одной карте.

— А Зумрад — она что, тоже сюда приезжала? — нервно спросила я.

— Нет, — сообщил папа, — но мы ее уже пригласили. Обещала обязательно быть.

— Когда? — спросила я и приложила массу усилий, чтобы снова не поперхнуться.

— Недели через полторы, — ответил папа. — Надеемся, ты еще будешь здесь.

— Я точно не знаю, когда занятия начинаются, — соврала я на всякий случай. — Мне нужно через недельку позвонить подружке.

— А разве у вас занятия не с первого февраля, как у всех? — изумился папа.

— В принципе — да. — Я лихорадочно соображала, что бы такое еще придумать. — Но у нас должна быть коротенькая практика перед занятиями.

— Вот тебе и Ленинград, — возмутилась мама. — Первокурсникам отдохнуть не дадут.

— На пенсии отдыхать будут, — отрезал папа. — Пусть учатся, пока силы есть.

— Нет, — сказала мама. — Мне кажется, я только сейчас жить начинаю. Знаете, была бы моя воля, я бы всех молодых людей на пенсию отправила.

Папа засмеялся:

— Вам, женщинам, только волю дай! — сказал он, и мне почудились в этой фразе интонации совсем другого народа.

— Нет, действительно. Помнишь, нам с тобой в молодости всегда времени не хватало: жить, любить, дочку растить. Вот тогда и надо давать людям пенсию. Они свое отлюбят, детей вырастят до тех пор, пока не нужны им станут...

— Мама! — сказала я обиженно.

Но она махнула рукой, мол, не в том смысле понимаешь, и продолжала:

— Поживут всласть, а потом у них такая охота к работе проснется... Вот тогда и работать нужно. Посмотрите, с какими слезами пенсионеры на заслуженный отдых выходят. У нас в военном столе работала женщина. Приехала сюда в блокаду из Ленинграда. И всю жизнь провела с военными билетами. Ей семьдесят пять исполнилось. На пенсию провожаем, а она чуть не плачет, бедная. Семьи у нее нет, вся жизнь в работе прошла. Вот так.

— Ну, мать, дочь приехала, а ты о грустном, — сказал папа после небольшой паузы, неодобрительно покачав головой.

— Действительно, — спохватилась мама. — Лучше мы тебе про Бахалима расскажем. Эта история гораздо веселее.

И они снова наперебой принялись рассказывать о чудесах, не прекращающихся в их доме с момента моего отъезда.

Бахалима поселили в моей комнате, которая стояла теперь пустой. Он повесил там ковер, вытащив его из одного из привезенных многочисленных тюков. Мама решила, что он

свой собственный ковер повсюду таскает, чтобы дом вспоминать. Каково же было ее изумление, когда, уезжая, он объяснил, что ковер вовсе не забыл, а тоже привез им в подарок.

— Он и про тебя спрашивал, — сказала мама.

— Что? — Я старательно держала себя в руках.

История была мне рассказана еще не полностью, и в моей голове роились тысячи предположений относительно того, грустный или радостный будет у нее конец. Я нервничала. Могла в любой момент то ли расплакаться, то ли рассмеяться. Хорошо, что родители списали такое мое настроение на радость от встречи и от разительных перемен, которые претерпела наша семья, и ни о чем не спрашивали.

— Он смотрел на твою фотографию — кстати, Ал, ты заметила, какая ты там красавица? Нет? Ну в жизни ты, разумеется, еще лучше. Так заметила? Я портрет попросила подретушировать, знаешь, они так здорово это сделали, ты на нем прямо как живая! Так вот, он смотрел на фото и говорит: «Ах, красивая у вас какая дочка! Просто королева Согдианы!» Мы тебя теперь так и зовем — «королева Согдианы».

Мне это тоже странным не показалось. В моей голове постоянно происходил процесс сложения. Я все время складывала два и два, а потом еще два и два. Теперь мне казалось, что именно я принесла счастье своим родителям. Хорошо, что когда-то у меня порвались босоножки и я не пошла на танцы. Просто удивительно, как одно маленькое происшествие может повлиять на долгие годы твоей жизни.

Гуся, которого привез Бахалим, привязали за лапку и пустили расхаживать по маленькому балкончику. Гусь гоготал, хлопал крыльями, но улететь не мог, поэтому жирел не по дням, а по часам. По утрам Бахалим пропадал в своем техникуме — готовился к вступительным экзаменам. А по вечерам возвращался с целой охапкой цветов и огромной авоськой продуктов.

— Представляешь, — смеялась мама, — две недели жил и каждый день заявлялся с букетом. Причем ни разу не принес одни и те же цветы. Сначала были розы: белые, красные, желтые, розовые. Потом — гладиолусы, гвоздики, бухарские гвоздики, пионы, астры, хризантемы. Где он их только находил, такие цветы!

Бахалим сам готовил. Мама пыталась его упредить, но он вежливо выпроваживал ее с кухни, надевал фартук и стряпал такие вкусности, которые моим родителям многие годы даже не снились. Потом они ужинали, и он до полуночи играл с папой в нарды.

— Папа так пристрастился к этой игре, — сообщила мама, — что, когда Бахалим уехал, научил меня, и мы теперь по вечерам...

Она посмотрела на него, как провинившаяся школьница, и они дружно засмеялись.

Однажды вечером папа ужинать не стал и в нарды потом играть тоже не стал. Бахалим заволновался: что такое он сделал не так, чем хозяина обидел? И маме пришлось рассказать ему о всех папиных болезнях, о которых даже я, родная дочка, толком не знала. Он внимательно слушал и качал головой, а мама, которая никогда ни с кем не откровенничала о своих неприятностях, жаловалась совершенно чужому человеку на судьбу, на болезни, на жизнь. Бахалим выслушал ее молча, но понимание и сочувствие светились в его взгляде. И вот тогда произошло настоящее чудо.

— Еще одно? — Я сбилась со счета.

— О! Такого мы еще не видели.

В ближайшие выходные Бахалим предупредил родителей, чтобы не ждали его. Мол, еще

к одним родственникам нужно заглянуть, соскучились там. Пропал он ровно на два дня. А на третий явился. И не один. За ним, а точнее, впереди него, важно шествовал старик с длиннющей белой бородой.

Тут мне опять показалось, что я стою под холодным душем. Губы мои были так плотно сжаты, что, наверно, посинели, но уже темнело, а свет никто зажечь не догадался, поэтому все перемены моего лица оставались для родителей тайной.

Старик важно вошел в комнату и взглянул на маму. Бахалим вел себя с ним почти подобострастно и показывал маме знаками, чтобы она поклонилась. Но мою маму так просто не возьмешь: будет она кланяться всяким незнакомым старцам. Однако легкий поклон из уважения к возрасту вошедшего она все-таки отвесила. Старик удостоил ее кивка своей белой головы и прямоком отправился в комнату, где постанывал на кровати отец. Мама с Бахалимом хотели было пойти за ним, но он сдвинул брови так, что они остановились, и закрыл за собой дверь.

Отец почти не обратил внимания на вошедшего, потому что покалывания в боку переходили в острую, едва переносимую боль. Он бы, может быть, совсем не заметил посетителя, но тот вдруг громко и протяжно запел какую-то восточную заунывную мелодию. Голос у него оказался молодым и сильным. Отец повернулся на голос и опешил: перед ним стоял не просто старик, а «просто какая-то коронованная особа»: величественный взгляд, царская осанка.

— И ты знаешь, — смущенно говорил отец, — мне на минуточку даже показалось, что на голове его блеснула корона. А потом я неожиданно уснул, и мне снилось, что мы с этим царственным старцем пьем чай в райском саду. Вокруг нас — черная ночь, звезды усыпали небо, и то там, то здесь мелькают люди, приносящие пиалы с чаем, фрукты, убирающие что-то лишнее со стола. Правда, одежда на них была немного странная — старинная, что ли.

— Вот-вот, — вмешалась мама. — Он мне этот сон уже раз двести во всех подробностях рассказывал. А что ему еще рассказывать? Он ведь ничего не помнит. Старик пришел, а он уснул и проспал до тех пор, пока старец не удалился столь же величавой походкой, оставив нам на память свою черную лиану.

— Знаешь, — задумчиво сказал отец, — может быть, он меня загипнотизировал? Ведь неспроста же я уснул и проспал чуть ли не двадцать часов кряду. Мама испугалась даже. Говорит, я во сне метался, то в пот меня бросало, то руки и ноги леденели. Она даже хотела «скорую помощь» вызвать. Бахалим ее чуть ли не за руки держал, когда я наконец очнулся. Зато веришь или нет, но с тех пор у меня ни разу ничего не болело.

— По дереву постучи, — притворно-визгливо потребовала мама. — Этот старик у них там вроде лекаря или шамана. Пришел, запел — и все прошло.

— Да, да, — заспешил папа на тот случай, если я вздумаю ему не поверить. — Я через две недели прошел полное обследование у всех врачей. Ничего они у меня не обнаружили. Говорят, даже следа не осталось от всех моих болячек, представляешь?

В комнате к этому времени уже стояла почти полная темнота, и тут мама сообщила, что мечтает поскорее увидеть Зуму. Теперь, в феврале, у Бахалима сессия и он должен приехать к ним в гости вместе со своей женой. Я с шумом выдохнула воздух, и мама тоже выдохнула, как ей показалось, со мной за компанию, и принялась рассказывать дальше.

Как только Бахалим уехал, в нашу дверь снова позвонили. К всеобщему удивлению, это оказался декан одного из факультетов Института иностранных языков, построенного недавно около нашего дома. Он вежливо извинился за непрошенный визит и сказал, что

пришел с деловым предложением, которое непременно заинтересует папу. Он предложил ему вести два курса на своем факультете и ставку старшего преподавателя. Отец был на седьмом небе от счастья. На следующий день зазвонил телефон. Мама сняла трубку.

— Я слушаю!

На том конце провода уверенно назвали ее фамилию и имя отчество.

— Да, это я, — сказала она.

Тогда голос сразу приобрел оттенок просительности и стал чуть заискивающим. Звонила женщина, мать десятиклассника, который собирался поступать в Институт иностранных языков. Английский ее отпрыска оставлял желать лучшего, и она умоляла мою маму «сделать из ребенка человека». Мама очень удивилась этому звонку, но согласилась помочь. Мою маму вообще очень легко разжалобить, а помогать — это ее любимое занятие. Теперь, когда папа выздоровел и пропадал на работе большую часть дня, ей стало одиноко одной, и она с радостью взяла ученика.

Мальчик оказался весьма толковым и через месяц уже восполнил все пробелы в своих знаниях. Его мать появилась на последнем занятии, долго благодарила мою маму и упростила ее помочь дочери ее подруги — восьмикласснице, у которой по английскому стояла слабенькая тройка. Мама опять согласилась. После ухода женщины она обнаружила на телефонном столике конверт, в котором оказалась приличная сумма денег и записка, гласящая, что это плата за уроки.

Вторая ученица была не такая способная, но через два месяца занятий у нее в четверти уже стояла твердая четверка, а ее родители перестали глотать валидол, заглядывая в ее дневник.

С тех пор телефон звонил не умолкая, и мама, не в силах позаниматься со всеми желающими сразу, стала записывать их в очередь. Но когда очередь перевалила за декабрь текущего года, мама стала подумывать о том, чтобы организовать курсы при институте. Там ей пошли навстречу, и она вела теперь три группы, в каждую из которых записала по десять человек. Однако с самыми «трудными» учениками приходилось заниматься индивидуально, поэтому она продолжала давать домашние уроки три раза в неделю.

Так мои родители нашли работу, то есть работа нашла их. Им, правда, показалось странным, что сам декан факультета ходит по домам и приглашает преподавателей на работу. Но они пребывали в такой эйфории, что уже не обращали внимания на подобные сказочные повороты. Они сами жили теперь в сказке. И похоже, им там нравилось.

Глава 14

Снова Пиратовна

Посидев так до полуночи, мы все дружно отправились спать. Войдя в свою комнату и выждав, пока свет у родителей погаснет, я принялась шарить в шкафу. Уезжая, я навела там полный порядок и аккуратно завернула вазу в свои личные вещи, к которым мама не прикасалась из деликатности. Я порылась в вещах и выудила вазу. Мне захотелось быстренько окунуться в какое-нибудь волшебное видение, я приложила руки к ее металлической поверхности и принялась ждать.

Через пять минут я, к ужасу своему, поняла, что не верю больше ни в какие видения. Я сидела, прижав ладони к вазе, но в то же время словно наблюдала за собой со стороны с легкой усмешкой. Я повзрослела. Я уже не была той наивной Ал, которой снились чудесные сны о Согдиане. Я стала прагматичной студенткой одного из ленинградских вузов.

То, что произошло с моей семьей, все больше и больше казалось мне просто совпадением. Счастливым стечением обстоятельств. Внутри меня сопротивлялась та юная Ал, которая путешествовала по Таджикистану. Она кричала, что все это взаимосвязано. Что все это — из-за вазы. Но Ал, прожившая полгода под хмурым ленинградским небом, только по-взрослому пожимала плечами. Ал, которой больше не нужно было волноваться о здоровье отца и благополучии семьи, не верила в чудеса.

На следующий день взрослая Ал спускалась по лестнице, чтобы навестить кого-нибудь из своих бывших одноклассников. Я еще не знала, к кому из подружек заглянуть в первую очередь, поэтому спускалась медленно, думая, с кого бы начать. Открыв дверь, ведущую из подъезда на улицу, я нос к носу, как когда-то, столкнулась с Пиратовной.

Вот это было да! Пиратовна смотрела на меня так, словно знает все. Взрослая Ал тут же ретировалась куда-то, предоставив перепуганной юной Ал вести переговоры с этой пренебрежительнейшей особой.

— С приездом! — зло сказала Пиратовна.

— Здравствуйте, — ответила я как можно более вежливо.

— Как Ленинград? — поинтересовалась она, сверля меня взглядом.

— По-прежнему стоит на Неве, — пробовала я шутить.

Но Пиратовна сдвинула брови, показывая, что шутить она не намерена:

— А за тобой должок, девочка.

— Что? — Я все еще пыталась притворяться, но это всегда у меня получалось плохо, особенно без подготовки. А к разговору с Пиратовной, тем более в таком тоне, я, разумеется, готова не была.

— Где ваза? — спросила Пиратовна прямо.

— Я же вам все объяснила...

— И тогда я тебе поверила. Больше тебе скажу, я даже ничего не заподозрила. Но однажды меня разбудил гусиный гогот. Я встала посмотреть, кто устроил птичий двор в современном доме, и глазам своим не поверила: гусь расхаживал по твоему балкону. Тогда я начала присматриваться. Оказалось, что у вас живет молодой человек. Судя по национальности, не ваш родственник.

— Это папин приятель, — попыталась оправдываться я.

— Он на двадцать лет младше твоего папы, — поморщилась Пиратовна. — Еще скажи:

фронтальной друг! А молодой человек тем временем таскает охапки цветов в ваш дом и продукты мешками.

— Ну и что? — Я пожалала плечами.

— Тогда я специально пошла к твоей матери за солью, — продолжала Пиратовна. — И глазам своим не поверила: по стенам ковры висят, хлопок в вазочке, лаганы. А отец твой в чапане ходит.

— Просто подарки...

— Такие подарки похожи на приданое, — не унималась Пиратовна.

— Вы ерунду говорите. — Я попыталась проскользнуть на улицу, но она крепко взяла меня за руку и, заглядывая в глаза, спросила:

— А что за старик приезжал к вам на черной «Волге»?

Это было уже слишком. Я опустила глаза, Пиратовна добила меня:

— Ты думаешь, я не видела, кто сидел за рулем?

— Оставьте меня в покое, — тихо сказала я.

— Даже не мечтай! — пообещала Пиратовна. — Ты чужое взяла. Ты теперь моими привилегиями пользуешься.

— Ничего подобного! — вскинула я было взгляд: у Пиратовны из глаз сыпались желтые искры.

— Тебе вазу отдали...

— Нет у меня никакой вазы!

— ...отдали вазу, — не обращая внимания на мои слова, продолжала она, — потому что ты отдала старику рекомендательное письмо. Я писала ему, что хочу получить вазу для своей дочери. Так что, дорогая, отдал он ее не тебе, а моей Венерочке. А ты ее присвоила. Знаешь, как это называется? Воровство! Ты ее украли, наглая девчонка! И если ты немедленно не вернешь то, что принадлежит мне по праву, я все расскажу твоим родителям!

Я молчала. Несмотря на то что я никогда не лезла за словом в карман, меня парализовали ее слова. Если в письме она действительно просила вазу для своей дочери и старик отдал ее именно для Венеры, выходит, я действительно вмешалась в чужую жизнь.

— Даю тебе два дня! — сказала Пиратовна. — Не вернешь вазу — приду к твоей матери и все ей расскажу!

Она развернулась и пошла прочь. А я направилась в сторону парка. Мне уже было не до подружек, хотелось побыть одной и подумать. Кто я? Действительно воровка, укравшая чужое счастье? Или я спасла Ола от вредящих жены и тещи? Разумеется, мне хотелось видеть себя в роли спасительницы. Я так всегда и думала, пока не вернулась домой. Но теперь, когда на мою семью обрушился шквал счастливых совпадений как из рога изобилия, мой поступок перестал казаться мне бескорыстным.

«Но я ведь не знала, что так получится! Я понятия не имела, что кто-то отыщет меня в городе с населением в два миллиона человек! Мне ничего было не нужно. Ничего. Я хотела оставить вазу просто на память». А то, что ваза притянула не только воспоминания, но и благополучие, — это не моя вина. Но, как бы я ни убеждала себя, что бы ни думала, взрослая Ал считала Ал юную расчетливой эгоисткой. Ей хорошо, этой взрослой Ал. Она была равнодушной свидетельницей, тогда как другая Ал тихо таяла рядом с Олом, пока он возил ее по степи в машине. Другая Ал была влюблена. Но замуж ни одна из Ал по-прежнему не хотела.

Я решительно встала со скамеечки, где рассуждала о своей горемычной жизни, и

направилась домой. Нельзя было допустить того, чтобы Пиратовна раскрыла моим родителям глаза на правду и лишила их того безмятежного состояния, в котором они теперь находились. Но и скрывать правду больше тоже нельзя. Нужно что-то предпринять.

Легче всего мне было бы объяснить с Зумой. Рассказать ей обо всем и вернуть вазу. Только вот как я посмотрю в ее чудесные добрые глаза? Хорошо, я оставлю ей письмо, а родители передадут. Так будет лучше. Я вбежала на четвертый этаж и позвонила в дверь. Мама открыла мне, удивилась, что я вернулась так скоро, и сказала, что у нее сейчас урок — ученик ждет. Освободится она через полчаса.

Полчаса я сидела как на иголках и, когда мама, проводив ученика, заглянула ко мне в комнату, тут же перешла к делу:

— А где папа?

— Он побежал часика на два в институт. Два его студента сегодня участвуют в олимпиаде, он хочет поболеть за них. Мы ведь думали, ты вернешься нескоро, друзья не отпустят. А ты что, никого не застала?

— Мам, пока нет папы, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Знаешь, Ал, пока нет папы, и мне нужно с тобой серьезно поговорить, — сказала мама, и я внутренне сжалась: неужели она все знает?

— Хорошо, — сказала я, — тогда начни ты.

Мама на минуточку замялась. Что-то ее явно смущало, но она все-таки решилась.

— Ты знаешь, когда Бахалим приехал с этими своими подарками, он ведь и тебе привез подарок.

«Ну вот, — подумала я, — привез, наверно, свадебный наряд и все ей рассказал».

— Только я отказалась брать его.

Господи, что же там такое?

— Ты знаешь, Ал, я действительно не взяла, — продолжала мама, заглядывая мне в глаза. — И он не настаивал. Только когда он уехал, я нашла этот подарок под подушкой в твоей комнате. Но я собираюсь вернуть его, Ал, обязательно вернуть. Одно дело — хлопковая коробочка, рис, баранина и совсем другое — это. Я даже папе ничего не сказала, чтобы он не волновался. Вот Бахалим приедет, и я все верну. Хочешь посмотреть?

— Угу.

Уж не тридцать ли платьев мне подарили, чтобы я развесила их по стенам? Мама открыла свою тумбочку и извлекла из нее что-то небольшое... Это было ожерелье. Старинное. Металлический обруч, на котором висели пять кружков красивой чеканки. Я вспомнила это ожерелье. Оно позвякивало на моей (на моей!) груди, когда я впервые провалилась в видения Согдианы. Чувства, испытанные тогда, снова навалились на меня, и я поняла, как мне хочется увидеть Ола. Хотя бы одним глазком. И в этот момент я увидела его.

То есть почти его. Кружочки при ближайшем рассмотрении оказались монетками, и на каждой из них красовался профиль такой знакомый, что я почувствовала слабость в ногах и села.

— Представляешь, — говорила мама, — подарочек. Это ведь золото. Чистейшей воды золото. Разумеется, мы не можем принять этого подарка, окажись Бахалим даже миллионером. Только не говори папе, ладно? Я обязательно верну ему, все объясню и прослежу, чтобы он снова куда-нибудь не сунул его уезжая.

Я с тоской смотрела на ожерелье. То есть не на ожерелье, конечно, а на профиль Ола, отчеканенный на каждой монетке. Мама решила, что мне жаль расставаться с красивой

вещицей, и заговорила:

— Я понимаю, тебе понравилось. Но ты ведь знаешь, мы не можем принять это.

— Разумеется, — сказала я. — Разумеется.

— Но ты без подарка тоже не осталась! — вдруг радостно спохватилась мама. — Я совсем забыла. Хотели с папой для тебя сюрприз устроить, но вчера совсем из головы вылетело.

И мама достала со шкафа большой лист ватмана.

Это была картина, нарисованная акварелью рукой прекрасного мастера. Сквозь дымку проглядывали улицы древнего города, женщина с вазой в руках и книга, пылающая в огне. Женщина стояла на первом плане и крепко прижимала к себе вазу, а какие-то люди тянули руки в огонь, пытаясь, очевидно, спасти книгу из пламени. На шее женщины я заметила все то же знакомое ожерелье.

— Нравится? — спросила мама.

— Очень, — выдохнула я. — Это Бахалим рисовал?

— Нет, — ответила мама, — Ол.

Наверно, если бы в наше окно сейчас влетела шаровая молния, я бы ее даже не заметила, до такой степени я была потрясена.

— Кто?

— Ол, — повторила мама.

— Вы его знаете? — вытаращила я на нее глаза.

— Да нет же, — успокоила она, — видишь, тут в уголочке — подпись. Авторы всегда подписывают свои работы. Все буквы имени разобрать нельзя, только первые — Ол. Вот и зовем его Олом. Наверно, это какой-то их местный старик-умелец. Я рада, что тебе понравилось. Заберешь? — спросила мама довольно кисло.

— Да нет, куда? У меня там койко-место в общежитии. Пусть лучше здесь висит, в моей комнате.

— Я тоже так подумала, — обрадовалась мама, — потеряешь еще или помнешь...

— Стой! — закричала Лялька из современности. — Это же та самая картина, которая висит у твоих предков, да? Я же ее видела!

— Да, — подтвердила я, — та самая.

— Слушай, надо же. Обязательно потом заеду к ним еще раз взглянуть. Мне сразу показалось, что эта женщина там, на картине, похожа на тебя.

— Похожа — сейчас, — ответила я. — А когда мне было двадцать, то никакого сходства никто не замечал. У меня такое чувство, что либо это он увидел меня взрослую, либо я, нагнав себя на картину, постепенно становлюсь такой, как там.

— А может быть, и то и другое. Давай дальше! — требовательно приказала Ляля, и я продолжала свое повествование.

Глава 15

Пропажа

В этот день я ничего не сказала маме. Остаток дня я сидела, разглядывая картину. Не знаю, сколько бы я так просидела, но тут раздался звонок и налетели мои одноклассники, прослышавшие, что я приехала на каникулы. Они охали и ахали, утверждая, что я переменялась и стала совсем, «ну абсолютно» другой. Я напомнила им, что меня по-прежнему зовут Ал, а они мне сказали, что тогда я должна по-прежнему обожать всякие развлечения. После этого они подхватили меня под руки и поволокли к кому-то на день рождения.

Когда я вернулась, мама с папой уже собирались спать.

— Ты давай не очень-то по гостям расхаживай, — немного обиженно сказал мне папа, — мы на тебя сами еще не нагляделись.

— Больше — никуда ни ногой! — легко согласилась я, потому что ужасно устала.

— Ну уж совсем никуда — это тоже нехорошо, — тут же передумал папа. — Ты лучше днем ходи по гостям, а вечера проводи с нами.

— Договорились, — сказала я радостно и, помахав им на прощание рукой, ушла в свою комнату.

Постояв немного и посмотрев на картину, я полезла в шкаф, чтобы прижать к себе вазу точно так же, как женщина на рисунке. Сразу я ее не нащупала под вещами и даже порадовалась за себя: какая, мол, я молодец, так запрятала, что ни то что мама, даже сама отыскать не могу. Однако я шарила и шарила по полке, но ничего не находила. Тогда я стала выбрасывать на пол вещи, прощупывая каждую, словно искала иголку в стоге сена. Вазы не было! Нигде не было!

В этот момент около Ляльки зазвонил телефон. Она сняла трубку:

— Алло!

Помолчала и сказала сдерживая праведный гнев:

— А это вовсе даже не Ал, а я собственной персоной. Так что можешь выражение «где мою красавицу черти носят» взять обратно! Взят? Ну так слушай! Я сижу у Ал. У нее серьезные проблемы. Очень. Да. Нет, я не преувеличиваю. Сколько?

Она развернула к себе будильник на столике возле дивана и выронила трубку. Трубка упала на рычаг, а Лялька застонала. Потом подхватила трубку и принялась щелкать клавишами телефона.

— Муж, — пропела она совсем другим тоном, когда на том конце провода все-таки ответили. — Это я трубку выронила от удивления. Муж, — протяжно промурлыкала Ляля и принялась покорно выслушивать то, что кричала ей трубка.

Муж — это у Ляльки такое было самое ласковое словечко для своей половины. Она презирала женщин, зовущих мужчин «рыбками» и «птичками» или именами уменьшительно-ласкательными. Она говорила, что нежное слово «муж» — понятие увеличительно-ласкательное. Мужчина должен стремиться стать больше, а не сжаться до размера аквариумной рептилии.

— Сейчас еду! — проговорила наконец Ляля умиротворяющим тоном.

Потом она расстроено посмотрела на меня.

— Ал, так не хочется, чтобы ты закончила в двух словах. Давай я к тебе еще завтра приеду?

— Давай, — обрадовалась я.

И Лялька уехала к любимому мужу, который уже обзвонил все морги — по крайней мере ей он именно так и сказал, — потому что было одиннадцать вечера, а Ляля даже не предупредила его, где находится.

Мне очень нравились их отношения. Несмотря на то что муж выполнял функции домохозяйки, в остальном они строго придерживались традиционных ролей мужчины и женщины. Лялька, устав от конкуренции с мужиками на работе, с удовольствием играла роль маленькой незащищенной женщины, а он — Вовка, после хождения по магазинам, стирки и уборки, — роль рыцаря и сильного мужчины.

Еще я любила Ляльку за то, что она не старалась выдать меня замуж, как все прочие. Многие мои друзья и родственники периодически неожиданно приводили в дом немолодых потрепанных мужчин и делали мне глазами знаки в их сторону, считая, очевидно, что эти продукты не первой свежести должны взволновать меня или как-то еще затронуть. Мужички топтались в моей маленькой комнатке, азартно тянулись к бутылке, которую сами же с собой и принесли, а после их ухода (а точнее — увода моими заботливыми друзьями) я долго проветривала квартирку. Лялька же ни разу в жизни ничего такого себе не позволяла. Памятуя разные речевые обороты своего психоаналитика, она считала, что у меня не может быть ничего общего с браком.

— Возможно, это у тебя такой застарелый невроз, — говорила она и очень любила проводить со мной тесты на общую осведомленность о браке.

— Вон видишь, женщина с тяжеленным рюкзаком тащится, — говорила она мне, разглядывая молодую особу с бледными глазами, волочащуюся через парк. — Как ты думаешь, она замужем?

— Думаю, да!

— Ничего подобного! — отвечала Лялька.

— Так вон же у нее на пальце кольцо обручальное поблескивает. И продукты наверняка в семью тащит, — размышляла я.

— Она из тех, кто только наполовину замужем.

— Как это — наполовину?

— Ну знаешь, есть дамы света, а есть — полусвета. Так вот она дама полусвета.

— Ты имеешь в виду...

— Не совсем. Хотя и это тоже. Ни один уважающий себя и свою жену мужчина не позволит жене таскать такие сумки. Если она все-таки тащит — внимание, Ал, это нужно запомнить: ее муж несостоятелен, невнимателен и не любит ее. Он — не мужчина. И эта симпатичная тетенька все время будет искать мужчину. Инстинктивно! Она — женщина в поиске, а не замужняя. Таких близко к себе подпускать нельзя, они радостно предлагают тебе свою дружбу, а твоему мужу — свой рюкзачок.

После ухода Ляльки мы с Драконом вышли по его делам в скверик. Он радостно задирает ножку над каждой былинкой, особенно когда где-нибудь поблизости появлялись огромных размеров кобели в ошейниках с шипами и металлическими намордниками. Вождь подходил к ним чуть не вплотную и оправлялся на ближайший куст с хореографическим изяществом. Здоровенные псы при этом либо истекали слюной и закатывали от ненависти глаза, опасно поглядывая на хозяев, либо, если были плохо воспитаны, волокли чуть ли не по

земле бедных хозяев к вожделенному кусту.

Я снова стала вспоминать тот день, а точнее, вечер, когда на моей полке не оказалось никакой вазы. И даже следа от нее не осталось.

Родители уже легли спать, и врываться к ним в комнату с криками о драгоценной пропаже не представлялось мне возможным. Голова моя в эту ночь превратилась в сложную счетно-вычислительную машину. Где ваза? Не отказываясь полностью от мысли, что такая вещь вполне может переноситься по воздуху, я все-таки пришла к выводу, что возможны только два варианта. Первый — мама. Она могла найти ее и убрать, собираясь попросить у меня разъяснений в дальнейшем. Хотя нет, она могла предположить, что вазу, уезжая, тоже подкинул Бахалим. Поэтому ничего мне и не сказала. Вариант второй — Пиратовна. Возможно, она вскарабкалась к нам на балкон и произвела обыск в моей комнате. Смешно, но возможно. Ну не залезла на балкон, так прилетела на помеле. С нее станется. Только спрашивается, зачем Пиратовне суетиться, если она сказала, что дает мне два дня. Она теперь должна сидеть и считать минуты до того момента, как я принесу ей эту вазу домой на блюдечке.

Всю ночь я, не сомкнув глаз, просчитывала возможные варианты: кто, зачем и почему. Когда — я знала точно. Ваза пропала за то время, пока я отсутствовала. То есть в тот самый момент, когда я, позабыв обо все на свете, выплясывала на дне рождения рок-н-ролл.

Утром, как только родители проснулись, я постаралась сразу же попасться им на глаза. Я повертелась возле мамы, пока папа брился, а потом — возле папы, пока мама выходила в булочную. Но никто из них, похоже, не собирался сделать мне конфиденциальное признание относительно вещи, пропавшей с моей полки. Потом мы сели завтракать.

— Ал, ты что, не выспалась? — спросил папа. — Вид у тебя, прямо скажем, помятый. Сейчас угадаю: книжку читала, что я тебе подсунул?

— Угу, — весело согласилась я, делая вид, что меня поймали с поличным.

Потом мы еще немного поговорили о моем обучении, об общих знакомых, о том, кто куда поступил из моих одноклассников. Я старалась направить разговор в нужное мне русло, но никак не могла найти нужный ход. Не могла же я прямо спросить, не пролетала ли по дому металлическая вазочка или не залетала ли часом к нам на помеле Пиратовна, пока меня не было. Тогда я перевела разговор на соседей, и мама с удовольствием начала рассказывать мне о том, что дядя Федя посадил еще одну вишню, а тетя Насиба сделала новую прическу, Николай Иванович — полковник КГБ, по-прежнему пьет, бьет по вечерам посуду, а наутро появляется у дома при полном параде и тащит коробки со столовыми сервизами.

Папа от души смеялся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Может быть, он в цирк поступить готовится. Хочет быть жонглером. Вот с посудой и тренируется.

— Как же, — отвечала мама, — жонглером. А дочка Альбины Пиратовны учится в педагогическом.

Я представила себе Венерочку в качестве учительницы и пожалела бедных деточек, которых она замучает до смерти. И тут мама сказала нечто такое, от чего у меня все внутри похолодело.

— Кстати, она вчера заходила...

— Кто, — перебила я маму, — сама или дочка?

— Сама, — ответила мама и стала рассказывать о том, как Пиратовна консервирует огурцы.

Я с жадностью ловила каждое слово, но все слова походили на ложные грибы — не про то. Мама, заметив мой повышенный интерес, пыталась удовлетворить его, во всех подробностях описывая процесс засолки. В конце концов папа не выдержал:

— Мало того, что эта противная тетка тебе все это вчера битый час рассказывала, ты теперь нам с дочерью еще час пересказывать будешь!

— Не такая уж она и противная, если не орет, — оправдывалась мама. — И больная к тому же...

— Чем же она болеет? — прищурился папа. — Как говорят мои студенты, — эти слова он произнес с необыкновенной гордостью, — воспалением хитрости и переутомлением от избытка ненависти к людям.

— Нет, что ты. У нее сердце пошаливает. Вот стоим мы с ней вчера, беседуем, а она вдруг рухнула на диван и руку к груди прижала. Лицо у нее даже все сморщилось, — немного брезгливо, хотя и сочувственно сказала мама. — Стала валидол просить. Я к аптечке кинулась, а там — пустота! — Она грозно посмотрела на папу.

— Да, — сказал он, — это я погорячился.

И, объясняя мне, добавил:

— Я ведь когда выздоровел, сгреб тонну лекарств, которые у нас в доме накопились, и все их в мусор швырнул. Зря, наверно, нужно было для Пиратовны цианистого калия оставить.

— И что Пиратовна? — Я старалась придать своему тону сочувственный оттенок.

— Стонет, лежит, шелохнуться боится. Ну я к Насибе на третий этаж и побежала за валидолом.

— А она? — Счетно-вычислительная машина в моей голове прекратила наконец щелкать мыслями и выдала конечный результат.

— Она тут на диване лежала, — сказала мама, — а потом выпила валидол и ушла. Ну это неинтересно, лучше я тебе про тетю Зину расскажу...

И мама стала рассказывать про тетю Зину. Только я ее уже не слушала. Мне было так плохо, как никогда. У меня перед глазами стояла Венерочка под руку с Олом, который смотрел на меня, и в глазах его полыхали ненависть и презрение...

Глава 16

Последняя встреча

Итак, Пиратовна стащила вазу! Взяла — и стырила! Станный поступок для пожилой женщины. Но чего не сделает одинокая мать, чтобы устроить счастье своей единственной дочери. Только вот на обмане счастья не построишь. Я это точно знала теперь. Я ведь и сама обманула людей, которые мне поверили. Не намеренно, конечно, по глупости, но все-таки обманула.

«Будь прокляты все, кто обманывает и заставляет обманывать других!» — так я начала письмо к Зуме. Я до сих пор считаю, что обман — самая отвратительная вещь на свете. Пусть простят меня все те, кого я обманула вольно или невольно, пусть все, кто заставил меня участвовать в своей лжи, знают, что я ненавижу за это и их, и себя всеми силами души.

— Ну разошлась! — остановила меня Лялька, которой я на следующий день рассказывала о своих мучениях. — Это уже похоже на покаянную молитву.

— В принципе, это и есть молитва. Я всегда стараюсь держаться подальше от людей, выворачивающих жизнь наизнанку и пытающихся черное выдать за белое.

— Не горячись, Ал, — серьезно сказала Ляля. — Жизнь ведь так устроена, что ее легко обернуть к человеку любой стороной. Все остальное вершит наше воображение. Это сложно назвать обманом. У жизни так много лиц, что порой теряешься, какое же из них настоящее. Ты не виновата...

— Не знаю, — сказала я. — Мне до сих пор кажется, что виновата.

— Послушай, — предложила Лялька вкрадчиво. — Чувство вины — это по части моего аналитика. У тебя такая любопытная история, что, думаю, он примет нас без предварительной записи. Давай сходим? Посмотри на себя, ты ведь несколько дней уже думать ни о чем другом не можешь. А дальше что?

Я молчала, не зная, что же действительно будет потом. Потом, когда я поведаю Ляльке всю эту историю до конца, мне, скорее всего, захочется рассказывать ее снова и снова.

— Так ты известила Ола?

— Я не решилась.

Но я написала Зуме покаянное письмо. Про все рассказала честно, даже про то, как босоножки порвались. И в заключение корила себя за то, что была так неосторожна и позволила Пиратовне стащить вазу. В конце я приписала, что родители мои ничего не знают, но искренне привязались к Бахалиму и по-прежнему ждут их в гости в феврале, несмотря на то что никакого родства между нами нет и, похоже, никогда не будет.

Пробыв дома еще неделю, я никак не решалась отправить это письмо, все откладывая и откладывая. Но однажды, в пятницу кажется, за три дня до моего отъезда, мама позвала меня на лоджию и показала пальцем вниз.

У подъезда, в котором жила Пиратовна, выстроился целый эскорт машин: пять или шесть — не помню уже. Из первой машины вышел мужчина бандитской наружности, внимательно осмотрел двор и только тогда открыл вторую дверцу. Из машины выбрался важный мужчина в черном костюме, а навстречу ему, раскинув руки и поминутно кланяясь, спешила Пиратовна. Она подхватила мужчину под локоть и препроводила в подъезд. Тогда из других машин стали выбираться люди. Они все были одеты как на праздник.

— Похоже, сваты, — сказала мама. — Наконец-то Пиратовна дочку пристроила. Ну и

повезло какому-то бедняге...

«Вот и все», — подумала я. Понятно, что это отец Ола явился за вожделенной вазой. Сейчас он заберет ее, они хлопнут по рукам, и месяца через два Венерочка выйдет замуж за... Дальше не думалось. Мне совсем не хотелось думать, что будет дальше. Я решительно отправилась в свою комнату, взяла письмо, адресованное Зуме, и, спустившись к почтовому ящику, опустила его дрожащими руками. Через три дня я вернулась в Ленинград.

А потом жизнь повернулась так, что спустя год родители мои решили переехать ко мне. Они обменяли нашу большую трехкомнатную квартиру в Ташкенте на две однокомнатные в Ленинграде. У них была квартира чуть побольше, а у меня — чуть поменьше.

— И все? Ты даже не знаешь, чем это все закончилось для Ола и для Пиратовны? — разочарованно спросила Лялька.

— Почему, знаю.

Прошел год, как мои родители покинули Среднюю Азию. Мне исполнилось двадцать лет. Я постепенно забывала всю эту историю. Но вот в один совсем не прекрасный ленинградский денек, когда дождь шел уже чуть ли не месяц, я отправилась в Центральный городской парк культуры и отдыха.

— Ал, ты что, спятила? Что ты собиралась там делать? Грибы искать?

— Я собиралась там устроиться на работу ночным сторожем, — сказала я, и Лялька весело рассмеялась.

— А что? Природа, лодки, собаки сторожевые!

— Действительно, романтика! Ты, Ал, совсем ненормальная была, — сказала Ляля, а потом, подумав, добавила: — Да и изменилась с тех пор совсем незначительно...

— Спасибо. — Я вежливо поклонилась и продолжала рассказывать.

Подойдя к мостику, ведущему через реку в парк, я издали еще заметила молодого человека, который стоял, облокотясь о перила, и, не отрываясь, смотрел в воду. Лица его я не видела, по мне показалось, что он кого-то мне напоминает, поэтому, проходя мимо, я даже слегка выгнулась, чтобы разглядеть его лицо. В этот момент он обернулся ко мне и...

— Оказался Олом! — радостно забила в ладоши Лялька, как будто смотрела кино, где, несмотря на мрачные прогнозы, все кончилось благополучно.

Потом она сделалась задумчивой, и улыбка ее погасла. Действительно, если бы тогда все сложилось хорошо, вряд ли я с такой тоской пересказывала бы эту историю пятнадцать лет спустя, пребывая в полном одиночестве.

Да, это был Ол.

— Я знал, что мы встретимся, — сказал он.

— Почему?

— Потому что сегодня последний день моего отпуска и завтра я возвращаюсь домой.

Последнее слово — «домой» — резануло слух. Мне послышались в нем и детский плач, и грохот кастрюль на кухне, и сюсюкающий Венерочкин голосок.

— Сегодня последний день, когда мы могли встретиться.

И он стал смотреть на меня так же пристально, как тогда, в Согдиане. Только взгляд его не был теперь веселым.

— Ты все знаешь? — спросила я с трепетом.

Он усмехнулся:

— Почти все. Осталось выяснить маленькую деталь. Пойдем куда-нибудь? Я видел здесь неподалеку маленькое кафе со смешным нездешним названием. Там можно посидеть и

поговорить.

Так я попала в кафе «Павлин». Не могу сказать, где оно находилось, и даже до прошлого воскресенья не была уверена, что это не галлюцинация, не еще одно, последнее наваждение, навеянное мертвой страной. Мы сели за столик, и Ол рассказал мне продолжение истории, в которую меня занесло.

Когда я уехала из их аула, он нашел меня в Ташкенте и выяснил, что я учусь в десятом классе. Он решил, что вазу я оставила у себя до совершеннолетия, и успокоился. То, что девушка сама набивается парню в жены, не показалось ему странным. Я была русской, а у русских такое случается довольно часто.

— К тому же ты мне понравилась, — сказал он, и мое сердце сжалось от интонаций прошедшего времени, которые прозвучали в этих словах.

Потом был приезд Бахалима, подарки, хлопоты по поводу устройства моих родителей на работу. Он сказал об этом вскользь, только для того, чтобы уточнить время дальнейших событий, но я не удержалась:

— Ты знаешь, я так тебе благодарна...

— Не надо, — поморщился он. — Это не существенно.

Существенным было для него другое. Однажды отец позвал его и с довольным видом показал вазу: она стояла на его большом письменном столе. Ол страшно обрадовался, подумав, что я наконец повзрослела и решилась на замужество. Все это он говорил мне с грустной усмешкой, а я ерзала на стуле, в который раз проклиная себя на чем свет стоит за то, что не предупредила развитие этих безрадостных событий.

Отец позвал друзей, сообщил им радостную новость, они все сели в машины и отправились к невесте. Дорога была Олу хорошо знакома, ведь это он привозил к нашему дому деда, когда тот лечил папу. Дом, у которого остановились машины, тоже был знаком. А вот мою маму он хорошо запомнил: она была совсем не похожа на женщину, выбежавшую из подъезда. «Может быть, тетушка какая?» — подумал Ол, но тут внимательнее присмотрелся к подъезду и понял, что происходит что-то не то. Он попытался сказать отцу, что они ошиблись подъездом и квартирой, когда тот уже втащил его на третий этаж, к Пиратовне, и поставил перед круглолицей девицей, скромно потупившей глазки.

В тот момент, когда отец и Пиратовна готовы были хлопнуть по рукам, Ол произнес: «Ни за что!», выскочил из подъезда, сел в машину и уехал к деду.

У деда он застал Зуму, которая читала ему мое письмо. Дед внимательно слушал и просил повторять те места, где были расписаны мои согдианские видения, потом подолгу молчал и, глядя свою серебристую бороду, усмехался. Ол внимательно выслушал последние строки моей печальной повести и все понял.

«Что же делать?» — спросил он деда. Тот улыбался, и было похоже, что он витает в облаках где-то далеко от Зумы и Ола. Вдруг старик заговорил на языке мертвой страны, и внуки замерли. Он говорил, и с каждой минутой голос его становился все слабее, он постепенно опускался всем телом на ковер и в конце концов замер, раскинув руки.

Ол бросился щупать его пульс, но пульса не было — дед отошел в мир иной.

Ол объяснил мне, что таких людей, как его дед, не закапывают в землю. Их останки — это совсем не они. Душа их уходит в Согдиану, откуда пришла когда-то к людям. Они вечные, эти люди. Я растерянно моргала и никак не могла взять в толк: правду он говорит или как.

Тогда Ол стал мне рассказывать, что в жизни человеку даются два очень важных

прозрения. Каждый ребенок в какой-то момент своей жизни начинает понимать, что все когда-нибудь умирают, а значит, и он тоже умрет. Тогда темнота начинает казаться ему кошмаром. Он боится смерти, ему не хочется, чтобы все это — небо, люди, земля — когда-нибудь кончилось. Потом он старается не думать об этом, выбросить эту страшную мысль из головы. Второе прозрение дается не каждому, но избранным. Человек вдруг осознает, что смерти нет, что он рожден с бессмертной душой. И снова ему становится страшно. Страшно перед этим бесконечным потоком звезд, летящих ему навстречу, как только он поднимает голову к ночному небу. Страшно это — жить вечно. Но потом он привыкает и к этой мысли.

Ол говорил все медленнее и медленнее и в конце концов совсем замолчал на полуслове, глядя мне в глаза.

— Так ты...

— Я ушел из дома. Отец проклял меня, живу теперь в доме деда сам по себе. Работаю на раскопках, где бродит до сих пор тень деда. Пишу научные работы про Согдиану. Зума мне очень помогает. Ты знаешь, она когда была еще маленькой, часто спрашивала деда, что означает то или иное слово языка мертвой страны, и когда дед, умирая, что-то говорил, ей удалось кое-что перевести: «пятнадцать лет», «все вернется», «береги вазу». Последние слова он произнес глядя мне в глаза с такой надеждой, что мне стало не по себе.

— Я тебе всю жизнь исковеркала, — попыталась я уйти от темы.

— Да нет, — сказал он. Мне нравится моя жизнь. Только вот...

— Что?

— Я должен найти вазу. Дед сказал. Он всегда говорил, что в ней заключено мое счастье.

Кафе закрывалось. Мы просидели до вечера, и пора было расходиться.

— У меня самолет в четыре утра, — сказал Ол. — Мы встретимся еще когда-нибудь?

— Наверно, — быстро согласилась я. — Когда?

— Когда я найду вазу, — произнес он, и мне показалось, что его слова прозвучали как насмешка. — Когда ты захочешь видеть меня. А где?

«Издевается», — решила я, поэтому ответила легко и просто в тон ему:

— Да хотя бы — здесь.

— Подожди, — сказал он и отошел к стойке. — Я сейчас.

«Я сейчас», — пропел в моей голове незнакомый голос под заунывную, до боли знакомую восточную мелодию. И тогда перед моим мысленным взором поплыли какие-то лица. Незнакомые, восточного типа, они смотрели на меня так, словно прощались. Они уходили в небытие, а я оставалась. Этих лиц были тысячи, они словно высвечивались из темноты, а потом пропадали. Когда я уже сбилась со счета, лица стали мелькать все быстрее и быстрее. Потом все закружилось вокруг меня, и очнувшись я в парке на скамеечке как раз в тот момент, когда дождь собрался перейти из моросящего в проливной.

Раскрыв зонтик, я долго стояла и ничего не могла понять. Куда все делось? Где Ол? Где расписное кафе «Павлин»? Что происходит? Я стояла и оглядывалась вокруг, но, кроме стены дождя, рухнувшей с неба, вокруг меня ничего интересного не было.

Тогда я стала подозревать, что не только мелькавшие лица, но и Ол, и это кафе были не более чем прощальной галлюцинацией, которую ниспослала мне мертвая страна.

Вернувшись домой, я решила, что все это — полное сумасшествие. А когда через пару дней опросила своих знакомых и они уверили меня, что никогда никакого «Павлина» в ЦПКиО не видели, я решила, что мне, пожалуй, не мешало бы обратиться к психиатру.

— И ты обратилась? — спросила Ляля.

— Ага. Записалась на прием к психотерапевту в нашей поликлинике. Представляла себе его таким мудрым старцем с лучистыми глазами, а он оказался молодым человеком со скользким взглядом. «Ну давай, — говорит, — рассказывай». А сам облапал меня своим взглядом с головы до ног. Мне сразу домой захотелось. Я решила, что пусть я и больная, но быть такой здоровой, как он, совсем не хочу. «Что — рассказывай?» — на всякий случай спросила я. «Слушай, — сказал он, нетерпеливо поглядывая на часы, — ко мне тут очередь на месяц вперед записана. Не тяни резину. Начинай. Я тебе помогу, скажем, стоишь ты за прилавком своего магазина...»

Лялька хохотала уже на всю комнату.

— Я испуганно заглянула в зеркало, висевшее как раз на стене напротив, и поморщилась: принять меня — меня! — за продавщицу! «Вообще-то я сама — психиатр», — сообщила я ему, и лицо его вытянулось. «Пришли посмотреть, как я работаю?» — спросил он осторожно. «Уже насмотрелась!» — ответила я и оставила его моргать масляными глазками сексуального маньяка в пустой комнате.

— Понятно теперь, почему тебя от психологов воротит! — сказала Ляля. — Ты просто к какой-то бестолочи попала! Не повезло.

— Да?! А знаешь, кто была эта бестолочь? — спросила я и назвала Ляльке самую известную в городе фамилию.

— А, этот, — махнула она рукой. — То, что в его глазках светится, даже с экрана телевизора видно. Нет, Ал. Я тебя познакомлю с настоящим специалистом, он не маньяк и не мальчик. И умные глаза с лучистым взглядом я тебе гарантирую.

Глава 17

Сказка для взрослых девочек

И вот ровно через неделю после того, как ваза Согдианы снова попала ко мне в дом, я попала на прием к Лялькиному психоаналитику. Это был приятный человек с бородой, придававшей ему сходство с искомым старцем, и действительно с умными глазами. Он в течение часа выслушивал мой бред о Согдиане, а потом, улыбнувшись, сказал:

— Вы любите сказки?

Вопрос поставил меня в тупик. Я никогда не задумывалась о том, люблю я их или нет, а если люблю — то насколько. Приблизительно так я ему и сказала.

— Хорошо, — сказал он. — Поясняю. То, что вы сейчас нам поведали, — это не что иное, как пересказ одной очень известной восточной сказки. Сами-то не заметили?

«Ерунда какая-то, — подумала я. — Вот тебе и аналитик. Так я и знала. Ты ему про одно, а он тебе — про чушь какую-то». Очевидно, улыбка моя стала участливой и натянутой, потому что он не стал более разжигать мое отсутствующее к его высказыванию любопытство.

— Все, что вы рассказали, — это версия сказки «Аладдин и волшебная лампа».

Я громко хмыкнула и пожала плечами, мол, ну при чем тут... И вдруг задумалась.

— Поясняю дальше, — продолжал аналитик, — ваза — это лампа. Так?

— Допустим.

— Вы, кажется, Ал? А Ал — это Аладдин.

Я снова фыркнула.

— Ваш Ол — принцесса. Он ведь был богатым наследником, правда? Джафар — это Пиратовна, ведь это ей до зарезу была нужна волшебная лампа.

Что-то стало складываться в моей голове. Я пробежалась мысленно по своим воспоминаниям и стала убеждаться, что есть в его словах некоторый смысл. Но тут я натолкнулась на несоответствие и, гордясь своими аналитическими способностями (меня не проведешь!), спросила:

— А как же джинн?

— Джинн — это волшебство. Джинн — это древнее пророчество. Значит, в вашем рассказе джинн...

— Это Согдиана! — закричала, вваливаясь в дверь, Лялька. Она подслушивала у замочной скважины, а тут забыла, что поступает не совсем прилично, и выдала себя. — Ой, извините.

Она покраснела, как школьница, но мне было не до того. Значит, это была сказка. Тогда...

— Можно задать вам один вопрос в связи с этим? — спросила я аналитика.

— Конечно.

— Я что, сумасшедшая? — Я была готова к любому ответу и, естественно, подозревала самое худшее.

— Нет.

Облегченно вздохнув и несколько секунд порадовавшись тому, что меня не запрут тут же в психушку, я честно призналась ему, что вот теперь, когда он так понятно мне все растолковал про Аладдина, я вконец запуталась и совсем ничего не понимаю.

Тогда аналитик пустился в длинные объяснения. Он рассказал о том, что каждый человек неосознанно выбирает себе в жизни какой-нибудь сценарий и следует ему всю жизнь. Он приводил массу примеров сценарных постановок разных своих пациентов, говорил о том, что выбирая себе роль, мы предоставляем ей управлять нами и так далее и тому подобное.

В результате, когда назначенное нам время истекло, мы с Лялькой вышли на улицу очень просвещенными в области психологии, однако наличие такого количества теоретических знаний мало помогло мне осмыслить то, что случилось со мной на практике.

— Единственное, что я поняла, — говорила Лялька, — что у этой сказки должен быть счастливый конец.

Она стала оглядываться, словно пытаюсь выяснить, куда же этот конец запропастился.

— Он должен быть где-то рядом, — изрекла Ляля, и мы обе напряженно стали осматривать асфальт под ногами, чтобы убедиться, что мы не прошли мимо чего-то очень важного.

Но ничего важного мы на вечно мокром ленинградском асфальте не обнаружили, и я пришла к убеждению, что все важное в моей жизни осталось там, под южным солнцем.

— Интересно, что там сейчас? — задумчиво сказала Лялька.

— Где там?

— В Согдиане.

— Сейчас в Таджикистане военное положение, талибов ждут.

— Ах, так это там! Господи, а как же Зума? Как же Ол, Бахалим? Слушай, надо ведь срочно что-то делать с этими талибами! — Лялька была возмущена до предела политическими вопросами, которые раньше ее нисколько не занимали. — Завтра же отправлю туда от своей фирмы гуманитарную помощь! — добавила она с пафосом.

Мне стало совсем грустно.

— Знаешь, это прошлое уходит, — сказала я. — Сначала оборвались все связи с людьми оттуда. А теперь вообще могут стереть с лица земли целую страну, где все это произошло.

— Не сотрут! — обещала Лялька с жаром. — Пусть только попробуют! Ты напиши им, — горячилась она, — пусть они приезжают к нам. Ты ведь сама рассказывала, как в войну у вас целый колхоз ленинградцев жил. Теперь пусть они в Ленинграде поживут. Ну хотя бы Зума. У нее, наверно, уже детей тьма-тьмущая. Пусть приезжают, я их на своей даче поселю.

И тут я неожиданно заплакала. Прямо на улице.

— У меня даже их адреса теперь нет! — сказала я сквозь слезы.

И Лялька тоже заплакала за компанию со мной.

Так мы стояли посреди улицы возле Лялькиной машины и ревели вместе. Прохожие удивленно разглядывали нас, но никто не подошел и не спросил, что у нас стряслось. В Ленинграде это не принято...

Лялька явилась домой зареванная и, не переставая всхлипывать, поведала удивленному до крайности мужу историю легкомысленной Ал, а также о международном положении на сей момент, о гуманитарной помощи, которую она с завтрашнего дня будет посылать правительству Таджикистана.

— Может, в американское посольство сходить? — в заключение сказала распухшая от слез Лялька.

— Это еще зачем?

— Чтобы помогли. Куда они там смотрят? Пусть сделают что-нибудь!

— Ляля, ты совсем обалдела. Давай лучше я что-нибудь сделаю, — предложил Вовка и стал выяснять у Ляльки подробности «этого дела».

Он задавал вопросы и записывал ответы в свою рабочую книжечку, где разрабатывал обычно новые проекты для процветания Лялькиной фирмы. Это говорило о том, что он высоко оценил задачу, поставленную самим собой перед собой, и готов решить ее так же грамотно и умело, как решал все вопросы, связанные с бизнесом.

Лялька с благодарностью смотрела на него как на Бога и временами, вскакивая со своего места, бросалась обнимать и повторяла:

— Боже мой, муж, как хорошо, что ты есть у меня! Как хорошо, что мы с тобой давно уже встретились и сразу поженились! Как хорошо...

Вовка пытался сохранять серьезность и способность к логическому мышлению, поэтому периодически отстранял свою жену с ее душераздирающими «как хорошо!» и снова продолжал свой опрос. Были вызваны дети, и из них для поставки информации отобрана Даша, как наиболее разумная. От нее папочка потребовал подробнейшего изложения всех событий, которые произошли неделю назад в парке, пока родители с жадностью возвращали друг другу накопившиеся супружеские долги. Пока Даша как прилежная ученица вела повествование, Вовка строчил в свой блокнот, словно из пулемета.

— Все, — сказал он наконец решительно. — Что бы вы, женщины, без меня делали?

Лялька снова полезла к нему со своими «как хорошо», и Вовка решил не сопротивляться, а принять все, что за этим последует, как награду за свои аналитические способности.

— Дети! Спать! — выдохнула Лялька, падая в объятия мужа с изъявлениями благодарностей.

Глава 18

Старичок с весами

На следующий день меня ожидал сюрприз. В десять часов утра, когда я едва продрала глаза после полубессонной ночи, и продрала их только для того, чтобы взглянуть на будильник и снова забыться в предутреннем сне, раздался настойчивый звонок в дверь.

С третьей попытки мне удалось выбраться из постели. Чертыхаясь и натягивая по дороге махровый халат, я побрела в прихожую вслед за ревушим, как гонконгский вол, Драконом. Песик крутился волчком, и казалось, он вот-вот разорвется от распирающего негодования по поводу визита незнакомого гостя. Придерживая одной рукой Вождя, чтобы, чего доброго, не сожрал кого, другой я открыла дверь.

На пороге возник Вовка и потребовал убрать собаку. Лялька говорила, что из всех насекомых он больше всего на свете боится мышей, змей и моего Дракошу. Закрыв пса в ванной комнате, я предложила Вовке войти, но он остался стоять у двери:

— К женщинам домой — ни ногой! — гордо сказал он. — Выходи! Мы с Лялей ждем тебя в машине. Кстати, ты что — разбогатела? Мелочь выбрасываешь? Давай скорее! — и побежал вниз по лестнице.

На коврике перед дверью поблескивала монетка; я подняла ее. Вовка, конечно, очень умный, но зрение у него при этом не очень. С коврика перед дверью я подняла монетку с царственным профилем.

«Опять!» — в ужасе подумала я и схватилась за голову. Нет, нет, я буду бороться за свое душевное здоровье. Я так просто не сдамся. Бросив монетку на стол, я быстро умылась, оделась и побежала вниз по лестнице в полной уверенности, что, когда я вернусь, она исчезнет...

Сев в машину, я чуть не ослепла от Лялькиной улыбки.

— Прости меня, Ал, — радостно лепетала она, я так вчера расстроилась, что все рассказала мужу. Ал, он гений! Ты не представляешь: он знает, что нужно делать!

— Так, — решительно сказал Вовка, — нужно успеть все сделать до обеда, пока наши дети сидят дома одни за компьютером.

— Что успеть? — Я ничего не могла понять.

— Все выяснить! — бросил через плечо Вовка.

Я подумала, что мы снова едем к психоаналитику, и попыталась запротестовать. Протест мой выразился в коротком мычании.

— Не спорь с мужем! — предупредила Ляля. — Я же тебе говорю: он гений!

Больше меня никто не слушал. Да я, собственно, ничего и не говорила. Каково же было мое удивление, когда Вовка остановил машину прямо около входа в ЦПКиО и предложил мне выйти.

— Ал, — сказал он у входа, — где стоял тот старичок?

— На мосту. — Я никак не могла взять в толк, куда же он клонит.

— Где точно? — спросил Вовка, и я принялась обшаривать мост глазами.

Но не стоило большого труда понять, что мост совершенно пуст, что никого, кроме нас, на нем нет. Никогошеньки.

— Его нет, — сказала я. — Вы думаете, это тоже была галлюцинация?

Сердце мое разрывалось на части от такого предположения, и если бы оно

подтвердилось, я бы, наверно, самостоятельно госпитализировала себя в Бехтеревку.

— Твои галлюцинации — твое личное дело и на нашу дочь не распространяются. А она утверждает, что своими глазами видела старичка с весами, — отрезал Вовка и подошел к билетной кассе.

Потом он велел нам с Лялькой сидеть в машине и ждать, а сам направился в сторону административного корпуса. Через двадцать минут Вовка вернулся и радостно сообщил нам:

— Иван Митрофанович!

— Кто это? — спросили мы с Лялькой в один голос.

— Старичок с весами. Иван Митрофанович он — а никакая не галлюцинация! Вот его адрес. Поехали.

Иван Митрофанович жил совсем рядом с парком в типовой «хрущевке» на втором этаже. По карнизу его окон разгуливал небольшой черный кот с белой манишкой. Хозяин оказался дома, и, когда лязгнул дверной замок, Вовка выставил меня вперед, как рекламный щит.

— Ах, это вы! — очень обрадовался старичок. — Милости прошу, проходите, пожалуйста.

— Я с друзьями, ничего? — спросила я, совершенно не понимая, что я тут делаю и о чем нам говорить.

«Неужели снова придется все рассказывать с начала до конца?» — подумала я и вздохнула.

— Я очень рад, — гордо говорил хозяин. — Ко мне так редко кто-то заглядывает. Входите.

У него была чистенькая, аккуратненькая квартирка из двух комнат.

— Здесь я живу, — рассказывал он. — А там вон — Кузьма помещается.

— Сынок ваш? — спросила заботливо Ляля.

Старичок засмеялся:

— Вроде того. Кот. У меня, кроме него, на свете — ни души. Я сейчас чаек поставлю, а вы, молодые люди, рассказывайте, чем я могу служить вам?

— Иван Митрофанович, — начал Вовка, — неделю назад вы в Центральном парке культуры и отдыха вручили этой вот женщине вазу, представляющую собой уникальную историческую ценность.

— Ой, вы из милиции, что ли? — Старичок так и сел.

— Нет, нет. — Вовка покраснел и посмотрел на Лялю, мол, давай ты.

— Мы ее друзья, — успокоила Ляля. — Лучшие друзья. Мы для нее то же самое, что для вас — ваш кот.

Вовка смотрел на жену с обожанием. Вот что значит найти правильный тон в разговоре с клиентом. Молодчина его Лялька! Профи!

Аналогию с котом Иван Митрофанович очень хорошо понял и заулыбался.

— Понимаете, — продолжала Ляля, — для Ал — это вот для нее, значит, все это очень важно. Расскажите нам, как к вам попала эта ваза?

— С удовольствием, — сказал Иван Митрофанович и принялся рассказывать.

Однажды, закончив работу, он отправился в кафе выпить стаканчик минералки. Нет, он не делал этого раньше. И не знает, почему ему вздумалось зайти в кафе именно в тот роковой день, — попутно отвечал он на вопросы, которые вставлял Вовка. Зашел, выпил стакан «боржоми», поставил его на прилавок и собрался уходить, как вдруг к нему

подскочил молодой человек с горящими как уголья черными глазами. Он спросил:

— Вы видите ту девушку за столиком?

— Да, — сказал Иван Митрофанович, — конечно, вижу.

— А вы смогли бы узнать ее лет через десять, скажем?

— Думаю, что смог бы.

— А через двадцать? — не отставал молодой человек.

— Если доживу, — усмехнулся старичок, — то решился бы попробовать.

— Ну тогда...

И молодой человек понес какую-то околесицу: про мертвую страну, про своего деда и про волшебную вазу. Иван Митрофанович был человеком весьма деликатным и из вежливости не перебивал его. Выслушав про каких-то разбойников и золотые клады, ему пришлось дать молодому человеку обещание. И вот в чем оно состояло. Через некоторое время молодой человек обещал принести ему вазу, которую старичок берется вручить молодой особе, которая... только что сидела за столиком. Сидела — потому что к тому времени, как их разговор подошел к концу, она исчезла. При этих словах Иван Митрофанович немножко укоризненно посмотрел на меня.

Молодой человек выскочил из кафе и побегал немного по парку, но в это время стеной обрушился дождь, и он вернулся очень грустный, — снова взгляд из-под очков в мою сторону Ивана Митрофановича показался мне очень неодобрительным. Ол — так представился молодой человек — с самого начала сказал, что это не имеет никакого значения, то, что девушка так внезапно ушла. Совсем никакого. Он взял со старичка честное слово, что тот, как только Ол неизвестно когда — «может быть, даже через десять лет» — привезет ему вазу, будет каждый день караулить со своего рабочего места, то есть от весов, юную особу, которая только что сидела вон за тем столиком. Еще молодой человек попросил его ни в коем случае не уходить с работы. Иван Митрофанович пообещал ему это с легким сердцем, думая, что юноша очень расстроен бегством своей девушки и говорит все это для собственного самоуспокоения. Тут молодой человек протянул ему монету и сказал, что это задаток за предстоящую службу, которая старичку выпала.

Монетка была симпатичная, и Иван Митрофанович принял ее, внутренне улыбаясь тому, чего только не изобретают влюбленные, чтобы залечить свои раны. Каково же было его удивление, когда через два года молодой человек вновь появился перед ним в парке и передал сверток для своей гипотетической, как Ивану Митрофановичу тогда показалось, девушки, которая должна была когда-нибудь объявиться в ЦПКиО.

И вот потянулись долгие годы ожидания. Началась перестройка, и Иван Митрофанович с ужасом обнаружил, что все его сбережения теперь ничего не стоят и он остался один на один с мизерной зарплатой смотрителя парковых весов и совсем минимальной пенсией. Пенсию выплачивали весьма редко, и хватало ее только на то, чтобы оплачивать квартиру, по которой он теперь пробирался в полной темноте на ощупь, экономя на электроэнергии.

Однажды он наводил дома порядок и в шкапулочке, сохранившейся у него еще от бабки, на самом дне обнаружил монетку, которую дал ему Ол. Иван Митрофанович присмотрелся к ней внимательней и решил, что она, возможно, имеет некоторую ценность для нумизматов. Он отправился к знакомому, коллекционировавшему монеты разных лет, и показал медяшку. Знакомый так и подпрыгнул на стуле, а потом схватил увеличительное стекло и битые полчаса разглядывал через него денежку Ола. Он оказался человеком весьма порядочным и честно признался Ивану Митрофановичу, что монетка эта, во-первых, не простая, а золотая,

а во-вторых, относится к периоду до нашей эры, возможно, поэтому представляет огромную ценность. Он тут же предложил ему продать монетку, честно предупредив, что возьмется помочь ему только за пятьдесят процентов — никак не меньше. «Монета, может быть, из музея какого украдена — тогда дело это подсудное, можно и погореть». Понимая весь риск предприятия, Иван Митрофанович согласился отдать приятелю половину вырученных денег за услуги, и тот продал монету какому-то подпольному миллионеру-коллекционеру. Сумма, то есть половина суммы, которую выручил за монету приятель, обеспечила старику безбедную жизнь в течение последующих полутора лет.

После этого случая...

— Извините, — прервал Вовка, который все время сверял рассказ старика со своими записями в блокноте, — а кафе это, «Павлин», на самом деле существовало?

— Трудно сказать, — почесав затылок, ответил Иван Митрофанович, — в принципе, существовало. Но недолго. Это было похоже на бродячий театр — приехали, выстроили декорации. Кстати, девушка, наверно, помнит, что оно было расписано точь-в-точь как декорация. А потом свернули свои декорации и уехали. Не могу точно сказать вам, сколько оно стояло на этом месте — день, два или год. Я был там один только раз, а потом никогда больше не ходил в ту часть парка. Ну так я продолжу...

После этого случая, когда монета оказалась золотой и неправдоподобно ценной, Иван Митрофанович стал припоминать все, что наговорил ему тогда молодой человек в кафе, и уже не был так уверен, что это чистой воды бред.

Когда Ол принес ему сверток, Иван Митрофанович, оценив всю важность задачи, вдруг высказал некоторые сомнения по поводу того, сможет ли узнать девушку. Ее, разумеется, трудно было забыть, но зрение у него портилось, а девушки сейчас пошли непредсказуемые: вдруг она, скажем, в блондинку перекрасится или рыжую? Как ее тогда узнаешь?

Ол пообещал что-нибудь придумать. Через несколько дней к старику на дом пришел врач-окулист с тележкой самой разнообразной аппаратуры. Иван Митрофанович, наученный горьким опытом перестройки, сразу насторожился и спросил, сколько будет стоить такой визит, на что молодой доктор осклабился и успокоил:

— Диспансеризация — бесплатно.

Вот это да! Такого сервиса Иван Митрофанович не помнил ни в советские, ни даже в царские времена. Доктор проверил его зрение и тут же выписал очки, заявив, что его старые «отстают» как минимум на полторы единицы. Еще он сказал, что будет «заглядывать» к Ивану Митрофановичу раз в год, чтобы поддерживать его зрение в полном порядке. Он оставил рецепт и ушел.

На следующий день Иван Митрофанович отправился в оптику, которая помещалась в доме напротив, протянул рецепт и старенькую свою оправу, приготовившись узнать только, в какие миллионы это ему обойдется. Но девушка выдала ему обратно новые очки совсем в другой оправе.

— У меня на новую денег нету! — решительно заявил Иван Митрофанович.

— Что вы, что вы, — сказала девушка, — все оплачено.

Иван Митрофанович надел новые очки в позолоченной металлической оправе и заглянул в зеркало. На него смотрел профессор — не меньше! — математики, немного утомленный после многочисленных лекций. Пока он переходил дорогу и шел к дому, мысли его работали в самом напряженном режиме, который он только мог создать в своем преклонном возрасте. Он был человеком здравомыслящим, прожил долгую жизнь и не

помнил ни одного года, чтобы с неба таким потоком сыпалась манна небесная.

Войдя в подъезд и приготовившись подниматься на свой второй этаж, как всегда вслепую, потому что все лампочки сто лет назад выкрутили и никто не собирался вставлять новые — это вам не Советская власть! — он снова был приятно удивлен. В подъезде горел свет! Теперь он мог не тратить полтора часа на то, чтобы попасть ключом в замочную скважину.

Он радостно достал ключ и тут сразу увидел (сразу — потому что, во-первых, был свет, а во-вторых, видеть в новых очках он стал гораздо лучше), что к его двери булавкой приколот конверт! «Странная манера у этих перестроечных почтальонов письма разносить», — подумал он. В конверте оказался рисунок, изображавший ту самую девушку из кафе.

— То есть вас, — сказал старик.

— Так-так-так, минуточку, — снова подал голос Вовка, записывая что-то себе в блокнот. — А откуда было письмо?

— На письме не было почтового штемпеля, — немного раздраженно ответил Иван Митрофанович, — а что это вы все пишете?

— Пусть пишет, — ласково сказала ему Ляля, — он у нас гений, у него свои странности.

— Ах, гений. — Старичок с уважением посмотрел в Вовкину сторону. Похоже, после всего, что произошло с ним за последние годы, он каждое слово воспринимал всерьез. — Так вот, — продолжал он, — с тех пор я каждый год стал получать такие конверты с вашим изображением.

Тут мы с Вовкой переглянулись, он нервно сглотнул, словно поняв: вот она, зацепка, — и решительно попросил старичка:

— Покажите!

— Да, — тут же встряла Лялька, обращаясь к Ивану Митрофановичу самым ласковым своим голосочком с просительными интонациями. — Покажите, пожа-а-алуйста.

И даже мне в этот момент показалось, что Лялька умрет на месте или по крайней мере грохнется в обморок года на два, если ей сей же час не предъявят эти рисунки.

— Конечно, конечно, — засуетился Иван Митрофанович, — одну минутку. Я все их храню уже многие годы.

С этими словами он полез в шкаф, достал оттуда миниатюрную шкатулочку, потемневшую от времени, и вынул из нее ровно пятнадцать небольших рисунков. Я дрожащими руками взяла эти бесценные рисунки и принялась разглядывать. На каждом была я, нарисованная, очевидно, рукой Ола. Наглядевшись на себя вволю, я передала рисунки Володе, который начал изучать их, чуть ли не обнюхивая. Лялька пыталась подсесть к нему поближе и заглянуть, но он попросил ее подождать своей очереди, и теперь она ерзала на стуле и строила всякие рожицы, означавшие предельное нетерпение.

— Вот, собственно, и все. Я ждал. Каждый год приходил ваш портрет. А вас все не было. Но я не жалею. Жизнь у меня все это время была настолько интересная, что я не отказался бы пожить так еще лет десять. То приду домой — а у порога мешок риса стоит. Большой мешок, а рис в нем — отборный, размером с фасоль. Я со всеми соседями-пенсионерами делился. Нас здесь, знаете ли, много одиноких. Потом как-то цветок появился странный...

— Черная лиана, — скорее уточнила, чем спросила я.

— Угадали, — отозвался Иван Митрофанович. — Она теперь у меня на кухне живет. Я ее листики как-то раз вместо чая заварил да и пристрастился со временем. Так знаете, с

какой стороны у меня сердце, больше не знаю, не ведаю. Потом как-то полбарана подбросили. Я его полгода ел. А потом вот — Кузьму подослали.

Услышав свое имя, кот бросился к хозяину на колени и принялся урчать на всю комнату.

— А самого Ола вы больше не видели? — спросила я, теряя последнюю надежду.

— Нет, — ответил Иван Митрофанович. — Ни разу.

Мы еще посидели немного молча, потом поблагодарили старика и стали собираться восвояси.

— Вы знаете, — сказал он, когда мы уходили, — я так привык жить где-то рядом с вами, думать о вас, что даже не представляю, как буду теперь. Вы заходите иногда, ладно? А если про Ола что узнаете, уж подайте весточку.

— Хорошо, — пообещала я. — Обязательно.

— Очень интересно было бы узнать, чем вся эта история кончится, — сказал на прощание Иван Митрофанович.

Мне, кстати сказать, тоже было ужасно интересно, чем все кончится; но пока угадать это было невозможно.

— Ляль, ты у нас специалист по прическам, — сказал Вовка, когда мы сели в машину. — Ну-ка вспомни, когда Ал постриглась?

Лялька напрягла память и лоб, пошевелила мозговыми извилинами и выдала:

— Лет пять назад.

— А ты ничего не заметила на этих рисунках? — спросил Вовка.

— Нет. — Мне тут же захотелось рассмотреть их получше.

— Смотри — на десяти из них ты с длинными волосами, а на пяти последних — с короткой стрижкой. Смотри еще внимательней: на первом рисунке ты совсем девочка, а на последнем — такая, как сейчас.

— Что ты хочешь этим сказать? — все еще не понимала я.

— Хочу еще спросить: ты знаешь, кто это рисовал?

— Ол, — ответила я.

— Ол, — подтвердила Ляля. — Манера рисунка очень похожа на ту картину, что у ее родителей висит.

— А теперь слушайте! — торжественно произнес Вовка. — Твой Ол находится где-то совсем рядом. Он тебя часто видит, видит, как ты меняешься. Он не посылает свои рисунки по почте. Почему? Потому что легко может занести их старику сам. Он рядом! Ты должна найти его!

— Но где?! — воскликнула я в отчаянии.

— Подождите, а может быть, он приезжает сюда только раз в год, — начала Лялька.

— Нет, — поморщился Вовка, — ведь старику помогали все время, а не раз в год.

— Но, может быть, сейчас его здесь нет? — не унималась Лялька.

— Есть, — сказала я.

— Почему ты так уверена? — удивилась она.

— Потому что нашла сегодня у своего порога золотую монету мертвой страны...

Глава 19

Согдиана-собака-ру

Когда мы подъехали к моему дому, Ляля подержала нежно меня за руку, а Вовка сказал: — Ничего, Ал, не грусти! Будем думать дальше.

И я вернулась домой.

Последние дни я очень мало спала и теперь, послонявшись немного по комнате, почувствовала страшную усталость. Выведя песика на вечернее гулянье раньше обычного, я завалилась в постель в половине девятого и уснула мертвым сном. Утром я проснулась без всякой радости и даже без всякой надежды на нее. Полежала в кровати, пока Дракон не спел все арии своего репертуара типа «А гулять-то мы когда» и «Нам пора-пора-пора», я лениво встала, оделась и вышла с ним во двор. Погода, оказывается, резко испортилась, а я вышла в майке с коротким рукавом, не удосужившись даже выглянуть на улицу. Поэтому гулянье наше надолго не затянулось. Открывая дверь своей квартиры, я уже слышала, как во все горло вопит мой телефон.

— Алло! — закричала я в трубку, надеясь, что это Вовка произвел на свет очередную бесценную идею.

Но узнала голос своего начальника, который, с трудом сдерживая ярость, напоминал мне, что я вчера должна была сдать статью, но так и не появилась в редакции. Такого со мной еще никогда не случалось, но это вовсе не смягчало его сердца, скорее, наоборот. Если бы случилось, он бы на меня и не рассчитывал, поэтому сейчас у него не горел бы номер. Пообещав ему, что сдам статью с минуты на минуты, как только поймаю такси, я бросилась ее заканчивать.

В страшной спешке я забыла переговорить по душам с моим другом-компьютером, и когда попыталась войти в программу, он вдруг завис. Это было неприятно, но не смертельно. Я выключила своего друга и бросилась в родную редакцию.

Там ждала меня еще куча работы: что-то за кого-то переписать, что-то просмотреть, что-то прочитать. В результате к концу дня орудие производства — то есть голова моя — страшно разболелось. Я вернулась домой с новым заданием и, съев таблетку анальгина, решила не откладывать дело в долгий ящик мало ли что может случиться в ближайшее время. Сев к компьютеру, я принялась нежно ворковать о нашей с ним взаимной привязанности, о его сверхспособностях и прочих достоинствах. Но, как я ни старалась, передо мной расстилалось пространство ДОС, а программы загружаться не желали. Я занервничала, потому что на статью мне дали только два дня. Времени церемониться с «лучшим другом» и полночи расхваливать его не было.

Мальчик-хакер, тот самый, который как-то посоветовал мне с компьютером беседовать, жил в соседней квартире, и мне ничего не оставалось, как обратиться к нему за помощью. Сдвинув назад козырек бейсбольной кепки, он явился ко мне позевывая, с видом уставшего от международного признания программиста. Минут семь поковырявшись, он добился от моего друга взаимности: компьютер заурчал и начал грузиться.

Я как могла поблагодарила юного хакера и даже попыталась дать ему немного денег. Но он не взял. Вдруг взгляд его упал на вазу, которая стояла теперь у меня на столе.

— Ух ты! — сказал он. — Вот это вещь, — схватил вазу обеими руками и принялся вертеть.

— Угу, — отозвалась я. — Старинная.

Мальчик еще немного повертел вазу и сказал:

— Так я вам и поверил!

— Нет, правда, старинная, — уверяла я.

— Вы что, за дурака меня держите? — спросил он и ткнул пальцем в металлическую поверхность. — Еще скажите — до нашей эры?

— Это действительно так, — обиделась я и, забирая вазу у него из рук, вдруг увидела на ней еле заметную гравировку.

С того времени, как она попала в мои руки, я часто замечала эти старинные выгравированные буквы. И всегда считала, что надпись сделана на языке мертвой страны.

— В то время люди понятия не имели, что такое собака! — сказал сосед, удивляясь моей тупости.

— Собака? Какая собака? Ты думаешь, в Таджикистане никто собак не видел? — усмехнулась я, но он только ткнул пальцем в одну из букв в середине.

И тут, приглядевшись, я вдруг поняла, что действительно средняя буква напоминает «собаку» — какие включают в себя адреса электронной почты. Я пригляделась к буквам получше, и они показались мне похожими на английские. А вдруг это действительно чей-то адрес? Точно, это, должно быть, адрес Ола, а я-то, дура, не заметила этого сначала!

Я схватила трубку и стала набирать телефон Ляли:

— Вовка! — кричала я в трубку. — Тут на вазе какие-то буквы, на электронный адрес очень похоже. У тебя выход есть? Как отключили? Почему? Не знаешь? Когда разберешься? А завтра? А послезавтра?

— Да что вы так кричите? — поморщился мальчик, стоящий со мной рядом. — Я в сети. Нет проблем. Перепишите адресок, я попробую узнать, что это такое.

— Вовка! — снова орала я. — Мне узнают. Да, да, сосед мой, Сенечка. Нет, к Пиратовне он никакого отношения иметь не может. Точно! Я прослежу! Обязательно сообщу. Пока.

Я переписала Сене непонятные буквы и села ждать. Через час он зашел ко мне и сказал, что дело сложное, выход у него только после двенадцати, а мама разрешает работать час, не больше. Поэтому придется подождать до завтра.

Я чмокнула его в щеку, он подумал немного и сказал, что это лишнее, но ушел очень довольный. Как быстро растут чужие дети! Я помню, как совсем недавно мама выгуливала Сенечку в просторной колясочке, а он безбожно орал на весь двор. Сколько же ему лет: двенадцать, что ли? От этого ребенка зависела теперь моя судьба.

Закрыв дверь, я уселась перед телевизором и решила посмотреть полуночные новости. На экране мелькали наши депутаты — это было лучшее средство позабыть о своих реальных проблемах и ознакомиться с их нереальными. Почувствовав через несколько минут приятное оупение, я расслабилась, но тут показали Билла Клинтона и объявили, что американцы обстреляли три афганских города, находящихся в руках талибов. Я подпрыгнула на стуле как ужаленная и бросилась к телефону. Набрал дрожащими руками номер Ляльки, я через несколько минут услышала на том конце провода немного раздраженный голос Вовки:

— И кто это так поздно нам звонит?

— Вова, — сказала я, — это Ал. Вова, Ляля сегодня весь день провела с тобой? Никуда не отлучалась? — Я тяжело дышала в трубку.

— Ал, ты что там, совсем рехнулась?

— Вова! Ответь мне: она выходила куда-нибудь без тебя?!

— Кажется, да, — ответил он нерешительно. — А что?

— Вова, а она случайно не ходила в американское посольство?

— Брось, Ал. Она в магазин ходила.

— Ты уверен?

— А что случилось, собственно?

— Только что американцы обстреляли талибов.

Вовка помолчал в трубку и вдруг заорал там у себя на всю квартиру громовым голосом, наверняка разбудив не только соседей, но и жителей соседних домов:

— Ляля!!!

Минут пятнадцать трубка безжизненно молчала, а потом Вовка, слегка успокоенный, сказал мне:

— Говорит, она тут ни при чем!

— Ты веришь? — спросила я.

Вовка задумался. В бизнесе его жена творила такие чудеса, что он не был уверен, что она не решила перенести свои сверхспособности на политическое поприще.

— Не знаю, но сейчас она рыдает от восторга и что-то пишет...

— Посмотри, — простонала я. — И почитай.

— «Дорогой Билл!» — прочел Вовка, очевидно, заглядывая ей через плечо. — Ляля, ты совсем обалдела! Ладно, Ал, — сказал он мне, — спи спокойно, я теперь с нее глаз не спущу.

И дал отбой.

На следующий день я не расставалась со своим другом-компьютером, мы оба корпели над заданиями издательства. Время ползло удивительно медленно, и мне показалось, что сегодняшний день растянулся в три. Заскочил Сенечка и сообщил, что начинает поиск. Я выключила свой компьютер, обняла Дракона и приготовилась ждать. Сначала я сидела на диване, потом с Драконом на руках расхаживала по комнате, автоматически сжимая бедное животное так, что оно стало повизгивать и проситься на пол, хотя обычно само никогда с рук не сходило. Без пяти час вошел сосед и объявил:

— Трудновато было.

— Ты нашел его? — Я была уверена почему-то, что на вазе зашифрованы координаты Ола.

— Нашел. Это какой-то текст. Написано не по-русски. Я запустил парочку переводчиков, но такой язык они не знают. Текст я скачал на всякий случай — вот. — И он протянул мне две дискетки.

— Так много? — поразила я.

— Нет, просто два экземпляра, на случай, если одна дискетка не откроется. Ну привет, мне спать пора.

Он шагнул к двери, но потом замаялся, подошел ко мне и подставил щеку.

Я его снова радостно чмокнула, он хмыкнул и гордо отправился домой.

Я бросилась к компьютеру. Я все-таки совсем немного знала узбекский, чуть-чуть понимала таджикский и, может быть, сумею прочесть хотя бы несколько слов. Но, оказалось, текст был выведен арабской вязью. Может быть, это язык мертвой страны? Тогда его никто никогда не прочтет, это послание. Хотя подожди-ка, Ол говорил, что Зума немного понимает его. Но где теперь Зума?

Не знаю, сколько я проспала в эту ночь, но, проснувшись, тут же набрала рабочий номер телефона Ляльки и рассказала ей обо всем.

— Бери вазу и езжай к нам домой. Нас снова подключили. Может, Вовка подберет какой-нибудь переводчик.

— А вазу-то зачем?

— Вдруг вы что-то неправильно там посмотрели. Пусть проверит. Езжай, а я ему сейчас позвоню!

Я выскочила на минуточку вниз с Драконом, расцеловала его, как всегда, на прощание и, аккуратно упаковав вазу, поехала к Ляльке домой.

Вовка уселся за компьютер и стал что-то колдовать. Через полчаса он уже выяснил, что юный хакер ничего не напугал и файл, который он отыскал, действительно содержит арабскую вязь. Он принялся искать в сети нужные переводчики, а я сидела на стуле в углу комнаты и не могла двинуться с места.

Через некоторое время Вовка посмотрел на часы и сообщил, что ему нужно встретить из школы детей.

— Давай я схожу, а ты лучше не отвлекайся, — попросила я.

— Давай.

Он объяснил мне, куда идти, и через пять минут я уже возвращалась домой с Дашей и Митей, которые всю дорогу спорили, кто больше пятерок заработал. Собственно, спорить было не о чем, потому что заработали они по одной только пятерке. Но Даша утверждала, что у нее — больше, потому что Митька получил еще четверку по физкультуре, а это большой минус и теперь его пятерка — не настоящая и ни в какое сравнение не идет с ее пятеркой. Дети приглашали меня на роль арбитра в этом споре, но я никак не могла сообразить, кто из них прав, потому что мысли мои были заняты совсем другими вещами. Мы вернулись домой, я разогрела им суп в микроволновке и побежала смотреть, что же у Вовки получается.

Глава 20

И дети приносят пользу...

Но у него ничего не получалось.

— Это не арабский, не узбекский и не таджикский, — сказал он мне с уверенностью. — Сейчас проверю некоторые наречия.

Мы посидели с ним еще чуть-чуть, пока не раздался душераздирающий вопль, издаваемый одновременно обоими детьми. Мы бросились туда и увидели жуткую сцену.

Даша и Митя сидели на полу и рвали друг у друга из рук мою вазу, крича при этом голосами стада сбрендивших коз. Ваза была высокая и узкая, а по бокам — две витые красивые ручки, и дети могли отодрать их в любой момент. Вовка охнул и бросился оттаскивать Митю, в то время как я подбежала с другой стороны к Даше. Дети уже ничего не слышали и не видели, а только орали и тянули вазу каждый в свою сторону.

Но наконец Вовке удалось разжать пальцы своего цепкого сынишки, поэтому ваза осталась в руках Даши. Мы разлетелись в разные стороны, как будто перетягивали канат в тот момент. Я повалилась на пол вместе с Дашей, та теперь держала вазу вверх дном, а из вазы медленно и плавно летел на ковер сложенный листок.

Все сразу заметили этот листок, и наступила мертвая тишина. В этой тишине я только слышала, как оглушительно бьется мое сердце. Я бросила Дашу на полу, поднялась и непослушными пальцами стала отдиравать листочек от ковра.

— Что это? — спросил Вовка.

— Это из вазы выпало, — ответила Даша, удивленно рассматривая листок.

— Так ты, значит, даже внутрь ни разу не заглядывала? — недоумевал Вовка.

Конечно, не заглядывала. А зачем, собственно, было заглядывать? Я раньше туда очень часто заглядывала, но никаких листочков не видела.

— Разворачивай, — приказал Вовка, потому что я стояла, прижимая к себе листок, и не шевелилась.

— Не могу, — сказала я.

И это была суцая правда. Руки отказывались повиноваться, никак при этом не объясняя свое состояние моей бедной голове, которая больше не могла распорядиться ими по своему усмотрению.

— Давай я, — предложил Вовка.

— Давай. — Я продолжала стоять как парализованная и боялась только, что меня парализовало навсегда.

Вовка развернул листок.

— Здесь адрес, Ал.

— Чей? — спросила я безнадежно.

— Его, наверно, — тихо сказал Вовка. — Ты смотри! Твоя улица, и дом почти рядом.

— Не может быть...

— А по-моему, очень даже может. Вот откуда он наблюдал за тобой, сидел, наверно, у окна и разглядывал тебя, когда ты проходила по улице мимо.

— Не может быть. — Я взяла листок. — Мне нужно туда поехать? — спросила я почти безжизненно.

— Ну это как ты хочешь, — ответил Вовка.

И я пошла к двери нетвердыми шагами. Вовка проводил меня и сказал на прощание:

— Ты иди, а я поколдую немного еще с этим текстом — вдруг получится.

Я шла и всю дорогу размышляла. Хочу я видеть Ола? Хочу ли я его просто видеть, или я теперь уже хочу за него замуж? А может быть, он давно женат, ведь прошло пятнадцать лет. Может быть, он просто отправил мне в подарок эту вазу и вложил туда свой адрес как старой знакомой, на память. Я шла по своей улице и остановилась у дома, адрес которого был указан в листочке. Батюшки! Да это ведь действительно совсем рядом со мной! Как же так могло случиться, что мы ни разу не встретились?

Впрочем, я ведь уже несколько лет никуда почти не хожу. Я поднялась по лестнице и нажала кнопку звонка. Навстречу мне откуда-то из комнат полетел детский смех, и я внутренне сжалась. Открыла мне чудесная маленькая девочка. Она немножко поморгала на меня своими длиннющими, как опахала, ресницами и вдруг, сообразив что-то, схватила за руку и потащила в комнаты. Девочка что-то радостно кричала. Я уже давно позабыла узбекский и ничего не могла разобрать. Кто-то спешил к нам из соседних комнат, в воздухе витал запах шафрана, все происходило как в замедленной съемке.

Они вышли из разных комнат одновременно. Двери открылись впереди и позади меня. Мне навстречу вышла Зума, и мы радостно бросились на шею друг другу.

— Ах, Ал, — лопотала она, — как же ты долго, мы ведь уже стали думать, что ты совсем не придешь.

Кажется, она при этом плакала, я, кажется, тоже, потому что через минуту она вытерла мне глаза краем полотенца, висевшего у нее на шее, и развернула на сто восемьдесят градусов. Передо мной стоял Ол.

Пятнадцать лет жизни провалились в тартарары. Я снова оказалась лицом к лицу с молодым человеком, и между нами прыгали кузнечики секунд. Только теперь мне казалось, что это не кузнечики, а саранча, пожирающая время, которое нам отпущено. Я стала гораздо старше, и сколько мне было отпущено времени, никто не знал. Ол протянул ко мне руки, и я оказалась у него на груди. Вот тут стена времени окончательно рухнула, и мы снова вынырнули в Согдиане. Мы стояли на самом гребне городской стены, а вокруг пылали костры, и Ол все крепче и крепче прижимал меня к себе.

Когда я очнулась, оказалось, что Зума тоже стоит где-то рядом, обнимая свою дочку, и плачет.

— Я не сразу нашла записку, — сказала я оправдываясь.

— Ну и хорошо, — отозвался Ол, — зато у тебя было время все вспомнить.

— Да, — засмеялась я, — уж этого-то было достаточно.

Потом мы пошли на кухню, Зума делала салат из помидоров, и они говорили, говорили, говорили. Ол живет здесь уже десять лет.

— Почему же тогда...

— Я ждал. Так было сказано в книге предсказаний, которую ты спалила. Когда ее достали из огня, сохранилась только последняя страница, и дед перевел мне то, что там было написано.

С отцом Ол больше не встречался. Не мог ему простить того, что, когда дед умер, он устроил в его доме настоящий обыск, даже стены были сломаны в поисках тайников и кладов. Ходили слухи, что у деда было много золотых монет, но отец так ничего и не нашел. Через полтора года Ол отыскал волшебную вазу и потратил все свои деньги, чтобы выкупить ее. Он отправил вазу Ивану Митрофановичу и принялся ждать. А за это время защитил

диссертацию и докторскую, объездил пол-Европы с лекциями о Согдиане. Дел много. Кстати, Ол регулярно читал все издания моей родной редакции, где печатались бредни Ал.

— Тебе нужно книги писать, попробуй, у тебя должно получиться...

Ол еще долго что-то рассказывал, рассказывала я, Зума поминутно то хохотала, то плакала. Это было настоящее счастье, которого у меня никогда не было. Никогда за эти сумбурные пятнадцать лет. Но оно было у меня когда-то давным-давно, в другой жизни, когда чужеземкой я прокралась в Согдиану за волшебной вазой. Все это казалось теперь настоящей сказкой. Ваза оказалась подлинной лампой Аладдина, а джинн теперь разгуливал где-то на свободе и сыпал счастьем из рога изобилия.

Через час Зума ушла кормить полугодовалого малыша и утащила за собой Дилю, все это время с любопытством разглядывающую нас всех по очереди. Мы с Олом остались одни. Он взял меня за руку, потом притянул к себе и поцеловал. Это было похоже на сон, на сказку, на все мои видения и галлюцинации вместе взятые. Только это происходило в реальности, в той будничной реальности, где так редко случаются чудеса.

Вдруг Ол отстранился, и, открыв глаза, я заметила, что он смотрит на дверь. Через секунду ко мне вернулся слух, и я услышала, что у двери кто-то радостно всхлипывает. На пороге стояли Лялька с Вовкой и держали в руках лист бумаги.

Они кричали, что перевели.

— Я перевел, Ол, — орал ему Вовка, как своему старому другу, и хлопал радостно по плечу.

— Что?

— На вазе — то, что было написано на вазе. Файл в Интернет. Там завещание. Я вас поздравляю, у вас счет в швейцарском банке на сумму. — Он схватился за голову и протянул нам листок.

Я даже не стала считать количество нулей — так их было много.

— Ваш дед все деньги перевел в этот банк и распорядился, чтобы вы получили их, как только поженитесь. Представляете? Нет, вы представляете?

— Но я еще не знаю, женюсь ли, — сказал Ол, и все замолчали. — Ал, ты собираешься наконец за меня замуж?

Вовка с Лялькой с надеждой посмотрели на меня.

— Ал, я так давно жду тебя, ты скажешь мне «да»? — спросил он, и в глазах его промелькнула была искорка сомнения, пока он не пригляделся ко мне получше. Тогда он поднял меня на руки и закружил.

— Да, да, да, да, — бесконечно повторяла я при этом.

Через две недели мы поженились. Для свадьбы Лялька, которая, пожалуй, была счастлива даже больше меня, предоставила нам свой большой загородный дом. Но даже такой здоровенный домище о десяти комнатах едва мог вместить всех наших гостей. Хорошо, что выдалась теплая погода и мы раскинули на участке палаточный городок. Здесь были все: мои родители, которые взвыли от восторга, когда снова встретились с Зумой и Бахалимом, все мои тетушки и дядюшки из Ташкента. Даже пропавшая тетька Роза отыскалась. Даша и Митя гонялись наперегонки с многочисленными черноглазыми детьми Зумы и других родственников Ола.

Перед самым началом праздника у ворот остановилась еще одна машина, и оттуда, удивленно вертя головой по сторонам, вылез Иван Митрофанович. Это Ол послал за ним машину.

— Ох, если бы я знал, как же без подарка-то, — лепетал Иван Митрофанович, расцеловывая Ола и меня трижды по русскому обычаю.

— Разве можно подарить нам больше, чем вы уже подарили? — спросил его Ол, и Иван Митрофанович приосанился — ведь действительно, наша встреча была его рук делом.

Его посадили на самое почетное место, и он долго рассказывал моим родителям свою, а точнее, нашу, историю.

Застолья у нас не было, потому что не было столов. Зума расстелила ковры, и все сидели, по-узбекски поджав ноги.

В самый разгар свадьбы над нашим домом завис вертолет, и участок завалили розы — настоящие ташкентские розы! А потом сверху упал большой тюк, и вертолет растворился в ночном воздухе.

Ол поднял тюк и развернул.

— Это от отца, — сказал он через несколько минут. — Он нас поздравил, представляешь?

Свадьба была шумной и веселой. Мы с Олом сидели в центре, и он едва пригубил первый фужер шампанского, который нам поднесли. Я, от волнения, напротив, начала пить шампанское как воду, но Ол осторожно потянул меня за руку. Взглянув на него я вспомнила, что свадьба — это не только застолье, и честно говоря, эта мысль сделала меня застывшей восковой куклой.

Справа главой стола (а точнее — ковра) была Лялька. Кажется к полуночи, она, всем на удивление, выучила узбекский язык, потому что не просила больше перевести ей то или иное слово, а даже сама порой вставляла в свою речь узбекские словечки. Слева самой главной фигурой стал Бахалим. Он знал нашу с Олом историю подробнее других и вставлял пропущенные звенья в рассказы, которые вели поочередно то мои родители, то Зума, то Иван Митрофанович.

Когда луна замерла высоко в небе, Ол потянул меня за руку и мы, практически незаметно для увлеченно болтающих гостей, сбежали из-за стола. Мне было холодно и жарко одновременно. От холода по коже ползли мурашки, а от внутреннего жара полыхали щеки. Я едва могла двигаться, когда он привел меня в комнату, отведенную и убранную специально для нас, и закрыл дверь на задвижку.

Ол остановился и принялся разглядывать меня, совсем как при нашей первой встрече. Я

страшно боялась, что он разглядит и первые седые волосы на моей голове и крошечные морщинки вокруг глаз, а потому попыталась, завести какой-то дурацкий разговор о наших гостях. Но он не дал мне договорить. Он подошел ко мне, поднял на руки и отыскал мои губы. И началась музыка, равной которой я не слышала и никогда уже не услышу. Руки мои сами знали, что им делать, губы уже никак не могли оторваться от его губ, а желание любви оказалось столь сильным, что от скованности не осталось и следа. Мы лихорадочно наверстывали упущенное за последние пятнадцать лет.

Когда после медовой недели я вернулась в свою квартирку, то чуть не умерла от смеха. Там, по стенам, висело ровно тридцать нарядов, каждый из которых, пожалуй, попал сюда непосредственно с подиума. Оказалось, что Зума работает модельером и все эти вещи — ее работа.

Островки антиталибской коалиции на карте таяли, как весенний снег, и военные действия все ближе продвигались к Таджикистану. Отец Ола бросил все свои дела и готовился защищать стены Согдианы. В нем проснулся правитель, страна которого была в опасности. Пусть это даже мертвая страна. Бахалим служил в пограничных войсках. А Ол ездил по всему белу свету, пытаясь привлечь внимание мировой общественности к проблемам своей страны. Он выступал в английском парламенте, в ООН, встречался с президентами многих европейских стран, делая все, что в его силах, для формирования общественного мнения.

Деньги со швейцарского счета мы потихоньку тратим на гуманитарную помощь, на устройство беженцев. Хорошо, что онигодились. Я ушла из своей газеты и пишу теперь книгу о том, как таджики скитаются под сумрачным небом Ленинграда, не находя здесь приюта. А ведь их отцы и матери когда-то с распростертыми объятиями встречали блокадников и делились с ними кровом и хлебом.

Теперь другие времена. И нравы другие. Но все же, может быть, кто-нибудь вспомнит...

Моей книгой заинтересовался приятель Ола — известный московский издатель. Я взяла билет, чтобы ехать в Москву. Ол должен был вернуться туда из Испании. Но накануне мне стало ужасно плохо, меня тошнило целый день, и я даже подняться не могла, чтобы сходить в магазин. Мой билет пропал. Ол встретился с издателем без меня, а потом его неожиданно отозвали в Турцию.

Вечером ко мне забежала Зума, и я пожаловалась ей на свое состояние. Зума задала парочку странных вопросов и приказала на следующий день сходить к врачу.

Я пошла к врачу прямо с утра. А днем позвонил Ол. «Думаю, через полгодика у нас будет большой праздник». — «Думаю, чуть позже, — осторожно сказала ему я». — «Ничего подобного. Я переговорил с издателем. Он уверен, что до рождения сверхновой литературной звезды осталось ровно шесть месяцев». — «А до рождения твоего сына — семь с половиной...»

Я думаю, у меня обязательно родится сын. Лялька говорит, что у женщин с моим характером дочери быть не может.

Сейчас вечер. Мы сидим с Лялькой у меня дома, рядом спит Дракон, а мы с ней пишем письма. Я пишу Олу, чтобы рассказать ему в очередной раз, как я счастлива, что он есть у меня, что скоро у меня будет два Ола: большой и маленький. Я очень прошу его беречь себя, потому что Олу-маленькому будет нужен только такой отец, как он. Потому что Ол-маленький вырастет новым правителем Согдианы. Может быть, именно он разгадает все загадки мертвой страны и восстановит ее былую славу. «Только бы не превратили ее в

руины», — думаю я, и слезы текут по моим щекам.

Лялька рядом тоже пишет письмо, и у нее по щекам тоже текут слезы. Я заглядываю ей через плечо:

«Дорогой Владимир Владимирович! Вчера вы здорово раскритиковали талибов и однозначно осудили их действия, — пишет Ляля. — Вы даже представить себе не можете, как были правы! Конечно, вы никого из нас не знаете, но сейчас я расскажу вам удивительную историю, которая не оставит вас равнодушным к маленькой, затерянной в горах стране...»

Когда ровно в девять часов утра я добралась до своего кабинета и упала в кресло — это было наконец. Наконец я могу посидеть спокойно и подумать о своей горемычной жизни. Или наконец могу просто ни о чем не думать.

В восемь мне позвонил Клим. Он решил проверить, действительно ли я собираюсь тащиться в такое чудесное воскресное утро на службу.

— Не передумала? — спросил он после паузы, дав мне время узнать его спросонья и вспомнить, что он хотел провести этот день со мной.

— Нет, — сказала я. — Иначе меня уволят.

— А для тебя это так важно? — Клим задал вопрос в вопросе, чтобы я вспомнила о предложении стать домохозяйкой на правах жены в его большой неуютной квартире на Фонтанке.

— Наверно, да, — сказала я.

Он помолчал, а потом все-таки высказался:

— Прозаическая ты женщина, Сима. Нет в тебе никакой романтики. Ладно, — тут в его голосе промелькнули нотки злости и обиды, кукуй со своими собачками.

Я еще немного послушала короткие гудки в трубке и осторожно, словно она могла меня покусать, положила ее. Потом за пять минут собралась и пулей вылетела из дома, потому что добираться мне нужно было на другой конец города. В автобусе, несмотря на выходной, была страшная давка. Полусонные дачники выезжали на свои плантации с крупногабаритными рюкзаками и озабоченным видом.

Когда я потянула ручку двери на себя, Верка, дежурившая ночью, взяла разгон из кабинета и пулей пронеслась мимо меня, бросив на ходу:

— Привет-пока-чё так поздно...

Она торопилась: до ее дома было метров сто, но там после ночной смены ее поджидал очень ревнивый муж с секундомером. Думаю, сегодня Верка побила мировой рекорд по бегу. Мужу ее почему-то казалось, что самое страшное может случиться именно под утро. По ночам он имел привычку звонить ей время от времени и задавать неожиданные вопросы, а потом, затаив дыхание, вслушиваться в ответы. Он считал, что если она правильно отвечает, где лежит новый кусок мыла, как оно называется и в каком магазине она его купила, то Верка всю ночь думает исключительно о семье. Но она за полгода так натренировалась в этой викторине, что любые ответы выдавала без запинки, сидя на коленях у какого-нибудь симпатичного собачника и даже будучи с ним в более тесном контакте.

Когда поток воздуха, устремившийся за Веркой, разбился о захлопнувшуюся за ней дверь, я повалилась в кресло. Значит, вот я кто — прозаическая женщина. И зовут меня Сима, и по профессии я ветеринарная медсестра. Проза. Правда, не думаю, что имя Клим преисполнено высокой романтики и торговать тем, чем он там торгует, гораздо интереснее, чем помогать бедным животным. И еще я не уверена, что мытье полов в шести комнатах его новой квартиры — занятие исключительно романтическое. Даже если делать это не снимая обручального кольца с большим безвкусным бриллиантом, которое он мне непременно преподнесет, как только я скажу «да».

Верка считает меня душой набитой. Когда я снимаю телефонную трубку и говорю уныло: «Здравствуй, Клим», она сразу втягивает живот и выставляет грудь вперед, задевая

при этом что-нибудь из мебели. Хотя у нас не видеотелефон и он вряд ли может оценить эти ее преобразования. Она видела Клима только один раз, но его «ауди», галстук и зеленые носки в крапинку произвели на нее неизгладимое впечатление. Она знает, что Клим сделал мне предложение, и считает меня полной идиоткой, потому что я на это предложение не смогла достойно ответить — так, промямлила какую-то ерунду. Ну а как я могла отвечать, когда внутри у меня тут же мякнуло: «Не-а...»

Вот Верку бы ему в жены! Вот была бы идиллия! Она бы навела там дворцовый блеск и забила бы все горки хрусталем. Помню, когда мы с ней еще учились в техникуме, нас повезли на экскурсию в Павловск. Экскурсия была неинтересная: похоже, экскурсовод искренне ненавидела посетителей и намеренно им ничего любопытного не рассказывала. Но я ее понимаю. Кому не надоест водить по залам исторического дворца стада остолопов и ежесекундно слышать их шепот; «Какая штучка! Вот бы нам домой такую!» Поэтому она и вела экскурсию, словно по магазину стройтоваров: «В этом сервисе больше тысячи предметов, здесь стены обиты бархатом, а этот паркет — из пяти видов дерева».

Верка исписала на этой экскурсии две записные книжки и один блокнот. Она потихоньку трогала портьеры и жмурилась, пытаюсь запомнить материал на ощупь, чтобы потом подобрать такой же в магазине «Ткани». Она даже немного рисовала и просила меня «подержать в памяти» несколько цифр, пока строчила сложный рецепт росписи потолка по мокрой штукатурке. Теперь ее квартира напоминала сразу все питерские дворцы. Обеденный стол был из прозрачного стекла, и рядом со своей тарелкой каждый мог лицезреть собственные тапочки. Низкий потолок украшали рисованные херувимчики в облаках. Стулья и диван были обиты гобеленами, и детям категорически запрещалось подходить к ним на пушечный выстрел. Сидеть в этом доме разрешалось только на кухонных табуретках.

— А зачем в комнате сидеть? — удивлялась Верка. — Ты, Сима, посмотри на себя, нет, нет, посмотри, — тянула она меня к своему старинному оплывшему зеркалу в начищенной до блеска латунной витой раме. — Посмотри, к чему приводит сидячий образ жизни!

Зеркало на Веркиной стене списали еще, пожалуй, сто лет назад. Сейчас оно могло бы хорошо послужить в комнате смеха, но Верка утверждала, что однажды оттуда ей подмигнула сама королева Елизавета.

— Английская?

— Наша!

— А как ты ее узнала?

— Ты на себя смотри! — кричала Верка, но себя я не узнавала.

— А что такое?

— У тебя же складки на боках, вес лишней. А щеки — видишь?

Я не могла точно определить, где у меня в этом зеркале щеки, но на всякий случай сказала:

— Ага.

— А щеки, наоборот, — вваливаются.

— Куда? — испугалась я.

— Сима! Тебе нужно поменьше есть, а щеки носить немножко надутыми. Сейчас в светских кругах...

Ах, как грустно, что в нашей стране отменили в свое время дворянство! Теперь каждый кому не лень утверждает, что он дворянского происхождения. Я, собственно, не против, только вот не пойму, если дворяне составляли всего один процент населения, как же

случилось, что теперь девяносто девять процентов считают себя их потомками?

Верка культивировала в себе светскую даму. И то, что она работала в обыкновенной ветеринарной клинике, нисколько ее не смущало. Расхаживая по магазинам, она презрительно шурилась на других покупателей с высоты своего происхождения и всем видом давала понять, что покупает ту же редиску исключительно потому, что в семнадцатом году ее предок, к сожалению, промахнулся, целясь в ораву их босоногих дедушек.

С Верой мы познакомились в первый день обучения, оказавшись за одной «партой». Она тут же подавила меня своей информированностью обо всем на свете, особенно о том, что нужно делать, а чего ни в коем случае нельзя, что глупо, а что необыкновенно умно. С тех пор все глупости она спокойненько списывает на мой счет и блистает умом на этом жалком фоне.

Иногда, пытаясь в отсутствие Веры рассуждать здраво, я понимаю, что она меня поработила. Ей никогда не приходит в голову спросить меня, насколько я занята, когда, набрав мой номер телефона, она извещает:

— Сим, в шесть ты у меня.

Но больше всего меня раздражает то, что я с тоской, но все-таки выключаю любимый фильм на самом интересном месте и действительно плетусь к ней на другой конец города. Я по ее просьбе частенько вру ее мужу, что мы с Верой три часа просидели у зубного, когда она ездит с каким-нибудь очередным любителем болонок к нему на чашечку кофе. Я молчу, когда начальник возмущается моей грубостью по телефону с клиентами, хотя прекрасно понимаю, что это Верка, нахамив кому-то, назвалась моим именем. Она дважды уводила молодых людей, с которыми у меня складывались приятные отношения. А я потом ее утешала, когда один из них успел бросить ее на день раньше, чем то же самое собиралась сделать она.

Даже не знаю, что меня держит рядом с ней. Наверно, просто некуда от нее деться. Точно. И от Клим мне тоже некуда деться. Он приезжает за мной, возит по ресторанам, водит в кино, в театры. А я не могу, открыв ему дверь, сказать: «Знаешь, мне что-то не хочется...» Вот если бы он предварительно позвонил по телефону, я бы именно так и сказала. Но он приезжает с букетами гвоздик, которые я, надо сказать, терпеть не могу, и говорит:

— Я жду тебя в машине — одевайся.

Я одеваюсь и еду с ним ритмично двигать челюстями в какую-нибудь «Асторию». Он, вероятно, считает, что совместное пережевывание пищи как-то само по себе сближает людей, поэтому рестораны мы с ним посещаем гораздо чаще, чем иные места. Но это даже и лучше. Потому что в театре он непременно кладет мне руку на колено, и душа моя как-то сразу лишается крыльев, а действие на сцене теряет смысл, потому что Клим ритмично поглаживает мою бедную коленку.

Однажды я не открыла ему дверь. Он подождал немного и ушел. Мне тогда показалось, что жизнь — это не сплошная тягомотина, что есть в ней и кое-что приятное, но не успела я как следует этим приятным насладиться, как он уже снова стоял на пороге:

— Одевайся, я жду тебя в машине!

Все это было ужасно. Но почувствовав, что Клим теперь собирается и вовсе прибрать меня к рукам, заперев в своей квартире, я решила, что лучше смерть. Поэтому и пошла в воскресенье на работу, вместо того чтобы отпроситься, встретиться с ним и обсуждать детали моего грядущего заточения. В принципе я чувствовала, что мне не удастся

отвертеться от этого замужества, но хотелось еще немного подышать воздухом свободы, пусть даже такой относительной.

И вот я сижу в воскресенье на работе и дышу почти полной грудью. Может быть, в последний раз. И думаю о том, что я — прозаическая женщина. И, между прочим, плакать мне от этого совсем не хочется. Нет, на самом деле я пытаюсь отыскать в себе хоть что-нибудь не прозаическое. Но никак не получается. Телефон, кстати, трезвонит уже минут пять, надо бы снять трубку.

— Ветслужба.

— Здравствуйте, вас беспокоит Андрей Левшинов.

(«А я тогда — Вупи Голдберг!» Терпеть не могу розыгрышей.)

— У вас есть... — И он назвал два довольно редких препарата.

— Да.

Препараты у нас действительно были.

— Тогда возьмите их и приезжайте. — Он начал диктовать адрес.

Адрес я записала и пообещала быть с минуты на минуту.

Честно говоря, выезды на дом в нашей лечебнице не предполагались. Но услышав имя Левшинова, я вдруг вспомнила, что во мне есть одно романтическое свойство. Мне нравится смотреть на звезды, и я верю в астрологию! Я взяла лекарства и стала собираться. Ехать нужно было всего две остановки, а чего не сделаешь ради человека, который помог мне понять, что Клим все-таки в чем-то не прав. Включив автоответчик с сообщением, что дежурная сестра вернется через полчаса, я закрыла контору и направилась в сторону остановки.

Мне пришлось позвонить несколько раз, прежде чем меня услышали. Дверь открыл действительно Левшинов, и я замерла на пороге. Так это не розыгрыш? У него явно не было времени долго меня разглядывать, и, поздоровавшись, он махнул мне рукой в направлении комнаты. На диване лежал здоровенный рыжий кот и жалобно мяукал.

— Вот он, бедолага, — сообщил хозяин, нервно поглядывая на противоположную дверь.

— У него...

Я произнесла длинное название по латыни, решив блеснуть своими профессиональными знаниями.

— Почти, — усмехнулся хозяин и произнес то же название, исправив несколько букв.

Я покраснела, а он нетерпеливо спросил:

— Знаете, что нужно делать?

— Да.

— Тогда действуйте, — и скрылся в соседней комнате.

В наступившей тишине разносился нежный перезвон невидимых бубенцов. Я огляделась, но ничего не обнаружила. Кот внимательно проследил траекторию моего взгляда, осмотрел потолок более тщательно, чем я, и, вытаращив на меня зеленые глаза, заорал благим матом. Очевидно, ему показалось, что я занимаюсь совсем не тем, для чего меня сюда пригласили. Одной рукой поглаживая кота, я нашарила в сумочке шприц и лекарства. Нужно было сделать два укола и заставить бедного зверька проглотить таблетку.

Первый укол дался нам легко. Однако после него кот вскочил и сделался в два раза больше, потому что шерсть его встала торчком. Пришлось поговорить с ним минут десять, чтобы он хотя бы вполовину уменьшился, а потом ласково и осторожно подкрадываться, держа шприц за спиной.

Когда я все-таки сделала ему второй укол, кот шархнул от меня к противоположной стене, превратившись в пушистый шар, и уставился с таким возмущением, словно пытался сказать: «Что же это ты делаешь-то?» Я снова попробовала поговорить с котом о разных вещах, которые могли бы показаться ему интересными, и одновременно подкрадывалась к нему сбоку. Кот смотрел на меня, шалея от ужаса, и пытался, как только я совершала малейшее движение в его сторону.

Тогда я решила не притворяться больше, а просто и понятно объяснила коту, что нам осталось только проглотить малюсенькую финскую таблеточку, которая к тому же пахнет рыбой, как сообщалось на упаковке, после чего я уберусь восвояси, а он сможет по-прежнему лежать на диване, причем болеть у него ничего уже не будет. Кот выслушал меня с пониманием и, казалось, оценив мою искренность, был согласен попробовать рыбную таблетку. Однако как только я поднесла ладонь к его мордочке, он зашипел и бросился к двери, за которой недавно скрылся его хозяин. Дверь распахнулась, кот пропал в глубине комнаты, а я осторожно глянула вслед ему:

— Кот убежал, — жалобно сказала я, надеясь, что хозяин где-то поблизости.

Но мне никто не ответил.

— Кс-кс-кс, — позвала я.

И снова — тишина.

Тишина выплеснулась из соседней комнаты и поглотила все звуки, вплоть до тиканья часов на стене. Затем из соседней комнаты стала наплывать темнота. Сначала я решила, что свет отключили. Но лампы продолжали светить под потолком, а темнота все-таки заполняла комнату. В конце концов вокруг меня стало совсем темно. Стол, диван, на котором раньше лежал кот, стены — все пропало куда-то. На минуточку мне показалось, что я вишу в воздухе. Чтобы избавиться от этого наваждения, я подняла одну ногу, а потом попыталась поставить ее на место. Но не тут-то было. Под ногой не оказалось опоры. Никакого тебе пола. Под ногой была пропасть. Выходило, что я стою в открытом пространстве, одной ногой на очень сомнительной опоре, размером с мою подошву. Тут в кромешной темноте замигали зеленые искры, очень напоминающие кошачьи глаза, а потом мимо проплыл человек в светящемся плаще, сверкнув в мою сторону взглядом. Я тихо сказала «мамочки» и зажмурилась, а когда открыла глаза, все было по-прежнему: стол и диван снова занимали положенные им места, а передо мной, около открытой двери в соседнюю комнату, стоял хозяин и протягивал мне кота, который рассерженно облизывал лапу.

— Вот он, — сказал Левшинов, — нашелся.

Я молниеносным движением запихнула таблетку коту в глотку, он посмотрел на меня крайне удивленно, но вынужден был сделать глотательное движение. Все. Моя миссия окончена, и я быстро направилась в коридор, забыв даже попрощаться. Левшинов вышел следом за мной, держа в руках мою сумочку, и озабоченно заглянул мне в лицо.

— Не пугайтесь, — попросил он. — Вы случайно стали свидетелем эксперимента. Знаете, время и пространство — это забавные штучки. Так и тянет временами что-нибудь с ними проделать.

— Угу, — сказала я, еще толком не оправившись от шока.

Мне все казалось, что пол в этом доме может плавно уйти из-под ног в любой самый неподходящий момент.

На пороге я протянула ему квитанцию, а он мне деньги. Я замотала головой:

— Это много.

— Но вы ведь столько страха натерпелись, — улыбнулся он. — Могу я что-нибудь для вас сделать?

— А может быть... — начала я и замолчала.

В голове моей мелькнула шальная мысль. А что, если попросить его составить мой гороскоп? Ну чтобы не уходить от такого человека с пустыми руками. И чтобы Клим раз и навсегда перестал говорить, что я — прозаическая. И чтобы посмотреть, выйду я за него замуж или мне все-таки удастся каким-то чудом избежать этой горькой участи. А может быть, в гороскопе даже будет сказано — как избежать...

— Гороскоп? — спросил Левшинов, кисло улыбаясь.

К нему, наверно, днем и ночью обращаются с такими просьбами.

— Ага.

Он посмотрел на часы.

— Вообще-то у меня почти нет времени, — признался он и посмотрел на меня.

На моем лице отразилось все отчаяние борьбы с Климом за собственную независимость, и он, вероятно, почувствовал, что для меня гороскоп этот исключительно важен.

— Ну хорошо, — согласился он. Давайте попробуем, — и пригласил в свой кабинет.

На столе стоял включенный компьютер. Знаменитый астролог поинтересовался датой и

временем моего рождения, задал еще несколько вопросов и ввел все эти данные в программу. Умная машина загудела, заурчала, и через несколько минут принтер уже выплевывал бумагу с разными непонятными значками.

Левшинов склонился над гороскопом, потом обернулся и внимательно посмотрел на меня так, словно только что увидел. Снова заглянул в мой гороскоп, а потом опять на меня.

— У вас все в порядке? — спросил он.

— В общем, да, — сказала я.

Он взял линейку и что-то измерил на схеме.

— Точно? — недоверчиво поинтересовался он.

— Да-а! — пропела я. — А что такое?

— Сегодня семнадцатое сентября?

— Семнадцатое.

— Тогда сегодня все и начнется!

— Начнется? — повторила я за ним безнадежно, решив, что Клим, наверно, поджидает меня на работе в смокинге и со свадебными кольцами.

— Да! Вы ведь уже два месяца ходите по краю пропасти. Вам угрожает — ни много ни мало — смерть. Каким-то чудом вы до сих пор удерживали равновесие, но начиная именно с сегодняшнего дня почва из-под ваших ног будет выбита.

— Но кем?

— Вашими врагами.

Господи, хотелось мне сказать ему, да нет у меня никаких врагов. У меня и друзей-то нет, которые могли бы ими оказаться. Даже родителей нет — совсем никого.

— Помните, — продолжал тем временем Левшинов, — вам ни в коем случае нельзя сейчас делать ни одного опрометчивого шага. Один шаг — и вы погибнете! Смерть ходит рядом. Она заглядывает вам в лицо, и спасти вас может только, — он прикрыл на минуту глаза, — лягушка.

В этот момент зазвонил телефон. Левшинов снял трубку, а я медленно, по стеночке, стала выбираться из комнаты по направлению к входной двери.

Возможно, он и великий астролог, но мне все его рассказы показались бредом чистой воды. Особенно когда он сказал, что спасет меня лягушка! Хорошо, что не добавил, что я должна буду ее съесть.

Вернувшись на работу, я обнаружила у двери двух щенков, нуждавшихся в плановых прививках, и кота, которого хозяйка решила срочно кастрировать. Щенков я быстренько уколола и отпустила, а хозяйку кота отпаивала валерьянкой, потому что, узнав, что хирурга сегодня нет и не будет, она разрыдалась. Сквозь слезы она рассказывала, что срочность требуемой процедуры объясняется тем, что кот совсем потерял совесть по отношению к соседским кошкам, мирно разгуливающим возле подъезда.

— Выхожу сегодня за хлебом, а навстречу моя начальница с молоком. Она для своей Мурочки каждое утро свеженькое покупает. Я ее увидела — ноги подкосились. Зверь она у нас, чистый зверь! А дом заводской, там всем квартиры давали. Никогда бы с ней рядом не поселилась! Я ей: «Добренькое утречко, Татьяна Викторовна!» Она рот только раскрыла, а тут навстречу ее Мурочка бежит с вытаращенными глазами. А за ней из кустов мой Казанова гонится. Завалил беднягу прямо у скамеечки, и ну ее...

Женщина зарыдала в голос.

— Хоть на работу не приходи! Она же меня убьет! Ну не убьет, так уволит! — всхлипывала посетительница.

Я заверила ее, что завтра их с котом примут вне всякой очереди, как только она переступит порог нашего заведения.

Когда я закрывала дверь за выплакавшейся хозяйкой распоясавшегося животного, зазвонил телефон.

— Сима, большая радость — сестра моя приехала, — сообщила Вера. — Ждем тебя после работы. Дело есть.

И — гудки. И — все. Как всегда.

А я совсем не хочу к ним идти. Я боюсь, может быть. Ведь мне сказано было чего-то не делать во избежание смерти. Может, мне именно к Верке идти не нужно. Вот приду, а меня бандит какой-нибудь в ее парадной по голове — тюк! Нет, там ведь было сказано, что это враг. А бандит моим врагом быть не может. Мы ведь с ним не знакомы. А Верка? Она на врага очень даже похожа, если приглядеться. Я приеду, а она меня отравит. Тьфу, совсем сбрендил. Если бы Верка захотела, она бы меня уже давным-давно отравила. Значит, я ей живой нужна.

В семь вечера моя служба закончилась, и я отправилась в соседний дом, где жила Вера.

— А вот и Симочка наша пожаловала, — открывая мне дверь, крикнула Верка кому-то, затаившемуся в глубине квартиры.

Как только я справилась с застезжками на своих туфлях, она потащила меня на кухню — единственное жилое помещение в доме. На высокой табуретке сидела молодая девица и смотрела на меня как солдат на вошь.

— А это мой Светик, знакомься, — подтолкнула меня Вера к девушке.

Я немного опешила. Верка, надо сказать, была маленькой блондинкой. Разумеется, крашеной и всегда — на самых высоченных каблуках. Ее никогда нельзя было назвать худенькой, хотя она всю свою сознательную жизнь просидела на диете. Она не выглядела полной, но, казалось, в любой момент готова была расплыться в пышненькую булочку, как дрожжевое тесто. Но ее сестра — интересно, какая у них степень родства? — оказалась длинной высушенной девицей со свисающими черными волосами и орлиным носом.

Возможно, конечно, Верка уродилась в маму, а сестра в папу. Или наоборот. Но между ними совершенно точно не было ничего общего.

— Симуля, — Верка подсластила свой голос до концентрации сиропа, — милок, у нас к тебе дело.

— Да? — Я честно изобразила повышенное внимание.

— Вот приехала моя девочка, моя маленькая любимая сестренка. А ночевать, сама понимаешь, у меня негде, места, сама понимаешь, совсем нет.

Она имела в виду четыре комнаты своей музейной квартиры.

— Я ради радости такой предложила Светику кушетку времен Екатерины Второй, но она музейный работник и категорически отказалась даже близко подходить к такой ценной вещи. Говорит, это для потомков нужно сохранить в целости и сохранности. Посоветовала, кстати, сверху накрыть полиэтиленом, чтобы не портилась. Поэтому, Симуля, я тебя очень прошу, приюти мою сестренку в своих просторных хоробах. Ненадолго, всего на месяцок-другой.

Я с облегчением вздохнула. Обычно Веркины просьбы были более замысловатыми и трудноисполнимыми.

— Конечно...

— Вот и чудненько, вот и ладненько. Собирайся, Светик, тебе еще дотемна устроиться там нужно, вещи разложить. Может, что переставить придется.

Чая мне не предлагали, по, значит, и травить меня Вера пока не собиралась. А это уже хорошо.

Через несколько минут я тащила два тяжелых чемодана долговязой Светланы, а она шла рядом с сумками и пакетами, поминутно роняя что-то, останавливаясь, стребая в охапку снова и снова.

— Нужно взять такси, — заявила мне, когда мы прошли так два квартала по направлению к метро.

— Я живу далеко, это дорого.

— Ерунда, — заявила Света, сбросила сумки на асфальт и замахала мчащимся машинам.

Минуты через две одна из них лениво подкатила к нам. Светлана согнулась пополам, свесила свои волосы в дверцу и быстро договорилась с водителем. Сидя в машине, я радостно рассматривала людей, томящихся на остановках в ожидании переполненных автобусов, и радовалась новому знакомству. Я никогда не останавливаю машины. Во-первых, потому, что мне это не по средствам. Во-вторых, когда я однажды пыталась поймать машину, то простояла с поднятой рукой часа полтора, а потом еще минут двадцать не могла сойтись с водителем в цене. А вот у Светланы сразу получилось. Водитель, даже глазом не моргнув, везет нас на другой конец города, словно ему по пути.

— Приехали, — сказал водитель.

— Приехали! — повторила нетерпеливо Света, и оба они уставились на меня.

Я переводила взгляд с водителя на Светлану и никак не могла понять, чего же они от меня хотят.

— У тебя денег с собой нет? — догадалась Света. — Так сбегай домой, а я пока вещи буду выгружать.

— Сколько? — с ужасом спросила я.

— Сто, — пожала плечами Света, совершенно не имея представления о моей зарплате.

Лишившись дара речи, я им на всякий случай кивнула и поплелась к подъезду.

Расплатившись с таксистом, я распрощалась не только с половиной своих денежных запасов, но и с симпатией к своей гостье. Что-то в ее облике казалось мне теперь хищным: острый нос, свисающие на грудь темные волосы, маленькие глазки с длинными, до хруста накрашенными ресницами. Если так пойдет и дальше...

Светлана вошла в квартиру первой и, не разуваясь, повалилась на мою тахту.

— Боже, какое мучение! — выдохнула она и закрыла глаза.

Я постояла некоторое время возле нее и, поскольку она не шевелилась, отправилась заносить ее чемоданы и многочисленные сумки, оставшиеся за порогом. В этот момент мне стало ясно, что подлинное мучение — прожить с ней бок о бок два месяца — еще впереди. Но делать было нечего, поэтому я старалась оставаться вежливой и гостеприимной хозяйкой.

На часах было без двадцати девять, и мне пришлось пробежаться в самый дальний магазин из тех, что я обычно посещаю, — он один еще не закрылся. Набрал провизии, я шла домой не торопясь, без всякого удовольствия. Так нельзя. В любом, самом дурном событии есть что-нибудь положительное, нужно только его отыскать. Вот, к примеру, Света теперь со мной жить собирается. С первого взгляда может показаться, что это не очень приятно. Но если задуматься... Я задумалась. Потом глубоко задумалась. Потом призвала на помощь всех святых и угодников, и тут меня осенило. Ведь если у меня два месяца будет жить Света, я могу под этим предлогом избегать встреч с Климом! Скажу, что она ко мне в гости приехала, что мне нужно ее развлекать. Сегодня в Эрмитаж, завтра на колоннаду Исаакиевского собора, послезавтра в Кунсткамеру... Так и скажу: ты, мол, Клим, прости, — гостья у меня. Требующая внимания. Может, повезет, и он за это время найдет себе другую тетеньку, которая умрет от счастья, драя его паркет, выглядывая по субботам из окна его «ауди», штопая его зеленые носки в крапинку.

Тут мечты мои оборвались. Я вышла из лифта и нос к носу столкнулась с Климом. То есть носом я чуть не уперлась в его спину. Первым моим побуждением было нырнуть снова в лифт и скрыться. Но Клим быстро обернулся и, прищурившись, изрек:

— Сдается мне, ты не одна!

Это он тонко заметил, потому что дверь уже открывали с той стороны.

— Кто это у тебя? — спросил Клим.

— Знакомьтесь, это Светлана. — Жестикулировать было очень неудобно из-за двух тяжелых сумок. — Сестра Веры. Она приехала на два месяца посмотреть город...

Света сделала ему реверанс, а Клим поклонился ей.

— Вот и замечательно, — резюмировал он. — Начнем с ночного клуба.

— Что ты, что ты, — снова замахала я руками, позабыв, что держу сумки с провизией, — она очень устала.

— Ну нет, — подала голос Света, — такого я никогда не пропущу.

— Вот и чудесно. Переодевайтесь, девочки, я жду вас в машине.

Переодеваясь, я все еще пыталась увидеть что-нибудь хорошее в том, что происходит. И мне показалось даже, что я нашла. А вдруг Климу Светлана понравится, и он оставит меня наконец в покое? Я ухватила за эту идею... Светлана стояла в соседней комнате, готовая к выходу, сверкая золотистым платьем до пят с колоссальным разрезом. Сверху оно держалось на тонюсеньких тесемочках, а спина была голая.

— Я готова.

— Я тоже.

Света оглядела меня с ног до головы без всякого участия и двинулась к двери. В машине она уселась на переднее сиденье рядом с Климом, чему я весьма обрадовалась. Говорить было не о чем, поэтому Клим включил радио на всю катушку, и мы выкупались в рекламных увещеваниях непременно посетить «Максидом», чтобы приобрести там пару-тройку дрелей, и насладились речитативами одной из расплодившихся теперь групп, которые не поют, а выкрикивают всякие призывы типа «давай-давай».

За столиком же Клим оживился и, пока Света отбивалась от вьющегося вокруг нее стриптизера, жаловался ей на меня.

— Вот ты, Светлана, женщина умная...

Я никак не могла понять: из чего он сделал такой вывод? Я-то знала уже, что прокатиться за чужой счет Светочка не дура, но Клим-то откуда знает?

— ...вот и ответ: мужчина я надежный?

— Безусловно, — отчеканила Светочка.

— Солидный?

— О да!

— А вот Сима все тянет, не решается замуж за меня выйти.

Поперхнувшись коктейлем, я закашлялась и объявила, что мне нужно посетить дамскую комнату.

Скрывшись от их колючих глаз, я стояла возле умывальника и чуть не плакала. И как только эти люди так быстро находят общий язык? Похоже, что они сделаны из одного теста, а я — совсем из другого. Ощущение собственной неполноценности часто не давало мне покоя. Но теперь, когда я вот уже в сотый раз убеждалась, что люди вокруг меня удивительно одинаковые, будто в одном котле сваренные, одним соусом приправленные, мне стало страшновато оставаться одной. Нужно было как-нибудь присоединиться к ним. Но у меня не получалось. Первое же слово, после того как я давала себе страшную клятву, что стану такой же, как они, так вот, первое самое слово, слетавшее с моих губ, оказывалось невпопад. Я терпеть не могла все, что любят они, зато тайно обожала все, что они презирали. Мне очень хотелось временами рассказать кому-нибудь о том, что думаю, но я понимала, что Вере или Киму это заранее не интересно.

С возрастом одиночество становилось все более непереносимым, я порой ходила на салют, чтобы почувствовать единение с веселой толпой. Но как только отблески последних огоньков гасли в волнах Невы, люди расходились по домам, чтобы рассказывать и рассказывать что-то друг другу, а я плелась домой, чтобы прочесть очередной детектив, листать бесконечно газеты, менять местами книжки на полке. Может быть, Клим — это действительно мое спасение от крошечного одиночества? Пусть он пошлый, пусть похож на рабовладельца, пусть носит отвратительные носки в крапинку. Рожу себе ребеночка и буду с ним разговаривать. А это — так много!

Я совсем было расчувствовалась, но тут вдруг вспомнила, отчего дети появляются на свет, и твердо решила: ни за что! Если бы ему нужно было только полы в пяти комнатах мыть — это одно, а вот то, другое, — ни за что! Я вернулась к столику и сжалась в горошину, приготовившись сопротивляться из последних сил, которых у меня никогда не было.

— Ну наконец-то, — обрадовалась мне Светлана, — невеста вернулась. Я даже разыскивать тебя собралась...

— Ну что? — поднял фужер Клим. — За наше светлое будущее?

— Ура! — сказала Света и тихо добавила мне: — Присоединяйся. Это тебя тоже

касается.

Потом Клим водил нас по очереди танцевать, долго рассказывал про свою маму, с которой меня нужно будет познакомить как можно скорее. Светлана давала ему советы, где покупать свадебное платье, какие к нему пойдут туфли, цветы и драгоценности.

— А ты, Света, замужем? — спросила я.

— Пока нет, но есть один человек, — ответила она, поглядывая на Клима, и они вместе расхохотались.

Наверно, она ему об этом рассказывала, пока меня не было.

— Ты, Клим, должен был к невесте с цветами явиться и при свидетелях попросить ее руки.

— Завтра и явлюсь. Свидетельницей будешь?

— Конечно, обожаю быть свидетельницей. Слушайте ребята, я ведь здесь два месяца собираюсь пробыть. Может, еще и на вашей свадьбе погуляю?

— Обязательно! — загудел Клим и приобнял меня. — Мы будем очень рады.

Слушая их, я только крепче сжимала свой фужер и поминутно подносила его к губам, а как только ставила его на стол, Светлана по-мужски подливала мне шампанского.

Когда машина Клима затормозила у моего дома, я первая вынырнула из нее и неуверенной походкой направилась к подъезду. Мне хотелось принять душ и смыть с себя все воспоминания об этом кошмарном вечере.

— Пока-а-а! — кричала Светлана, идя за мной следом. — Завтра ждем с цветами, по всей форме.

— Буду непременно! — басил Клим из машины. — Готовьте что-нибудь вкусненькое.

Когда мы остались со Светланой одни в лифте, где-то на уровне пятого этажа, я попыталась прояснить ситуацию.

— Я не хочу замуж...

— Да брось ты, — не глядя на меня отмахнулась Света. — Такой парень!

— А я все равно не хочу.

Она посмотрела на меня, обиженно сузив глаза, словно Клим был ее любимым родным братом, но, взяв себя в руки, натянуто улыбнулась и сказала:

— Все невесты так говорят накануне свадьбы.

Похоже, они все сговорились и решили выдать меня замуж любой ценой.

Дома я сразу же отправилась принимать душ, потому что меня слегка покачивало от выпитого и услышанного. А когда вышла, то обнаружила Светлану на моей тахте в бигуди и с телефонной трубкой в руке. Она визгливо обзывала кого-то тупой гусыней. Увидев меня, она швырнула трубку на рычаг, не попрощавшись с собеседником.

— Ужасно устала. Кстати, а ты где собираешься спать? — спросила она, устраиваясь удобнее на моей тахте и натягивая ночную рубашку.

— На кухне.

— Ну, спокойной ночи, — объявила Света и щелкнула выключателем.

В кромешной темноте я пошарила в шкафу, вытащила оттуда комплект спального белья и надувной матрас и отправилась на кухню. Там я села на табуретку и принялась надувать его. Надувая щеки и заполняя воздухом свою будущую лежанку, я слышала только, как бьется мое сердце. Тихо, как мышка. Тук-тук, тук-тук. Хочет стучеваться до уровня тикающего будильника. Только бы оставили его в покое. Только бы не приставали, не заставляли, не требовали ничего.

Я никогда не могла постоять за себя. Может быть, потому что родители мои умерли слишком рано. И я забыла, что такое надежный тыл, поддержка, любовь. Я была круглой сиротой в этом мире, хотя и не принято говорить так о взрослых самостоятельных женщинах. Может быть, поэтому я и цеплялась за Верку, которую не очень любила. Поэтому и не гнала Клима, которого не любила вовсе. Поэтому буду ворочаться два месяца с боку на бок на надувном матрасе. Ну что поделаешь, если люди совсем не такие, как мне хотелось бы. Не оставаться же одной. Нужно как-то приспособливаться.

Я заткнула пробкой дырку, постелила себе на полу и улеглась. Приспособиться было трудно. Очень трудно.

Проснувшись рано утром, я немного полежала с открытыми глазами, а потом вспомнила вчерашний вечер и подскочила. Нужно что-то делать. Срочно. Я тихонько оделась, убрала свою импровизированную постель и, подкравшись на цыпочках к входной двери, выскочила на лестничную клетку.

Идти мне было абсолютно некуда, поэтому я решила отправиться в Павловск. А что? Там красиво. Буду гулять по парку и дышать свежим воздухом.

День прошел в полном молчании. Электричка, парк, белочки, поглядывающие на мои пирожки, с помощью которых я пыталась не умереть с голоду. Я бродила по парковым дорожкам, посидела на всех лавочках, а время тянулось и тянулось, как резиновое. А что, если остаться здесь жить? Устроиться на работу, лечить этих белочек. И никто меня никогда не найдет.

Я чувствовала себя Дюймовочкой. Ее тоже все время хотели выдать замуж. А Светлана теперь напоминала мне жабу. «Твой Клим, ква-а-а, просто загляденье!» И чего он ко мне привязался? Я старая дева тридцати шести лет отроду. Зеркало никогда не радовало меня, сколько бы я в него ни смотрелась, пытаюсь отыскать в себе нечто, чем можно было бы удержать чужой взгляд. Люди никогда не находили меня привлекательной, мне никто ни разу в жизни не сказал, что я интересный собеседник. Если поблизости находилась хотя бы одна женщина, мужчины всегда разглядывали с преувеличенным интересом именно ее. А когда женщин поблизости не было, в моем присутствии они только скучали и тяжело вздыхали, и взор их убегал все время куда-то в сторону, словно меня не существовало.

День был пасмурный, утро похоже на вечер. Полдень как будто так и не родился из этого утра, а наступивший вечер стал его непосредственным продолжением. И если бы не высокие ели, преисполненные исторической мудрости, не вид, открывающийся с высоты на узенькую полоску реки, где плескалась и ныряла утка, набирая скорость, как реактивный самолет, волоча лапы по воде, но так и не взлетая, этот день моей жизни не состоялся бы вовсе.

Пора возвращаться. Делать нечего, они победили. Вероятно, следует выйти замуж за сына болотной жабы, потому что дальше будет еще хуже. Дальше будут жук и крот, а до встречи с эльфом из волшебной страны я так и не доживу. Но спешить на встречу со своим будущим «счастьем» мне все-таки не хотелось. Я все шла и шла по парковой дорожке и ни о чем не думала. Вдруг прямо мне под ноги прыгнул маленький лягушонок. Я вздрогнула от неожиданности и отбежала в сторону, борясь с отвращением. Лягушонок поскакал в высокую траву, смешно разбрасывая лапки.

«Вас спасет лягушка», — вспомнила я, и в долю секунды передо мной снова прокрутились события первой половины вчерашнего дня. «Вам нельзя принимать опрометчивого решения». Боже, а я ведь совсем было замуж собралась! А лягушка должна меня спасти. Позабыв о том, что предсказание показалось мне бредом, я сиганула в зеленую траву и принялась разыскивать своего спасителя. «Кис-кис-кис, — звала я. — Ква-ква, ты где?» Это, конечно, было безумием, но и последней моей надеждой. Поэтому я прыгала в зеленой траве до тех пор, пока не заметила, что на парковой дорожке уже собралось несколько человек, с интересом наблюдавших за моими действиями.

Электричка, которая везла меня в город, мчалась непростительно быстро. Машинист

постепенно становился моим злейшим врагом, потому что сокращал время остановок и явно куда-то торопился, в отличие от меня. Метро тоже работало в ускоренном темпе, автобус подошел к остановке одновременно со мной. Мне этот транспортный заговор не понравился, я заартачилась и не села в автобус, а, потирая руки, приготовилась битый час поджидать другой. Однако следующий подошел сразу же, как только предыдущий отчалил от остановки. Пришлось смириться и занять место у окна. Проезжая мимо своего дома, я заметила у подъезда машину Клима, и мои последние надежды превратились в пыль. Я вышла, но решила не торопиться. Остановившись за квартал до своего дома, я осторожно выглянула из-за угла и прищурилась, как будто так меня могли не узнать, если что. Машина стояла на прежнем месте. Ну разумеется. Она ведь не была галлюцинацией или бредом. Бредом были все мои надежды на спасение.

На минуту мне показалось, что мне снова десять лет и я с удовольствием играю с мальчишками в казаки-разбойники. Сейчас может появиться неприятель. Войдя в роль, я резко обернулась, и в ту же секунду за противоположный угол дома нырнул человек, который, как подсказывало мне мое заквашенное на казаках-разбойниках воображение, следил за мной.

Но этого не может быть! Зачем кому-то за мной следить? Ну какому нормальному человеку, скажите на милость, придет такое в голову? «А если он ненормальный?» — совсем испугалась я. Вот и в гороскопе было сказано, что у меня есть враги. Может быть, именно они за мной и следят. Ну все, приехали! Совсем спятила на старости лет. Нет, пора сдаваться Климу. Может быть, у меня на почве полного полового бездействия крыша едет. Так хотя бы ради собственного здоровья нужно замуж выйти. И я поплелась к своему дому.

Навстречу мне шел огромных размеров красавец-дог. Ему было восемь с половиной лет, и звали его Чарли. Хозяйкой его была маленькая женщина, чуть выше самого дога, лет пятидесяти — Инна Владимировна. Она знала, что я работаю в ветеринарной клинике, и иногда консультировалась со мной по поводу всевозможных старческих недугов своего пса. Инна Владимировна каждый день после прогулки проводила часок на скамеечке с соседками, причем Чарли сидел у нее на коленях. Соседки-пенсионерки смеялись: «Ну хоть от одного старичка спиртным не пахнет!»

Сегодня Инна Владимировна старательно прятала лицо, а когда я поздоровалась с ней, взглянула на меня мельком и кивнула. Лицо у нее было красным и распухшим от слез. Я прошла еще два шага по тротуару, а потом не выдержала и побежала назад.

— Что случилось? — спросила я без всяких приготовлений и извинений.

Мне вдруг показалось, что, если бы моя мама была жива, шла бы вот так по улице и плакала, а кто-нибудь прошел бы мимо, я бы, наверно, умерла. У меня было врожденное чувство долга перед всеми стариками, детьми и собаками.

— Мама заболела, — всхлипнула Инна Владимировна. — Нужно делать операцию.

— Сейчас медицина на высоте, сделают хорошо, — пообещала я от имени всей медицины.

— А питание? Чем они ее там кормить будут после операции, скажите на милость? Сказать было нечего.

— Ну, можно домашнее носить, — предположила я. — Бульончики там всякие...

— Мама в Челябинске, — обреченно сказала Инна Владимировна.

— Денег на билет не хватает?

— Хватает.

— Тогда в чем дело?

— Чарли в самолет не берут.

— Так оставьте его здесь с кем-нибудь.

— С кем?

Я замялась.

— Я бы его к себе взяла...

— Да вы что? Он же тогда решит, что я его отдала! Есть ничего не будет, пить.

— ...да у меня сейчас гости, — автоматически закончила я фразу.

В глазах Инны Владимировны блеснул огонек надежды.

— Много гостей?

— Много, — сказала я, выглядывая из-за ее плеча на машину Клима.

— Так тесно же!

— Тесно.

— Неудобно.

— Очень!

— Может быть, вы пока у меня поживете? — умоляюще заглянула мне в глаза женщина. — Дней десять, ну в крайнем случае — пятнадцать.

— Как это?

— Очень даже просто, — стала объяснять она. — Я вам ключи оставлю, продукты, чтобы каши ему варить. Вы у меня в квартире поживете пока.

— Но у меня на работе дежурства по двенадцать часов, я не смогу с ним гулять.

— Да ему прогулки эти только для променада нужны. Он с младенчества привык туалетом пользоваться. Да и спокойней ему будет дома. Все-таки — родные стены. А я ему все объясню. Он поймет. Он все понимает! Правда, родной? — спросила она и поцеловала пса в морду.

Дог кивнул, а я поинтересовалась:

— А вы не боитесь вот так, постороннего человека в свой дом?

— Вы не посторонняя, вы собак любите. Ну как? Договорились?

— А когда вы едете? — спросила я.

— Послезавтра. Приходите утром, сможете?

Я стала вспоминать свой рабочий график, этот день оказался у меня свободным.

— Смогу.

— Вот и замечательно. Я вам все покажу. А может, сейчас зайдете? — Она снова просительно заглядывала мне в глаза, а я все поглядывала через ее плечо на машину Клима, по-прежнему стоявшую у моего подъезда. — На минуточку только? А?

— Конечно, — искренне обрадовалась я, стараясь оттянуть свою встречу с «любимым».

Мы повернули и отправились к ней домой. Чарли принес мне тапочки и вообще вел себя очень галантно, помахивая длинным хвостом. Инна Владимировна показала мне, где у нее находится склад круп для ее «мальчика», пять килограммов печенки, витамины и растительное масло («по ложке в день — обязательно!»). Потом я под диктовку записывала рецепты блюд, которые мне предстояло готовить черному великану в пятилитровой кастрюльке. Морковочку хозяйка рекомендовала измельчать в комбайне, а капустные листья давать целыми. Яблоки я должна была обязательно очищать от кожуры, а огурчики не очищать ни под каким видом. («А то есть не будет!») Когда Инна Владимировна закончила, оказалось, что я под диктовку исписала целую школьную тетрадку. Она долго разглядывала

ее, а потом оценив, вероятно, мой серьезный подход к проблеме, предложила мне чай с ореховым печеньем, которое испекла накануне. После получасового чаепития в моей тетрадке появился еще и рецепт этого печенья, занявший последние две с половиной страницы. Тетрадку я, по требованию Инны Владимировны, оставила у нее на кухне, чтобы послезавтра сразу приступить к делу. Мы распрощались, и я отправилась домой, сдаваться.

Подходя к дому, я не обнаружила машины Клима и даже остановилась, чтобы получше оглядеться. Ее нигде не было! Похоже, он уехал, так и не дождавшись меня. С сердца свалился тяжеленный камень, и оно тут же взмыло куда-то в поднебесье, громко хлопая крыльями. Открыв дверь своим ключом, с улыбкой во весь рот, я предстала перед Светланой. На столе стояли букет из десяти гвоздик (опять гвоздики, никакой фантазии!), пустая бутылка из-под шампанского и два фужера. Света посмотрела на меня буквально с ненавистью.

— Тебе не кажется, что это настоящее свинство?

Я пожалала плечами. Должно быть, Клим ей тоже не очень понравился, иначе бы она вряд ли пришла в негодование оттого, что была вынуждена провести с ним наедине целый день. Поэтому я всем своим видом выразила сочувствие. Ожидая основательного пропесочивания, я вжала голову в плечи, как черепаха, и приготовилась выслушать все, что мне причитается. Но произошло нечто удивительное. Света не стала меня распекать, а устало пожелала выпить чашечку чаю и сама пошла ставить чайник на газ.

Сидя за столом, она завела разговор о политике, о новых экономических отношениях, о налоговой инспекции и еще о чем-то мне совершенно непонятном.

— Заходил сегодня один тип. Спрашивал, кто я, да что я, есть ли у меня право здесь жить. Документы просил показать.

— Сюда? — Я никак не могла взять в толк, о чем она говорит. — Ко мне домой?

— К нам домой! — подчеркнула Света. — Наверно, кто-то из соседей накапал в налоговую, что ты квартиру сдаешь. Вот они тебя и выследили.

Я тут же вспомнила человека, скрывшегося за углом, того самого моего непрошеного партнера по казакам-разбойникам, и замерла.

— Что делать будем? — спросила Света так, словно сделать было уже ничего нельзя.

— А что обычно делают в таких случаях?

— В таких случаях, — заговорила Света тоном опытного юриста, — заключают договор об аренде квартиры.

— О чем?

— Ну о том, что ты мне квартиру сдала, понимаешь? Ну — как будто сдала. Тогда получается, что я имею право здесь находиться.

Я только хлопала глазами, будучи неосведомленной обо всех этих экономических новшествах и законах.

— Хорошо, объясняю. Садись, пиши. Я, Серафима Верещачина, получила от Светланы Ивановой двести долларов за два месяца проживания в моей квартире. Написала? Внизу дата и подпись.

Я поставила подпись, Светлана выхватила у меня листок, пробежала его глазами и радостно вздохнула.

— Вот и чудненько! Спокойной ночи.

И действительно, ночь прошла удивительно спокойно. Мне снилось что-то, в чем сквозило зыбкое, едва уловимое чувство счастья. Я не видела во сне людей, только временами откуда-то выплывала морда Чарли со старательно высунутым языком. А вокруг все плавало в сиреневом мареве, на самом дне которого варилось снадобье счастливой жизни. Такие сны мне еще никогда не снились. Разве что когда-то в детстве.

Проснувшись я окрыленной и, радостно насвистывая, стала собираться на работу. Сегодня, благодаря своей службе, я спасена от разборок с Климом, и это только прибавляло масла в огонь, гревший котел с дымящимся снадобьем. День прошел замечательно. Мурзики и Васьки, Лоты и Рексы уходили от нас повеселевшими и просветленными. Вечером я ехала домой и с замиранием сердца высматривала знакомую машину у подъезда. Машины не было.

Повернув ключ в замке, я открыла дверь и столкнулась со Светланой. Она как-то неуловимо изменилась за то время, что мы не виделись, и смотрела на меня теперь неузнающим взглядом. Я попыталась войти, но Света решительно преградила мне дорогу:

— Куда?

— Как куда? Домой, — не поняла я.

— Извините, — сказала она тоном, в котором от извинений не было и следа.

Света выступила вперед и вытянула из двери ключ, который я от неожиданности оставила торчать в замочной скважине.

— Ты, дорогая, сдала мне квартиру. Поэтому квартира на ближайшие два месяца моя.

Ее слова никак не укладывались в моей голове, поэтому я спросила:

— А я как же?

— Не знаю, дорогая. Думай, — сказала Света, захлопывая дверь перед самым моим носом. — У тебя, между прочим, жених в семикомнатной квартире живет, — добавила она из-за двери.

— В шести комнатной, — поправила я машинально.

Постояв еще минут десять на лестничной клетке, чтобы в голове прояснилось, я нажала кнопку звонка.

— Кто там? — вежливо спросила Света через минуту.

— Открой, — сказала я самым требовательным тоном, на какой была способна. — Я... я милицию вызову.

— А я им расписку покажу. Так что привет Климу.

Ну и дела. Я спустилась вниз по лестнице. В голове у меня кружили обрывки мыслей, не в состоянии выстроиться во что-нибудь целое. Первое, что я увидела, выйдя на улицу, был телефон, висящий под козырьком на стене соседнего дома. Я знала, что это был не обыкновенный телефон, а особенный. Что-то в нем испортилось, и звонить по нему теперь можно было без жетона.

Набрав номер Верки, я еще надеялась, что все утрясется. Что Верка перезвонит своей ненормальной сестре, и та впустит меня домой. Но на том конце провода трубку брать не торопились. Утопив свои надежды на недоразумение в длинных гудках, я решила поехать к Вере домой. А что, собственно, мне еще оставалось? Еще мне оставалось ехать к Климу и проситься переночевать в его хоромах. Но из этого вытекали такие последствия, что мне об этом даже думать не хотелось.

В девять вечера, поднявшись к Вере, я долго не снимала пальца с клавиши звонка, который не звенел, а распевал во все горло в квартире «Тихо вокруг, только не спит барсук». Верка, очевидно, тоже не спала, а попросту отсутствовала. Вместе с мужем и дочкой.

Я вышла на улицу и поплелась по тротуару. Сзади, в десяти шагах от меня раздался какой-то звон, и я обернулась в надежде увидеть Верку. Но это был какой-то мужчина, уронивший ключи, рассыпавшиеся по асфальту. Он подбирал их и старательно прятал от меня лицо. Но вот, ползая по тротуару, он попал под тусклый свет уличного фонаря, и у меня внутри все похолодело. Я его уже видела. Это был тот самый тип, из казаков-разбойников.

Я ускорила шаги. Вот это номер! В прошлый раз я встречала его возле своего дома, а теперь — здесь, на другом конце города. Совпадение? Но почему он каждый раз оказывается за моей спиной? Неужели он действительно за мной следит?

Я уже почти бежала. Мой путь пролегал неподалеку от клиники, и тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я позвонила, и мне открыла Ольга, дежурившая сегодня в ночную смену.

— Ключи забыла? — удивилась она.

— Потеряла, — сказала я упавшим голосом, запирая за собой дверь и прислушиваясь к сопению, раздающемуся с улицы. — Давай я вместо тебя подежурю?

— Хорошо бы, — сказала Ольга, — но ты ведь знаешь, я вряд ли потом смогу тебя подменить.

— И не надо. Ты мне даже одолжение сделаешь. Мне ведь ночевать негде. А утром приходи пораньше, поменяемся, все решат, что это ты ночью дежурила.

Ольга посмотрела на меня с благодарностью, чмокнула в щеку и упорхнула.

Я закрыла дверь на все замки и на цепочку с сигнализацией. Даже если я и не усну в эту ночь, по крайней мере не придется бродить по улицам или ночевать на вокзале. Несколько раз покрутив телефонный диск, я убедилась, что Верка сегодня дома ночевать не собирается. Потом я набрала свой собственный номер. Линия была занята. Кому же Светочка все время звонит, если ее сестры нет дома? Наверное, она знает, где Верка. Ладно, подожду. Завтра утром Верка должна выйти на работу. Я ее дождусь, обязательно дождусь. Ах, черт... Совсем забыла. Меня ведь завтра утром ждет Инна Владимировна. Значит, мне будет где ночевать. «Ладно, — решила я, засыпая в кресле, — оттуда и позвоню Верке на работу».

Когда утром я приехала к Инне Владимировне, чемоданы стояли у порога, а она объясняла Чарли сложившуюся ситуацию и поминутно целовала его в морду, отчего пес удивленно крутил головой, не совсем понимая, отчего на него обрушился такой поток незаслуженных ласк. Потом она отдала мне ключи, показала, где лежат ошейники и поводки, мисочки и громадные миски, записала свой номер телефона в Челябинске и приказала звонить по любому поводу, даже если мне покажется, что у Чарлика немножечко изменилось настроение. Я обещала рапортовать тут же, и она, глотая слезы, ушла, хлопнув на прощание дверью.

Мы с Чарли посмотрели друг на друга, и, вероятно, только теперь до него дошло то, о чем ему все утро толковала хозяйка. Он подошел к входной двери, сунул нос к щели, попытался так немного, а потом лег мордой к двери и замер.

Я тоже замерла на диване, решив поразмыслить о положении, в котором оказалась.

Во-первых, возможно, я не так воспринимаю действительность. Нужно проверить. И я набрала номер своего телефона.

— Алло! — Голос Светы был крайне напряженным.

— Света, я только хотела узнать, не изменилось ли что-нибудь со вчерашнего дня?

— Где ты? — зло прошипела она.

— Какая разница?

— Почему ты не поехала к Климу?

— Потому что нашла другое место.

— Где ты? — снова упрямо повторила она свой вопрос, словно он не давал ей покоя.

— Сняла комнату, — соврала я. — На десять дней.

— Где?

— А что?

— Поговорить нужно. Клим тебя разыскивает.

— Давай поговорим.

— Где ты прячешься? — заорала она.

— Я не прячусь, если мне не изменяет память, ты меня вчера домой непустила.

— Ты должна была поехать к Климу и объяснить с ним. Позвони ему немедленно. Неужели ты последние деньги потратила на комнату? А жить на что собираешься?

— Я, слава Богу, не безработная...

Как только я закончила фразу, в трубке раздались гудки. Я попыталась дозвониться еще раз, но линия теперь была занята. Ничего не понимаю! Тогда я позвонила Верке домой. Пусть сама разговаривает со своей сумасшедшей сестренкой. К телефону никто не подошел. Может быть, она на работе? Я позвонила туда. Трубку сняла Ольга:

— Ветеринарная служба.

— Ольга, это я. А где Вера?

— Вера в отпуск укатила со всем семейством.

— Как это?

— А вот так. Сказала начальнику, что путевки горящие по дешевке достала. Что другого такого случая не будет. А потом еще поворковала с ним в кабинете — он и отпустил. Представляешь, я собираюсь смену сдавать, а он мне: останься еще в день, у нас кадровые

проблемы. Пришлось остаться.

Значит, Верка укатила на месяц, не меньше, и некому справиться с ее взбалмошной сестренкой. Хотя, может быть, действительно стоит позвонить Климу? Попросить помощи у него? Все дороги ведут к Климу! Вот это здорово. Чем больше я об этом думала, тем старательнее выбирала непроторенные тропинки, рискуя оказаться где-нибудь в буреломе.

А впрочем, что это я развоевалась? Я, которая всю свою жизнь была у кого-то на поводу. Я, которая всегда соглашалась, не дослушав до конца то, о чем мне говорили. Какая разница, о чем. Мне ведь все равно нечем было крыть, я не умела отбиваться, ставить людей на место. Я и понятия не имела, какое же место они должны занимать. И какое место должна занимать я? Когда в школьном буфете мои одноклассницы покупали томатный сок, я тоже пила его, хотя всегда любила яблочный. А яблочный сок стоял тут же, на прилавке, стоил те же десять копеек, но мне не хватало мужества сделать самостоятельный выбор.

Все, что я делала в жизни, вызывало у меня если не отвращение, то скуку. Правда, работа мне нравилась. Даже, если честно, очень нравилась. Но кто, скажите, отнесется серьезно к женщине, которой безумно нравится бинтовать собачкам лапки?

Я очнулась от своих мыслей, заметив, что Чарли давно уже отошел от двери и сидит теперь напротив, словно спрашивая: «Ну, что будем делать?» Я поплелась на кухню, шаркая не по размеру большими тапочками Инны Владимировны. На стене висело расписание, где значилось, что с минуты на минуту пса следует накормить, а затем вывести на улицу для десятиминутной прогулки. Пришлось подключать дополнительные резервы энергии и заниматься суетой с кастрюлей, поводком и тремя дверными замками.

Когда мы вернулись с прогулки, я решила, что проведу свой свободный день лежа на диване, пусть даже на чужом диване, который так неожиданно стал моим временным пристанищем. Я бы все свое свободное время проводила именно так, если бы не Клим и не Верка. Только благодаря им я еще не теряю человеческого облика. Но большой радости я от этого не испытывала. Жизнь казалась мне невыносимо скучной и беспросветно предсказуемой. Правда, такого поворота, как конфискация собственной квартиры, я не ожидала. Теперь у меня постепенно формировался комплекс бездомного человека. Этакое бомжа на время. Мне было немножко страшно, я чуть-чуть начала впадать в панику, но в голове, сохранившей еще остатки здравого смысла, назойливо жужжала мысль о том, что так не бывает. Светлана приехала сюда на два месяца. Значит, когда-нибудь весь этот абсурд закончится. Возможно даже, он закончится чуть раньше, когда вернется из своего санаторного круиза Верка. Только одного я никак не могла понять: как это закончится? Как Света освободит квартиру? Как вернет мне ключи? Как будет при этом смотреть мне в глаза? Я-то точно смотреть ей в глаза не буду. Мне было ужасно стыдно, хотя я прекрасно понимала, что она, в отличие от меня, никаких подобных чувств не испытывает. Выходило, что меня выгнали из собственной квартиры, а мне же еще и стыдно от этого.

Чтобы отогнать эти отвратительные мысли, я поднялась с дивана и бесцельно побродила по комнате. На окне собиралась зацветать китайская роза. Я отдернула занавеску, чтобы получше ее разглядеть, и несколько секунд действительно любовалась надтреснувшим бутонем, подсчитывая, успеет ли он, пока я пестую Чарли, вывернуться наизнанку всеми своими красными оборочками. Потом взгляд мой бесцельно скользнул по улице, и вдруг я буквально подпрыгнула на месте.

Прямо под окном стоял человек, которого я уже дважды видела за последние дни. У своего дома и у работы. Теперь он стоял на тротуаре и о чем-то разговаривал с бабульками,

греющимися на условном ленинградском солнышке. Одна из них подняла руку и ткнула пальцем прямым в мое окно, то есть в окно Инны Владимировны, у которого я в данный момент стояла. Я отпрыгнула в сторону именно тогда, когда незнакомец начал поворачивать голову, чтобы посмотреть в направлении, указанном бабкиным пальцем.

Я с минуту постояла за занавеской, а потом тихонько начала пятиться к дивану, пока не уперлась в него и не упала на пятнистое покрывало. Все это немедленно стоило осмыслить, однако сердце мое крутилось на скоростной карусели, и этот аттракцион, открывшийся не где-нибудь, а у меня внутри, не давал сосредоточиться. Сначала я решила взять себя в руки. Но это оказалось не так-то просто. Карусель мчалась все медленнее и медленнее, но легче от этого не становилось, потому что к горлу подкатывал тошнотворный комок ледящего страха. Я не могла двинуться с места. Ноги стали ватными, а руки налились чугуном.

Собрав остатки воли — а процедура эта, прямо скажем, была не из легких, — я попыталась подключить к происходящему логику. Но логика помахала мне ручкой, как только мы с ней подошли к первому вопросу: действительно ли за мной следят или я заболела шизофренией? Чтобы думать дальше, нужно было непременно ответить себе на этот вопрос однозначно и с полной уверенностью. Если я здорова психически, тогда можно рассуждать дальше. Если же нет, дальнейшие рассуждения только усугубят мое состояние, и лучше сразу довериться врачам неотложной психиатрической помощи, вручив им все свои фантазии в первоизданном виде.

Однозначного ответа на первый вопрос я дать не смогла, поэтому решила на хитрость. Хорошо, с чего все началось? Действительно ли я ходила к Левшинову и он сказал, что меня спасет лягушка? Может быть, я еще тогда заболела? Действительно ли меня выгнали из собственного дома? Может быть, мне это только показалось? Ладно, этот факт можно проверить эмпирически. Я сняла трубку и набрала свой номер телефона, напоминая самой себе Фаину Раневскую в фильме «Весна», когда та крутила телефонный диск со словами «белая горячка, горячка белая!». Телефон не отвечал.

Но... «Это ли не приключение?» — думала я. Мне ведь хотелось, чтобы в монотонном течении моей жизни что-нибудь изменилось. Чтобы можно было отличить один день от другого. Чтобы каждый час имел свою особую окраску, свою пряную ноту. Но как бы там ни было, к тому, что происходило теперь, я готова не была. В воображении моем не было ничего конкретного, когда я мечтала о переменах. И уж точно совсем ничего пугающего или неприятного.

Возможно, кто-то другой, подчеркиваю, кто-то, но не я, живет так постоянно. Я даже вспомнила одну свою приятельницу, с которой все время что-нибудь приключалось. То она влюблялась до беспамятства, то болела смертельной болезнью, правда, недолго, то чуть не попадала под трамвай и тот отрезал ей носик от туфли. Ее рассказы казались мне фантастикой, я была абсолютно уверена, что она сочиняет все это в свободное от работы время, потому что не видела никогда ни мужчину ее непомерной страсти, ни рокового диагноза, выведенного на официальном бланке, ни даже туфельки с отрезанным носиком.

Теперь же я была почти уверена, что жизнь может в любой момент выскользнуть из рук, оставив свои серые будничные одежды на тротуаре, и взорваться фейерверком событий, начисто лишенных здравого смысла и противоречащих всяческой логике.

Я включила телевизор, чтобы хоть как-то отвлечься от своего бреда, и попыталась сосредоточиться на французском фильме, который, очевидно, только что начался. Через какое-то время я обнаружила себя сидящей на диване и бессмысленно, с нахмуренными

бровями, уставившейся в экран. Фильм кончился, шли титры, а в голове моей метался только один вопрос: кому понадобилось следить за мной? Левшинов сказал, что я нахожусь на волосок от смерти. Что у меня есть враги.

Я думала и думала об этом и все-таки никак не могла взять в толк: кому я нужна? У меня нет денег, чтобы кто-то попытался завладеть ими. Я не красавица, и никто не сходит по мне с ума. Клима я тут же отмела. Его отношение ко мне сопровождалось прохладной ленью, а вовсе не пламенной страстью. Мне никто не завидовал, потому что завидовать было нечему. Абсолютно! Я не обладала никакой властью, не знала ровным счетом никаких секретов, не участвовала в заговорах, не интересовалась политикой. В общем, все, чего можно было не делать, я не делала.

Оставалась последняя надежда, что этот человек, который ходит за мной по пятам, не совсем нормальный. С одной стороны, это безусловно радовало, потому что из этого вытекало, что я сама здорова. А с другой — пугало еще больше. Если у этого типа что-то с головой, стало быть, он непредсказуем и ожидать от него можно чего угодно.

Когда я вглядываюсь в чужие лица, мне кажется, что мир этот устроен совсем не для меня. Мне нет в нем пристанища. Нет тихой гавани, куда я однажды смогла бы привести свои корабли. В чужих лицах отражается чужой космос, холодный, неприятный и неприемляющий меня. Я всматриваюсь в чужие лица издалека или сбоку и никогда не заглядываю в глаза. Провалы глаз напоминают мне осиные гнезда, там всегда прячется что-то колючее, болезненно жалящее, опасное...

День двигался и двигался в сторону заката, сворачиваясь постепенно, легко затуманивая сознание, делая тяжелыми веки. Я ждала его конца, потому что это был еще один день, вычеркнутый из жизни. Завтра мне предстояло пойти на работу. Тогда все встанет на свои места, я буду знать, что же мне делать в этой жизни. А сейчас, предоставленная самой себе, я потерялась, я застыла. Я ничего не хочу, мне ничего не нужно. Кажется, я даже пообедать сегодня забыла. Но не все ли равно? Вот завтра я буду бинтовать собачек после операций, и в жизни появится какой-то смысл, все приобретет значение. Но сейчас мне хочется только спать.

В восемь вечера я уже была в постели, а Чарли лежал рядом со мной на полу, положив голову на мои тапочки. Последние несколько дней мне не удавалось выспаться, поэтому уснула я необыкновенно быстро. А сны мне снились лиловые и перламутровые, такие ласковые сны.

Проснувшись, я никак не могла понять, где же нахожусь, но потом вспомнила постепенно все, что на меня обрушилось за последние дни. Недаром говорят, что утро вечера мудренее. Теперь все со мной происшедшее не показалось мне ни пугающим, ни безнадежным. Может быть, я стала привыкать к этой новой своей жизни? Или это было все-таки лучше, чем совсем ничего?

Несмотря ни на что, настроение у меня было легкое и чуть приподнятое. Я покормила Чарли и отправилась с ним на прогулку, поминутно уговаривая себя не шарить глазами по кустам в поисках своего преследователя. Но преследователь мой, очевидно, еще спал. А может быть, решил оставить меня в покое? Утро сделало меня оптимисткой.

По дороге на работу я чувствовала себя частичкой человеческого муравейника, растревоженного первыми солнечными лучами. Это было приятно. Поэтому, входя в клинику, я пребывала в самом лучшем своем расположении духа.

В кресле сидела Ольга с заплаканными глазами.

— Что случилось? — спросила я.

— Похоже, мне здесь жить придется! — всхлипнула она, схватила сигарету и выскочила в коридор.

Открылась дверь в кабинет директора.

— Сима, зайдите, пожалуйста, — раздался оттуда его напряженный голос с явным налетом официальности.

Директор наш, надо сказать, на работе появляется крайне редко, в конце месяца, чтобы подписать ведомости на зарплату. А так мы вполне обходимся без него. А он — без нас. То, что Валентин Никитич сидел в своем кабинете посреди бела дня, в такую прекрасную погоду, ничего хорошего не сулило.

— Понимаешь, Сима, — начал он, когда я вошла. — Дело такое, сокращение у нас.

И замолчал.

— Ага, — сказала я, чтобы ему было понятно, что я понимаю.

— Ну вот, — продолжил он тоном ужасно занятого человека, который вот-вот опоздает на самую важную встречу, — кого-то нужно сокращать.

И снова замолчал. Я на всякий случай тоже молчала.

— Так что извини, — заключил он.

— За что? — не поняла я.

— Ну мы ведь тебя сокращаем, не кого-то, — пояснил Валентин Никитич несколько раздраженно.

— Как — меня? — опешила я.

— А кого, нет, Сима, ты мне скажи — кого? — быстро заговорил он. — У Веры дети, у Ольги дети, у всех дети. А у тебя нет.

— Ну и что?

— Тебе проще остаться без работы.

— Но ведь у них не только дети, у них еще и мужья, которые зарплату получают. А у меня — нет.

— Ну, Симочка, не скромничай, — подмигнул мне директор, — все говорят, у тебя очень состоятельный жених. Говорят, что, если ты выйдешь замуж, все равно работу

оставишь.

— Кто говорит? — вытаращила я глаза.

— Да все. — Он широким жестом обвел пустой кабинет. — Все говорят. И давай не будем спорить и ссориться. Спасибо тебе за службу и — до свидания. — С этими словами он взял мою руку, потряс ее и выпроводил меня за дверь.

Я постояла там немного и направилась к выходу. В коридорчике Ольга, все еще всхлипывая, докуривала сигарету.

— Ты поняла? Поняла теперь? — спросила она.

— Поняла.

— Представляешь, я теперь отсюда вообще никогда не выйду! Тебя нет, Верки нет. Издевательство одно! Ты хоть меня понимаешь?

— Да, — сказала я. — Понимаю. И завидую.

И ушла, оставив дверь открытой. Собаки не любят сигаретного дыма, пусть проветрится.

Через полтора часа на диване, покрытом пятнистой накидкой, я рассказывала Чарли о своем новом горе. В сумочке у меня лежали последние пятьдесят рублей, которые предстояло теперь растянуть на весьма неопределенный срок.

Интересно, что делают люди, попавшие в мое положение? Наверно, спиваются. Превращаются в посиневших субъектов, теряя остатки совести, ума и признаков пола. К сожалению, на спиртное у меня всегда была аллергия, значит, с мыслью присоединиться к сизоносому братству придется сразу расстаться. Что сейчас самое главное? Самое главное сейчас, что скоро мне нечего будет есть и негде будет занять денег. Разве что у Клима.

Наверно, это судьба таким образом подталкивает меня к замужеству. Ах, ты замуж не хочешь? Тогда подумай, где будешь спать, что будешь есть? Не можешь о себе позаботиться? Дай сделать это хорошему человеку. Действительно, что мне стоит снять сейчас телефонную трубку и позвонить ему? Он придет, заберет меня отсюда, накормит, пропишет в своих хоромах. Ладно, пусть. Я подседа к телефону. Если у меня ничего не получается, пусть обо мне позаботится кто-нибудь другой. Я сняла трубку. Пусть все эти приключения послужат мне уроком. Как бы плохо ни было, все равно может быть хуже. Как там его номер...

Как это я сейчас подумала: «Как бы плохо ни было, все равно может быть еще хуже»? Боже мой! Я бросила трубку. Действительно, пусть я осталась без дома и без работы, но я пока еще жива и здорова, и пока еще — без Клима. Зачем же усугублять положение?

Где-то на кухне мне попадалась на глаза газета «Реклама Шанс». Ну-ка посмотрим. Сначала я прочла объявления по найму на работу. Почти все они предлагали «интересную работу для ответственных, находчивых, обаятельных и предприимчивых». То есть не для меня. Только три объявления показались мне серьезными. В них приглашали на работу сантехника, шелкографа и специалиста по офсетной печати. К сожалению, эти специальности были для меня полной загадкой. В разделе «Животные» я нашла рекламные объявления десятка ветеринарных служб, в том числе и нашей, и решила попытать счастья.

— Здравствуйте, вам не нужны ветеринары?

— Не нужны, — ответили мне восемь раз.

Тогда я достала Дейла Карнеги, который без дела пылился в стенном шкафу, и, проштудировав книгу по Диагонали, попробовала еще раз.

— Здравствуйте, вам не нужны...

— Не нужны, — коротко ответил мне неприятный женский голос.

Оставался только один телефон. Я решила не рисковать и предварительно прочитать Карнеги от корки до корки. Вдруг поможет? Ровно через два с половиной часа я неожиданно для себя сделала важное открытие. Эти люди, эти девять человек, с которыми я только что разговаривала, очевидно, тоже читали Карнеги. Здесь же русским языком написано: не перечьте, не спорьте с человеком. Я говорю им «вам не нужны?», а они, чтобы не спорить со мной, и отвечают, нет, мол, конечно, не нужны.

Прилично подкованная в вопросе влияния на людей, я набрала последний номер телефона и, широко улыбаясь, как будто они там могли это видеть и оценить, голосом, бодрым, как военный марш, с аккордами убедительности произнесла:

— Вам нужны ветеринары?

Вопросительную интонацию я запустила только в самом конце, где-то на последнем слоге, как иностранка. Очередная девушка из очередной ветеринарной службы задумалась.

— Вообще-то у нас конкурс. Пришлите резюме.

— По почте?

— По факсу.

— А занести лично?

— Можно, — разрешила она и продиктовала адрес.

Весь день я репетировала предстоящую встречу. К сожалению, гардероб мне выбирать не приходилось, но вот с походкой, голосом и уверенностью в себе что-то нужно было срочно делать. Я долго пыталась убедить зеркало в том, что взять меня на работу — это самое мудрое решение, которое только может прийти в голову руководителям этой фешенебельной ветлечебницы. Но из зеркала на меня смотрела насмерть перепуганная безработная тетка, которую не то что к собакам, даже к крысам подпускать было небезопасно.

Я гримасничала, выбирая подходящее выражение лица, но в моем арсенале выражение уверенности в себе отсутствовало начисто.

Сделав небольшой перерыв и пробежавшись с Чарли по двору, я снова стала разыскивать в своей мимике что-нибудь подходящее. На третьем часу кропотливых поисков мне удалось выудить одну более-менее подходящую мину: это было ассорти из крайнего замешательства и полусна, которое вполне могло сойти если не за уверенность, то по крайней мере за равнодушие флегматика. Большого я из себя выдавить не смогла, поэтому стала заучивать именно это выражение.

Мне непременно нужно было туда устроиться. О том, что я буду делать, если меня туда не возьмут, я старалась не думать. Но вот мой желудок, о существовании которого я иногда начисто забывала, именно теперь вдруг стал очень требовательным. Я прекратила занятия, сознавшись себе, что очень хочу есть. И еще я поняла, что мой организм принял сигнал опасности от мозга, сообщившего ему, что мы все остались без гроша, и решительно был настроен насытиться как минимум на неделю вперед.

Пришлось шлепать в магазин. Глаза шарили по полкам со снедью как-то особенно алчно. Руки, отсчитывающие монеты, слегка дрожали. Я набрала пакетиков с лапшой быстрого приготовления, тушенки, картошки и, зажмурившись, пошла к выходу. А желудок, когда я проходила мимо кондитерского отдела, завывал так, словно пытался обрести суверенитет и право голоса. Но тщательно оберегаемые мною остатки здравого смысла не позволили ему этого.

На улице стояла осень. А точнее — бабье лето. Листья начинали желтеть, краснеть,

летать по воздуху в сильный ветер, шуршать под ногами. Хотелось срочно купить фотоаппарат и снимать на пленку чудесные пейзажи, которые каждый день менялись. Скоро это все кончится, агония природы продолжается совсем недолго. Каждую осень я говорю себе: «Нет, нет, подождите, я еще не насмотрелась, так красиво, пусть побудет еще немножечко». Но осенью насытиться невозможно, она как взмах крыла волшебной жар-птицы: была — и нет. Вот зима — это совсем другое дело. Она стоит и стоит, и никуда не торопится. Долгие полгода надоедает. А вот когда...

В этот момент метрах в трех за моей спиной кто-то споткнулся, и я машинально обернулась. Мамочка, да это ведь тот самый тип, тот псих, который ходит теперь за мной повсюду. Я напряженно вслушалась в его шаги и поняла, что этот звук с металлическим лязганьем преследует меня от самого магазина. Что же ему надо? Одно дело — рассуждать, сидя на диване за тремя замками, и совсем другое — вот так, на улице, когда кто-то чуть ли не дышит тебе в затылок.

Я ускорила шаг, он тоже пошел быстрее. Подходя к дому, я уже почти бежала, а он двигался вслед за мной перебежками, не отставая. Взлетев вверх по лестнице на третий этаж, я запуталась в ключах и с замиранием сердца вслушивалась в звуки шагов. В тот момент, когда в пролете внизу показалась голова мужчины, я вломила в квартиру и, захлопнув дверь, прижалась к ней спиной. Минуты две стояла полная тишина. Я вздохнула, но тут в подъезде раздался громкий и зловещий, как мне показалось, смех моего преследователя. Смех заметался эхом в тесных лестничных пролетах и замер где-то под крышей. Я села на пол и заплакала.

Чарли некоторое время озабоченно наблюдал за мной, а потом подошел поближе и, наклонившись, стал облизывать мое лицо. Рядом с черным великаном мне стало немножко легче. Мало мне, черт возьми, неприятностей на мою голову, а тут еще какой-то псих привязался. В такие минуты тяжело быть одинокой женщиной. Потому что больше всего на свете хочется, чтобы тебе кто-нибудь помог. Ну хоть кто-нибудь. Тяжело сражаться со всем светом, когда он категорически против тебя.

Все, решила я, хватит. Завтра же позвоню Климу. Извинюсь за то, что надолго пропала, и скажу, что согласна мыть все его комнаты и скучая сидеть в ресторанах до скончания века. Что поделаться! Некоторые люди рождаются не для того, чтобы быть счастливы куда-то, словно попадало в многочисленные воздушные ямы. Я достала ключи, но поняла, что открыть беззвучно дверь не сумею, а открыть, звеня ключами, — просто не успею, все-таки три замка — это вам не шутка.

Вдруг человек внизу облегченно вздохнул, пошуршал чем-то и стал издавать странные звуки, после которых радостно крякал каждый раз. Чем это он там занимается? Мое воображение отказывалось обрисовать его занятие согласно раздающимся причмокиваниям, поэтому я осмелилась одним глазом выглянуть в пролет.

На ступеньках второго этажа сидела пожилая женщина в зеленых сапогах и в бесформенном плаще, походившем на плащ-палатку. На голове ее красовалась красная шляпка с ленточками. Сбоку лежал мятый носовой платок и кусок «докторской» колбасы, а в руках она держала бутылку водки, почти пустую, и с наслаждением прикладывала ее ко рту, вытряхивала остатки и грустно причмокивала, качая головой.

Тогда я наконец выдохнула воздух и шаткой походкой стала снова спускаться по лестнице. Когда я поравнялась со старухой, так напугавшей меня, она, привыкшая, наверно, к конспирации, уже степенно шла наверх и, поравнявшись со мной, окинула меня взглядом

английской королевы.

— Дама, не подскажите ли вы мне время? — спросила она полукокетливо и немного вульгарно.

— Часов нет, — радостно объявила я, подивившись, куда же она так быстро спрятала бутылку и кусок розовой колбасы.

Я вышла из подъезда с улыбкой и столкнулась нос к носу с Инной Владимировной.

— Вы? — удивилась я.

— Сима, операцию отменили, — сказала она мне, сияя от счастья, — диагноз не подтвердился! Представляешь? Бывают же чудеса на свете! Мама через месяц сама ко мне прилетит. Как там мой зверек?

— Чудесно, — сказала было я, но, заметив недоумение в глазах Инны Владимировны, добавила: — Только скучает без вас.

— Маленький мой! Пойду обрадую его.

Я достала портмоне и передала ей ключи.

— Спасибо тебе, Симочка, большое. Ты меня очень выручила. Кстати, как твои гости? Довольны?

— Еще как, — ответила я, и мы распрощались.

Ну вот, последний оплот моей самостоятельности рухнул. Теперь мне негде преклонить голову, и сразу же после визита в ветеринарную клинику я должна буду звонить Климу. Делать больше нечего. Запас моей свободы исчерпан до дна. А жаль. Я начала привыкать к этой новой жизни. Пусть она была полна страхов и крупных неприятностей, но я как-то с ними справлялась, я что-то предпринимала.

Так, задумавшись, я дошла до автобуса, влезла в него последней, и мой полиэтиленовый пакет был прихлопнут дверцами. Кстати, я совсем забыла о своем преследователе. А вдруг он тоже сел в этот автобус, посматривает на меня теперь из угла и потирает руки? Ну и пускай, решила я обреченно. На Невском среди людей я буду в безопасности, а потом сразу же позвоню Климу.

Выйдя из метро на канале Грибоедова, я долго искала место своей возможной работы. В конце концов в каком-то замшелом проходном дворе, куда не проникали и отблески роскоши Невского — им мешали проржавевшие мусорные баки с непереносимым запахом, — я нашла малюсенькую вывеску: «Мы обслужим ваших питомцев» и, перешагнув через дохлую крысу, валяющуюся чуть ли не возле самого крыльца, позвонила в дверь.

Мне открыла молодая девушка в очень короткой юбке и строго спросила:

— Кто у вас?

— У меня резюме, — ответила ей я.

— Заходите, — пригласила она.

Офис был оформлен в лучших европейских традициях. Девушка занесла мои данные в ультрасовременный компьютер, задала мне еще несколько вопросов и, равнодушно улыбаясь, попросила явиться через три дня за окончательным ответом.

— А надежда есть? — спросила я.

— Надежду терять никогда нельзя, — сказала она, будто это и был ответ на мой вопрос.

— Но все-таки как вы считаете, могут меня взять?

Девушка еще раз улыбнулась мне, словно говоря: «Ну чего ты все канючишь?», и официальным тоном ответила:

— Я не уполномочена давать какие-то гарантии. Пока на место в нашей фирме

претендуют пять человек. Вы шестая.

— А-а-а, — протянула я. — До свидания.

— Через три дня позвоните, если вы пройдете во второй тур...

— Еще и второй тур?! — удивилась я.

— Еще и третий потом, — радостно сообщила девушка. — Так вот, если вы пройдете, вам назначат собеседование с нашим главным менеджером по персоналу.

«А если пройду в третий — с главой династии Романовых ныне царствующей», — решила я и, еще раз распрощавшись с девушкой, вышла.

Задумавшись и все-таки наступив на дохлую крысу, все так же мирно лежащую у подъезда, я выбралась из омерзительного дворика на Невский и отдышалась. Если я буду здесь работать, придется приобрести противогаз. В офисе, конечно, установлены кондиционеры, но выходить на обед я точно не буду.

Подумав про обед, я снова вспомнила, что финансовые возможности мои истощены до предела, а желудок, опомнившись, включил сирену голодных позывных, напоминая мне тем самым, что каждый человек смертен и я тоже могу умереть от голода. Оглянувшись в поисках какого-нибудь дешевенького пищеблока, я заметила рядом своего знакомого. Ага! Значит, следим уже. Ну давай, следи. Все равно я Климу сдаваться решила, это страшнее будет, чем от тебя бегать.

Однако отчаянная храбрость тут же меня покинула, и, заметив, что к моему преследователю обратился прохожий с вопросом, я опрометью кинулась в раскрытые двери кафе.

Здесь было несколько залов, и мне, естественно, хотелось забиться в самый дальний. Я свернула в следующий зал и, не сумев вовремя сбросить скорость, проехавшись по скользкому полу, налетела на человека, идущего впереди.

Молодой человек, довольно крепкий на вид, должно быть, совсем не ожидал такого «налета» — и, потеряв от неожиданности равновесие, начал падать вперед. Я успела, сделав три круговых движения руками, удержаться на ногах и как зачарованная смотрела на его падение.

Он падал вперед плашмя, его очки слетели и кружились в воздухе, из карманов пиджака вылетали мелкие и крупные монеты, ключи подпрыгнули вверх и, сорвавшись с брелока, рассыпались еще в полете. Перед самым падением он успел выставить вперед колени, но все-таки коснулся лбом пола. Открывшийся «дипломат» выпустил сноп каких-то испещренных печатями бумаг, которые мягко спланировали на голову потерпевшего.

Он поднял руки, словно защищаясь, снял документы с головы и только тогда медленно обернулся. Однако взгляд его, переполненный ужасом, на мне не остановился, а принялся шарить вокруг. Покрутив головой, но не увидел ничего особенного, кроме официанток, стоящих поодаль с открытыми ртами, посетитель снова обернулся ко мне и спросил:

— Что это было?

— Я, — ответила прозаическая женщина Серафима и залилась истерическим хохотом.

Нет, правда, я была в таком напряжении, что не могла ни удержаться от смеха, ни остановиться. Молодой человек посмотрел на меня как подслеповатый котенок и стал шарить по полу, собирая свои вещи. Я, продолжая всхлипывать от смеха, вытирая кулаком слезы, градом катившиеся из глаз, присоединилась к нему и, пытаясь извиняться, бормотала:

— Ради Бога, хы-хы-хы, простите, хы, пожалуйста. Я, ха-ха-хи, не специально, хы-ху. Пол скользкий, а я бежала, ха-ху-хы. Я сейчас перестану смеяться, честное, хы-ха, слово.

Теперь мы с ним вместе стояли на коленях при входе в зал, и единственное, что меня радовало, что там не было ни одного посетителя. Ко всему привычные официантки вскоре перестали таращиться на нас и занялись своими важными пересудами.

— Ни черта не вижу, — признался молодой человек. — Вы не посмотрите, где-то должны быть мои очки.

— Вот они, — вжав голову в плечи, сказала я, протягивая ему оправу с острыми торчащими осколками. — Извините.

Он примерил их и удрученно посмотрел на меня.

— В «дипломате» были еще одни, может быть...

А я уже протягивала ему другие очки. Эти оказались почти целыми, только с трещиной на правом стекле. Он надел их и посмотрел внимательно на меня очень увеличенными, пронзительно синими глазами. Я протянула ему горсть монет и ключей, которые, ползая по полу, все это время лихорадочно собирала, и мысленно поджала хвост.

— Я такая растяпа, — сказала я, от души ненавидя себя в этот момент.

— Куда же это вы так торопились, девушка, замуж, наверно? — спросил он зло.

«Откуда он знает?» — пронеслось в моей голове. Вид у меня, очевидно, был настолько напуганным, что он сжалился надо мной.

— Давайте встанем, — снисходительно предложил он, так как мы все еще сидели на полу.

Мы встали, и тут он заметил, что брюки его порваны на колени, еще раз посмотрел на меня и тяжело вздохнул. На лбу его красовалась ссадина, но я не стала подливать масла в

огонь и сообщать ему об этом. Но он то ли почувствовал что-то, то ли проследил мой сочувствующий взгляд, приложил руку ко лбу и тихо охнул.

— Пятачок нужно... — начала я, но замолчала на полуслове, потому что теперь молодой человек посмотрел на меня зверем.

Наверно, ему больше всего на свете хотелось дать мне по шее и обругать на чем свет стоит.

— Давайте я вам кофе закажу, — пытаюсь возместить нанесенный мной ущерб, предложила я.

— Давайте, — согласился он злорадно.

Заглянув в меню, я поняла, что стоимость кофе здесь включает еще и амортизацию стульев, на которых мы сидели, аренду здания на Невском по самым высоким тарифам, зарплату официантов и еще, наверно, премиальные директора. Понятно, почему здесь нет ни одного посетителя. Я заказала два кофе и стала рыться в сумочке, пересчитывая последние монеты. Интересно, хватит мне потом на метро, чтобы добраться до Клима, или придется тащиться через весь город пешком?

Правда, я решила, что здесь, наверно, такой сервис. Скорее всего, за эти деньги нам принесут не только кофе, но и каких-нибудь шаверм или чебуреков, потому что цена предполагала не меньшее. Я так нервничала, что не заметила, как к нашему столику подошел маленький коренастый мужчина лет пятидесяти в смокинге.

Молодой человек встал, и они пожали друг другу руки, молча, как заговорщики. Потом тот, что в смокинге, сел, и молодой человек протянул ему бумаги из «дипломата». Они подписывали бумаги по очереди, разложив их по всему столику. Молодой человек втянул голову в плечи и стал похож на лягушонка.

Как раз в этот момент подошла официантка с двумя микроскопическими чашечками кофе. Мужчины не обратили на нее ни малейшего внимания, а зря: вид у нее был такой, словно она хотела выплеснуть кофе им на головы. Все еще пытаюсь искупить свою вину перед молодым человеком, я вскочила и, улыбаясь, взяла чашечки из ее рук. Официантка отправилась к подружкам, подпирающим стенку, вести свои важные разговоры, от которых их все время отвлекали навязчивые посетители, а я осталась стоять с дымящимися чашечками над столом, борясь с мыслью, что могу нечаянно опрокинуть их содержимое на документы.

Но вот мужчины закончили свою деятельность, встали и еще раз молча пожали друг другу руки. Коренастый собрался уже откланяться, как вдруг заметил меня с чашечками и, сказав: «О!», с благодарностью взял одну из моих рук и снова опустился на стул. Другую чашечку взял молодой человек и, сказав мне с ехидной улыбкой «спасибо», сел. Я тоже медленно опустилась на стул, переводя взгляд с одного из них на другого.

Мужчина выпил обжигающий кофе как рюмку водки, то есть забросил его в себя, крякнул, облизнулся и, ставя чашечку на стол одной рукой, другой протянул мне визитку.

— Кстати, Гоша, — представился он.

— Серафима, — ответила я.

— Сногшибательная женщина, — добавил молодой человек.

— Увидимся, — объявил Гоша, подмигнув молодому человеку и, приказав ему беречь себя, быстрым шагом удалился.

— Серафима, значит, — протянул молодой человек, попивая кофе и поглядывая на меня своими очень увеличенными и очень синими глазами.

Он подозвал официантку и заказал еще кофе — «для девушки». Официантка посмотрела на меня, давая понять, что кого-кого, а меня девушкой уж точно не назовешь последние лет десять, и удалилась. Через минуту она принесла кофе в чашечке с наперсток и для меня, а в кармане пиджака у молодого человека что-то зазвенело. Он вытащил радиотелефон, выслушал в течение минуты чей-то вопль и, решительно сказав «нет», а потом так же уверенно «да», дал отбой.

— На чем мы остановились? — Он задумчиво посмотрел на меня.

— Я вас уронила, — вспомнив о своем проступке, робко сказала я.

— Не то. — Он махнул рукой. — Вы куда-то торопились. А теперь, как резонно спрашивают в рекламе, уже не торопитесь?

— Нет, — сказала я, потому что именно в этот момент в зал вошел человек, лязгающий металлом по полу.

Наши глаза встретились, точнее, мои глаза встретились бы со своим отражением, если бы я сидела чуть ближе к нему, потому что теперь он был в зеркальных очках. Каждый из нас тут же отвернулся, но молодой человек, проявив неожиданную наблюдательность, спросил:

— Это ваш муж?

— Нет. — Кофе все-таки выплеснулся чуть-чуть на стол, и я, поставив чашечку, ткнула в пятно пальцем и стала растирать лужицу по столу.

— Жених?

— Псих.

Молодой человек бросил взгляд в сторону моего преследователя и сказал:

— Похоже.

Я улыбнулась ему в ответ. Наконец-то мне попался единомышленник.

— Мне нужно идти, — объявила я под пристальным взглядом молодого человека, когда пауза затянулась.

— Куда?

— Замуж выходить.

— Боже, все женщины идут в одну сторону! — Он приложил руку ко лбу и тут вспомнил, что у него там ссадина. — У вас зеркальце есть?

— Нет, — сказала я.

— Как же так? Вы разве не пудрите носик? Не смотрите на свое отражение время от времени?

— Зачем?

— Ну, — протянул он, — так делают все женщины. Это у них такой инстинкт.

— Им, наверно, есть что высматривать в этом зеркальце, — сказала я.

— Серафима, вы напрашиваетесь на комплимент?

Собственно говоря, он вот уже минут десять сидел за столиком и рассматривал меня, словно пробуя незнакомый продукт и все не решаясь вынести заключение по поводу того, относится он к группе деликатесов или так, дрянь какая-то. Что-то в нем было успокаивающее, и мне не хотелось уходить, чтобы снова окунуться в свою беспросветную жизнь. Но я испугалась, что, распробовав незнакомый продукт, молодой человек брезгливо поморщится и уйдет первым, поэтому встала:

— Мне пора.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но только покачал головой и кивнул.

— Ну что ж...

Подошла официантка, я расплатилась за две чашечки кофе, а он заказал еще одну и остался сидеть за столиком.

Теперь мне предстояло пройти мимо зеркальных очков и выбраться на Невский. Я напряженной походкой пошла к выходу, слыша, как мой преследователь подзывает официантку, и уже предчувствуя его шаги за спиной. В это время в зал входила семейная пара с девочкой лет семи, которая скакала на одной ножке и громко болтала. Я прошла мимо, но вслед мне все еще несся ее голос: «Теперь понятно, почему это кафе называют „лягушатником“, смотрите, оно все замаскировано под болото, а вон дядя в зеленой рубашке...»

Внутри сработал механизм самосохранения, я развернулась на каблуках и пошла обратно, столкнувшись при входе в зал с лязгающим человеком. Он притормозил, но все-таки вышел, решив, очевидно, подождать меня на улице. Почему я решила вернуться? Да, собственно, я даже и не принимала никакого решения. Это сработала детская интуиция, надежда на лучшее, вера в сказку и в хороший конец. Последнее место, связанное с лягушками, мне не хотелось покидать просто так, мне приспичило посидеть здесь еще немножко, пока меня не гонят. Может быть, тот парень в зеленой рубашке с трижды увеличенными глазами и есть моя последняя надежда на спасение. А если нет — и он считает меня навязчивой душой, то мне все равно хуже от этого не станет. Только бы вырваться из того будущего, куда меня так активно заталкивала судьба и которое уже наложило на меня свою когтистую лапу.

— О! — сказал мой новый знакомый. — Вернулась девушка с романтическим именем.

Я приготовила несколько версий относительно причины своего возвращения, но тут все они вылетели из моей головы.

— Кофе, — бросил он официантке на расстоянии.

— Ни в коем случае, у меня нет больше денег, — запротестовала я.

— Вы меня угощали, теперь я угощаю вас, — сказал он, имитируя грузинский акцент. —

Почему вы вернулись?

Мне, честное слово, хотелось рассказать ему обо всем. Как я потеряла квартиру и работу, как постепенно превращаюсь в неврастеничку, потому что за мной по пятам ходит странный тип, как собираюсь замуж, словно в петлю, и, подобно душевнобольной, все еще верю в предсказание о спасительной лягушке. Я даже открыла было рот, но, представив выражение его лица после первых же аккордов моего какофонического повествования, передумала и махнула рукой. Это был жест обреченного, отчаявшегося человека, и мой собеседник перестал улыбаться:

— У вас неприятности?

Я часто закивала и вцепилась в кофейную чашечку, которую принесла официантка, чтобы не разреветься.

— Это ничего, — сказал он мягко, — обычная полоса невезения.

Я снова открыла рот, собираясь объяснить, что полоса невезения — это вся моя жизнь, а сейчас у меня полоса убийственного, ужасного, доходящего до абсурда невезения. И, похоже, она никогда не кончится. Но слезы стояли уже где-то в горле, мешая вымолвить хоть слово, поэтому я как глухонемая только помахала в воздухе рукой, и снова ничего не сказала.

— Кстати, меня зовут Федор, — сказал молодой человек и, пошарив в кармане, выдал мне визитку. — Дар Божий.

— Угу, — буркнула я.

— Вот мы уже и знакомы, — заметил он. — Давайте теперь разговаривать!

— О чем? — тупо спросила я.

— О чем-нибудь радостном, а то вы сейчас совсем прокиснете.

— Не знаю я ничего такого, — честно призналась я.

— Ну хорошо, тогда расскажите мне, кто был этот тип в зеркальных очках?

— Ох, если бы я знала.

— А я думал, вы знакомы.

— Нет, он ходит за мной по пятам, вот и все.

— Что значит — все? А зачем ходит?

— Он со мной не разговаривает, ходит — и все.

— Здорово. Может быть, он в вас тайно влюблен?

— Знаете, я его боюсь. И мне кажется, что он вовсе не влюблен в меня, а совсем наоборот. Я никак не могу от него отвязаться.

— Могу помочь, — предложил Федор, — я на машине — оторвемся.

— Это не поможет. Во-первых, ехать мне особенно некуда. А во-вторых, куда бы я ни поехала, он меня везде находит.

— И вы его совсем не знаете? — недоверчиво спросил Федор.

— Абсолютно. Я его встречаю повсюду только последние несколько дней.

— А что произошло несколько дней назад?

— Несколько дней назад в моей жизни начался обвал. Я в одночасье потеряла квартиру, работу, подругу и наконец временное пристанище.

— Это уже что-то по моей части, — произнес он.

— Вы врач? — насторожилась я.

— Адвокат, — засмеялся он, тыча в визитку, которую я все еще держала в руках.

— В любом случае — у меня нет денег на адвоката, — вздохнула я, стараясь не показаться побирушкой, просящей о бесплатном одолжении. — У меня больше ничего нет. Поэтому я вынуждена выйти замуж...

— А это уже что-то из другой оперы, — скептически пожал он плечами. — Может быть, вы специально все это подстроили, чтобы ваш знакомый был вынужден сделать вам предложение?

— Он мне его уже делал сто тысяч раз, — резко сказала я. — Но я не хочу. А теперь мне деться некуда!

— Чего только женщины не придумают, чтобы тащить мужиков под венец! Вот моя секретарша тоже решила почему-то, что лучшего мужа, чем я, ей не найти. Ходила все, вздыхала, глаза закатывала, юбку каждый день укорачивала, а две недели назад кинулась на меня.

— Как кинулась? — не поняла я.

— А вот так. Как мужчина на женщину в диких лесах Амазонки.

Я передернула плечами, представив себе на минуточку эту сцену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А вы?

— Отбилась, — гордо сказал он. — И уволил ее. Сегодня последний день отработывала. Вон, звонила только что, спрашивала, не передумал ли я. Поэтому, знаете, Серафима, я терпеть не могу женщин, которые хотят замуж.

— А я и не хочу, мне деться некуда.

— Да что же вы такая беспомощная? Найдите работу, снимите комнату, разберитесь со своими проблемами.

— На работу не берут в один день, и комнату в долг вряд ли сдадут.

— Так, — сказал он, взглянув на часы, — время мое на исходе. Работу могу предложить.

Компьютер знаете?

— Знаю, — соврала я.

— С документацией работать умеете?

— Умею, — терять мне было нечего.

— Печатаете быстро?

— Не очень.

— Но хоть грамотно?

— Разумеется.

— Беру секретаршей. Но аванса не дам. Пошли.

Федор расплатился и направился к выходу, а я засемила за ним на некотором расстоянии.

На улице перед кафе стоял мужчина в зеркальных солнцезащитных очках и читал бесплатную газету. Федор демонстративно взял меня под руку и, пройдя немного по проспекту, потащил куда-то под арку в подворотню. Там он подтолкнул меня к подъезду, а сам притаился за углом.

Буквально в тот же момент послышались металлические шаги, и через несколько секунд показался мой преследователь. Федор огрел его «дипломатом» по голове, и пока тот, глухо охая, оседал на землю, вывернул руку.

— Ты чего, мужик, за мной ходишь? — спросил Федор. — Кто такой? Как фамилия?

— Мокричкин я. — Мой преследователь был не на шутку перепуган.

— Советую говорить правду, — строго приказал Федор, — таких фамилий не бывает.

— Документы в правом кармане, — сказал тот, став в один момент самым законопослушным гражданином.

Федор посмотрел в мою сторону и, увидев, как я тяну шею, наполовину вывалившись из подъезда, сделал мне знак, чтобы я исчезла. Я прикрыла дверь и так больше ничего и не услышала из их разговора. Сердце мое не билось, а прыгало в груди как на батуте. Теперь я хорошо разглядела человека, преследовавшего меня последние несколько дней. Он был похож на чахлое комнатное растение с прозрачными листьями, которое поливают раз в неделю. Маленькое крысиное личико с сивушным оттенком, туповатый взгляд. Он не похож на маньяка или психа. Скорее на карманника, для которого полупустой кошелек — самая большая добыча, на мелкого склочника, который при разводе поделит с женой даже алюминиевые гнутые ложки. Но тем более было непонятно, почему он все это время ходил за мной?

— Все, — крикнул мне в подъезд Федор, — выходи.

Я вышла и огляделась: во дворе никого, кроме нас, не было.

— Идем. — И мы вышли на Невский.

Федор огляделся и, подойдя к синей машине, поманил меня пальцем.

Когда мы переехали Дворцовый мост, Федор, который все время о чем-то напряженно думал, сказал мне:

— Что же ты за девушка такая, Серафима? Кому же ты дорогу перешла?

— Никому...

Но Федор только пожал плечами, мол, не хочешь, не рассказывай, и я, сложив руки в кулаки, твердо повторила:

— Никому!

— Ну хорошо, денег у тебя нет. Квартиры, по твоим словам, тоже нет. Работы нет. А что у тебя есть? Что им может быть нужно?

— Кому им? — похолодела я. — Этот тип, он что, не один? Их что, много? — В голосе моем послышались нотки закипающей паники.

— Этот тип тут ни при чем. Мелкий пьянчужка, на заводе работает. Его наняли, чтобы следить за тобой.

— Кто?

— Какая-то женщина. Он собутыльников поджидал на лавочке, а она подошла и говорит: «Заработать хочешь?» Он и захотел. На работе больничный взял и стал за тобой

ходить. Каждый день она звонила ему, и он рассказывал, где ты бывала. А утром находил в почтовом ящике сорок рублей. Вот так.

— А кто эта женщина?

— Тебе виднее.

— Не знаю.

— Придется тебе поразмыслить над этим на досуге.

Мы тем временем подъехали к небольшому красивому домику. Федор вышел из машины. Я еле поспевала за ним. Подъезд оказался нежилым: десятки офисов без названий. На каждой двери красовался только номер. Поднявшись на третий этаж, мы остановились у железной двери под номером пятнадцать. Федор достал большой замысловатый ключ и, набрав код, открыл дверь приблизительно так же, как открывают сейф.

— Вперед! — скомандовал он, и мы вошли.

Два стола, шкафы с папками, гардины цвета опилок и красный телефон, который голосил как надорвавший голос петух. Федор подлетел к столу и снял трубку.

— Да, на месте. Подъезжайте, — сказал он и положил трубку. — Быстренько осваиваемся и начинаем работать. Документы с собой?

Я протянула ему паспорт. Он его сначала пощупал, посмотрел печати через увеличительное стекло, потом очень внимательно изучил каждую страницу и бросил его на один из столов.

— Трудовая с собой?

— Нет, я ее еще не забрала.

— Тогда пока — договор на испытательный срок, устроит?

— Мне все равно.

— Человеку не может быть все равно, когда речь идет о нем самом. Хорошо, этот стол твой. Включай компьютер.

— А как? — Я выдала свою полную неграмотность и страшно испугалась.

— Ну как всегда, — не понял он, — там под столом кнопка.

Я нажала какую-то кнопку, и тут компьютер тихонько загудел и на экране замелькали какие-то значки, цифры, таблицы. В конце концов там установился зеленоватый фон, а на нем значки.

— Войди в «ворд», — записывая что-то в блокнот и не глядя на меня, потребовал Федор.

— Куда?

Тогда он моментально прозрел относительно того, какого бездаря заполучил в качестве секретаря, и уставился на меня. Я поняла, что иду ко дну, что сейчас он скажет все, что обо мне думает, и выгонит меня на улицу. Вот сейчас ему надоест меня разглядывать, и на этом наше короткое знакомство, оказавшись неудачным, закончится. Федор действительно перестал рассматривать меня. Он приложил руку ко лбу и принялся рассматривать потолок.

— Только честно — ты когда-нибудь работала на компьютере?

— Нет. Если честно, я такой даже не видела.

— А чем ты занималась раньше?

— Работала в ветеринарной клинике медсестрой.

— Замечательно. Что же мне с тобой делать?

— А может быть, вы меня сторожем возьмете?

Я думала, он меня сейчас убьет, а он только рассмеялся:

— Здесь есть сторож. Ладно, научишься. А пока садись за компьютер и делай вид, что занята. У меня прием начинается.

С этими словами он подошел и пощелкал клавишами.

— Вот, это учебная программа. Сиди, осваивай технику.

Я уткнулась в программу, а к нему повалили люди. Все они показались мне немножечко странными. Одна женщина, например, спрашивала, как ей избавиться от бывшего мужа, с которым она по-прежнему делит однокомнатную квартиру и даже один диван, потому что новый никто из них покупать не хочет. Бабулька одна была еще интересная. У нее под окном из трубы течет вода. Ей очень хочется в суд на виновника подать, только она не знает — на кого. Просила объяснить ей и составить бумагу для суда.

Но самое любопытное, что Федор не гнал их взащей, а всем терпеливо улыбался и подробнейшим образом отвечал на вопросы. Потом пришла «группа лиц кавказской национальности». Меня тут же выслали варить кофе и приказали не торопиться. Через полчаса Федор сам пришел на кухню.

— Перерыв. Давай пить кофе. А ты пока можешь начать рассказывать мне о своих неприятностях.

В памяти моей к тому времени царил полный беспорядок. Мне казалось, что все неприятности обрушились на мою голову в одночасье. Как-то сразу. И я не могла точно определить, где они начались. Оглядываясь на свое прошлое, шаря в памяти последних нескольких лет, я вообще ничего приятного там не находила. Тогда я решила вспомнить, что именно меня сейчас тяготит больше всего. Больше всего мне не хватало собственных тапочек, комплекта личного постельного белья с таким родным запахом, кусочка сыра и больших зеленых листьев салата в холодильнике, тахты, составляющей с телевизором единое целое. Мне не хватало своего угла, где я могла бы свернуться калачиком, скрывшись от чужих глаз, прищипливая ход времени маленькими чашечками чая, настоянного на целебных травах.

— Самое неприятное, — начала я, — что мне негде жить.

И я, не вдаваясь в подробности о родных запахах, рассказала ему о появлении Светланы, о ее странных манерах и о том, как развивались наши отношения вплоть до того момента, когда она вытащила ключ из замочной скважины и захлопнула дверь перед моим носом.

Федор слушал меня внимательно и делал какие-то заметки в блокноте.

— Светлана, — он задумчиво посмотрел на меня, — ну? Как ее фамилия? — приготовившись записывать.

— Фамилия? — удивилась я. — Не знаю. Она ведь Верке не родная сестра, у нее какая-то своя фамилия должна быть.

— А раньше ты про нее слышала?

— Про фамилию?

— Про сестру!

— Нет. Хотя... не помню, если честно. У Верки столько родни, что я давно перестала вникать, кто кому кем там у них доводится. Может быть, она и про Свету рассказывала, не помню.

— Да, — сказал он, — задача. Разумеется, она никаких прав на твою квартиру не имеет. Только вот расписку ты зря писала. В суде она, может быть, никакой ценности иметь и не будет, а вот если твоя Светлана знакома с какими-нибудь рисковыми мальчиками, то...

Он замолчал и задумался.

— Но в любом случае через два месяца ты можешь спокойно вернуться в свою квартиру и больше никогда подобных глупостей не совершать. Хотя все-таки никак не могу понять — зачем ей это? Ведь ее сестра уехала в отпуск!

— Но Верка тогда еще не собиралась в отпуск. Ей достались горящие путевки. Она ведь не знала.

Тут одновременно раздался звонок в дверь и петух, притаившийся в телефоне, снова принялся надирать горло. Федор пошел встречать посетителей, а я снова села за компьютер, пытаюсь с помощью обучающей программы научиться с ним контактировать. За окном стало темнеть, потом на улице зажглись фонари, и сердце мое заныло: нужно было подумывать о ночлеге. Вдруг мне пришло в голову, что я могла бы остаться ночевать здесь. А что? Вон какие кресла огромные. Конечно, Федор вряд ли захочет, чтобы незнакомый человек с улицы ночевал вместе с его многочисленными документами, хранящими чужие тайны. Пусть тогда закроет меня на кухне. Я не убегу. Мне бежать некуда. Да и не хочется. И, может быть, даже хорошо, что мне неожиданно оказалось негде ночевать и у меня есть шанс здесь остаться.

Я потихоньку, чтобы никто не заметил, пощупала свой лоб. Кажется, у меня начинался бред, и единственной его причиной могло быть резкое повышение температуры. Теперь мне казалось, что жизнь моя свернула куда-то в нужное русло. Что все неудобства и неприятности были необходимы только для того, чтобы я сейчас сидела в этом кресле, училась общаться с компьютером, а из-за соседнего стола на меня синими глазами поглядывал Федор. Он казался мне теперь не тем человеком, в гавань которого я привела свои корабли отдохнуть, он казался конечной целью моего безумного приключения, берегом обетованным, давно знакомым и очень родным.

Убедившись, что температуры у меня нет, я испугалась своих дальнейших философствований и полностью сосредоточилась на работе, что от испуга у меня неплохо получилось. В восемь вечера последний посетитель покинул кабинет, а Федор, закрыв за ним дверь, подошел ко мне тихонько сзади и заглянул в монитор.

— Ну как? — спросил он.

От неожиданности я вскрикнула.

— Интересно? — Он улыбался во весь рот.

— У меня получится, — пообещала я. — Обязательно.

— Пора закрываться, — сказал он.

— А можно, я здесь переночую? — зачастила я. — Приберу немного. А если вы за документы волнуетесь, можете меня на кухне запереть. Зато завтра на работу не опоздаю...

— Ты, — сказал он.

— Что? — не поняла я.

— Давай перейдем на «ты», хорошо? Я ведь не очень старый и не слишком гордый. И, между прочим, даже младше тебя на три года.

— Да-а? — протянула я, соображая, откуда он это знает, но потом вспомнила, что он тщательно штудировал мой паспорт.

— Ну хорошо, оставайся. Тебе, наверно, надо будет какую-нибудь раскладушку притащить.

— Нет, нет, нет, — запротестовала я. — Мне ничего не надо. Я тут в кресле... Я неприхотливая.

— Но ведь в кресле два месяца не проведешь.

— Уже не два. А один и двадцать пять дней.

— Хорошо, — сказал он и начал складывать бумаги в портфель, но потом спохватился:

— А душ? Где ты мыться собираешься?

— А-а-а я возьму абонемент в бассейн. Три раза в неделю. У меня в СКА бабушка бывшей одноклассницы работает.

— Хорошо.

Федор снова собирался, но, похоже, ему было неловко бросать меня здесь одну, а самому отправляться на ночлег в нормальные условия. Он медлил, долго копался с замками, но в конце концов собрался и встал у двери:

— До завтра. Смотри никому не открывай, даже если ломиться будут.

— А что делать, если будут ломиться? — испугалась я.

— Да не будут, — успокоил он. — Ну а если что — пожар, землетрясение, наводнение, — звони сторожу.

Он подошел к столу и записал номер телефона.

— Вот. Ну, я пошел?

— До свидания.

— Угу, — сказал он и закрыл за собой дверь.

Некоторое время я стояла в центре комнаты, пропуская через себя волну неожиданно нахлынувших новых ощущений. Их было много. Они переливались радужными цветами и тихо шелестели. Но не было среди них ни одного знакомого и понятного мне чувства. Через несколько секунд в голове зашевелились лениво мысли. Но среди них не было ни одной здоровой. Я не думала о том, как спасти свою квартиру или как навсегда избавиться от Клима, я не вспоминала о своих неприятностях и не сетовала на судьбу. Мне было обидно, что Федор вот так взял и ушел.

Это было совершенно ужасно. Ведь мы с ним едва знакомы, а он помогает мне, словно я его родственница. Благодаря ему мне есть теперь где переночевать, я могу получить работу, если не буду лениться и освою компьютер, а значит, в конце концов у меня появятся и деньги и я не умру с голоду. Еще нужно добавить, что я избавилась наконец от своего преследователя, да и от Клима — на некоторое время, которое мне хотелось продлить за границы обозримого будущего. И после всего этого я испытываю не величайшее чувство благодарности, а разочарование! Он что, должен был остаться здесь? Поговорить со мной? О чем? О чем со мной можно разговаривать?! Да и к тому же его дома, наверно, мама ждет.

А почему, собственно, мама? Может быть, жена. Вот тут мне стало по-настоящему грустно. Но ненадолго. Память тут же услужливо, с легкой усмешкой, прокрутила мне отрывок из его рассказа в кафе о том, как секретарша собралась за него замуж. Значит, жены у него нет! И чего я обрадовалась? Мне-то какое дело?

Я отошла к окну и стала размышлять о том, как несправедливо устроен этот мир. Если человек у меня что-то отбирает, как Света отобрала у меня квартиру, директор — работу, а Клима — свободное жизненное пространство, то я отношусь к этому как к должному, а вот если дает, как Федор, то мне обидно, что дает мало. Какая жадность просыпается в человеке на хорошее!

Нужно было отвлечься от этих идиотских мыслей, и я включила компьютер, уверенно нажав на нужную кнопку. Он загудел, а я почувствовала некоторую гордость — получилось. Просмотрев свои записи — целый день я просидела не просто так, — я выбрала программу «машинистка», решив поучиться печатать вслепую. Урок был похож на забавную игру, и я так втянулась, что не заметила, сколько времени пролетело до тех пор, пока в двери не закрипел ключ. Ненадолго мне стало дурно: я вспомнила и о своей полосе смертельного невезения, и о преследователе, сопровождавшем меня повсюду. Дверь распахнулась, на пороге стоял Федор. Одет он теперь был в спортивную куртку и джинсы.

— Я вот подумал, — начал он и замялся. — Учишься печатать?

— Да.

— Я подумал, что ты ведь, наверно, умираешь с голоду?

— Нет, что ты.

— Ты же ничего не ела целый день?

— Ты тоже.

— Но я-то собираюсь! Я тебя приглашаю на ужин.

Как-то странно было слышать это от него. Я думала, только у Клима есть такая страсть — ужинать в ресторанах. Хотя теперешний его костюм не слишком-то подходит для ресторана, может быть, он предпочитает сервис «быстрого питания»?

— Хорошо, — сказала я, вздохнув, и выключила компьютер.

Нет чтобы сказать «спасибо», ругала я себя, пока мы спускались с ним вниз по лестнице. Он ведь не обязан меня кормить. Он делает это из гуманизма, из любви к ближнему, потому что ему не хочется прийти завтра на работу и с порога встретить мой голодный взгляд. Но что бы я себе ни говорила, мне хотелось большего. Микроб жадности, закравшийся в мою душу при встрече с Федором, заразил все мои мысли и чувства, не оставляя надежды на выздоровление. Наверно, я более других была подвержена такому заражению. Ведь я так давно не встречала человека, который мне понравился бы так, как Федор. Точнее, я никогда такого человека не встречала. Он был похож на брата, которого у меня никогда не было. Судя по возрасту — на младшего. С ним было спокойно и безопасно.

Машины около подъезда не оказалось, и мы пошли пешком по проспекту. Мы шли молча, поглядывая иногда друг на друга и опуская взгляд на кленовые листья, расплзающиеся разноцветными пятнами у нас под ногами.

— Пришли, — через три минуты объявил он и направился к ближайшему подъезду.

Я пошла за ним, все еще не понимая, куда же мы пришли. На улице не было никакой вывески, свидетельствующей о том, что здесь располагается какое-нибудь кафе. Внутри подъезд был похож на обычный жилой дом, а когда Федор вонзил ключ в замочную скважину и открыл одну из дверей, я поняла, что это и есть самый обыкновенный жилой дом.

— Прощу. — Он пропустил меня вперед.

— Что это? — Голова моя все еще отказывалась сделать самый элементарный вывод.

— Это мой дом, — сказал он гордо. — Не хотел тебе говорить сразу, но ненавижу рестораны. Предпочитаю, чтобы незнакомые люди не знали, каким образом я пережевываю пищу. И не хочу видеть, как это делают они.

— Я тоже не люблю рестораны.

— Вот и замечательно, — сказал он. — Повар из меня, правда, не ахти какой, так что я полуфабрикатами пользуюсь.

— Я тоже.

— Да-а? — протянул он немного разочарованно. — Почему?

— А ты почему?

— Не знаю, — сказал он, — наверно, лень время на это тратить.

— И мне лень.

— Значит, мы с тобой два сапога пара.

— Ага. Только два сапога с одной ноги.

Так, весело, мы отправились на кухню, где он достал из холодильника пачку замороженных хинкали и чудесный разноцветный салат из всевозможных овощей. Наверно, сам соорудил, на полуфабрикат не похоже. Пока Федор рылся в холодильнике, я внимательно рассматривала салат, чтобы убедиться в съедобности его компонентов. А Федор тем временем выудил из холодильника бутылку кагора и поставил на стол.

— Пока хинкали варятся, можешь рассказать мне о том, как тебя выгнали с работы.

— Да не то чтобы выгнали, — и я быстро пересказала ему свой разговор с директором.

— А вот тут все неправильно, — обрадовался он, отправляя хинкали в кипящую воду. — Во-первых, если тебя сокращают, то должны предупредить об этом за месяц. Потом, ты должна получать пособие в размере оклада, зарегистрировавшись на бирже. И еще: где, спрашивается, твоя трудовая со всеми соответствующими записями?

Я хлопала глазами, как будто он мне только что Америку открыл.

— Знаешь, я так расстроилась, и у меня к тому времени было уже так много неприятностей, что я даже...

— Вот! — Он поднял вверх указательный палец. — Завтра же ты должна сходить к своему директору и потребовать у него все, что тебе полагается.

— Я не сумею, — тихо призналась я.

— Что не сумеешь?

— Потребовать. Я вообще ругаться не люблю. Зачем требовать? Он что, маленький мальчик? Законов не знает? Раз он так сделал, значит, будет держаться за это до конца. Я ничего не смогу добиться. Мне, честно говоря, даже ехать туда не хочется, чтобы рассказывать ему, как он был не прав.

— Серафима, так нельзя, — сказал Федор немного обалдело. — Люди должны бороться за свои права.

— Пусть. А я не умею. Мне проще остаться без денег и полгода искать другую работу, чем бороться за свои права. Мне это противно. И потом — все равно у меня ничего не выйдет.

— Хорошо, ты хотя бы трудовую книжку забрать можешь?

— Могу.

— Вот и поезжай завтра, забери. А пока давай есть.

Он выложил из кастрюли на тарелки дымящиеся хинкали, облил их от души сметаной и поставил на стол. Потом поднял тост за наше удивительное знакомство и за девушку Серафиму, напоминающую ему стихийное бедствие. Мы посмеялись, вспомнив, как я сбила его с ног. Я рассказала, какой ужас испытала, когда он падал плашмя на пол, пока не догадался выбросить вперед колени и приземлиться на него.

— Я так даже в детстве не падал, — признался он. — Думал, на меня покушение устроили, взрыв какой-нибудь.

Он рассказал мне, как учился в институте, потом в аспирантуре, а потом решил открыть свое дело. Два раза его офис громили, и он был вынужден перебираться на новое место. Но теперь, кажется, обосновался окончательно возле своего дома и работает здесь уже четыре года.

Все было давно съедено, полбутылки вина выпита, а я сидела и до слез смеялась над его рассказами о детстве, о старшем брате, который ему житья не давал, но которого он любил до беспамятства, и о том, что они вместе вытворяли. Брат его теперь работал в ФСБ, а он решил стать юристом.

— Наверно, устал от командования брата в детстве, — смеялся он.

Этот вечер никогда бы не кончился, потому что тем для разговора было нескончаемо много, но я вдруг посмотрела на стенные часы и не обнаружила на них маленькой стрелки.

— У тебя часы стоят? — спросила я.

— Идут.

Конечно — идут. Просто в этот момент маленькая стрелочка укрылась за большой, когда та показывала на цифру двенадцать.

— Боже мой, уже полночь. — Я вскочила со стула как Золушка и стала озираться, как будто платье мое сейчас превратится в старые обноски, а карета в тыкву.

— Ну и что?

— Но ведь так и всю ночь просидеть недолго, нужно же когда-то расходиться.

Он встал и медленно подошел ко мне. Подошел слишком близко, чтобы я могла по-прежнему рассуждать здраво, и спросил:

— А зачем расходиться?

В голове моей мысль заметалась в поисках правильного ответа или хоть какого-нибудь ответа, приличествующего обстоятельствам. Но я только что-то промычала или скорее простонала, а потом случился какой-то провал, потому что его глаза приблизились к моим настолько, что я тут же утонула в них, а губы заскользили по моей щеке, медленно подбираясь к моему рту. А когда прошла минута, вместившая в себя целую вечность этого беспмятства, неожиданно резко зазвонил телефон в соседней комнате, и я, вздрогнув всем телом, отстранилась и стала жестами показывать ему в том направлении, откуда доносился звонок, больше походивший на сирену пожарной машины.

Тяжело вздохнув, он бросил «сейчас» и вышел к этой так неуместно трезвонившей твари. Я осталась стоять посреди комнаты и не успела выбраться из водоворота чувств, в который меня только что засосало, как Федор вернулся с телефонной трубкой в руках и, посмотрев на меня, растерянно сказал:

— Это тебя.

Я машинально взяла трубку, все еще не отводя от него глаз и отказываясь верить в реальность и этого провала, и звонка, и выдохнула в трубку:

— Алло.

— Так вот ты где! — услышала я до боли знакомый голос Клима. — И что же ты там делаешь в такое время?

— Я, — мой лепет был совершенно невразумительным, — да я... здесь...

— Сима, я что-то плохо слышу тебя, или у вас там что-то с телефоном? Кстати, а кто тот мужчина, который только что снял трубку?

— Это мой брат. — Я почти верила в то, что говорю.

— Я почему-то так и думал, — сказал Клим. — Почему-то мне именно так и казалось. Я никак не мог поверить, что ты вот так, ночью, сидишь у чужого мужчины, и это после всего, что у нас с тобой было.

Я подавленно молчала, а Клим, подышав в трубку, справляясь с потоком нахлынувшей ярости, которую я ощущала на расстоянии, продолжал:

— Ну так вот, Сима, ты так неожиданно пропала, что я не знал, что и думать. Сдала квартиру Свете, с работы уволилась...

— Меня сократили.

— Ах вот как. — Тон его стал гораздо мягче. — Негодяи! Я с ними разберусь. Завтра же утром поедем туда вместе, и я им устрою.

— Я не могу завтра. Я нашла другую работу.

— Так быстро? — удивился Клим. — И где же ты работаешь?

Назвать контору Федора я не решилась, поэтому, не моргнув глазом назвала адрес ветеринарной клиники на Невском.

— Хорошо, я подъеду туда завтра. Во сколько у тебя обед?

— Нет, нет, нет, — запричитала я, — завтра не получится. Я завтра выезжаю по звонкам. Давай я сама позвоню.

— Во сколько? — требовательно спросил он.

— В пять. Нет, в шесть. — Мне хотелось оттянуть время нашей встречи до второго пришествия.

— Буду сидеть у телефона. А где ты собираешься ночевать?

— Я сняла комнату. Здесь рядом. Меня брат проводит.

— Хорошо, — подытожил Клим. — До завтра. И помни, я очень волнуюсь за тебя. Пора кончать с этой неопределенностью. Хватит скитаться по дальним родственникам. У тебя есть я, и моя квартира — в полном твоём распоряжении. Что ты говоришь, Сима?

— Я ничего не говорю, — ответила я быстро, как нашкодившая школьница. — Я слушаю.

— Ты знаешь, — заговорил Клим неожиданно вкрадчиво и почти ласково, — я ведь догадался, зачем ты сдала квартиру. Глупенькая, тебе не нужно было прибегать к этим уловкам. Я твой. Обещай, что завтра же переедешь ко мне, и мы тут же оформим наши отношения. Договорились?

— Клим, — простонала я в отчаянии.

— Умничка, я все понял. Целую тебя. До завтра.

Потом я еще с минуту слушала гудки в телефонной трубке. Они были похожи на сигнал тревоги перед взрывом. Вот сейчас погудит еще и шарахнет так, что весь мир этот разлетится вдребезги. Я искренне надеялась, что так оно и будет, но секунды бежали, а вокруг ничего не происходило. Совсем ничего, если не считать, что просвет, который забрезжил на черном моем горизонте, снова затянулся грозowymi тучами, на этот раз, кажется, окончательно.

Я выключила телефон и положила трубку на стол. Федора нигде не было. С кухни потягивало сигаретным дымом, значит, он удалился, чтобы не мешать мне общаться с любимым женихом. Сидит, наверно, сейчас там и переваривает всю гнусность ситуации. Затащил в дом чужую невесту, полез целоваться, а тут и жених... Здорово, нечего сказать. А невеста все твердила «не хочу замуж, не хочу замуж», а теперь вон — отчитывается перед своим ненаглядным, встав по стойке «смирно» и поджав хвост.

Как все гадко вышло. Нужно было уйти сейчас же, и я стала обуваться. На моих туфлях шесть застёжек — по три на каждой. Поэтому я не сумела быстро обуться и уйти. А когда застегнула пятую застёжку, то прямо в туфлях прошла на кухню и села на стул.

— Ах да, тебя ведь надо проводить, — усмехнувшись, сказал Федор. — Я сейчас.

Тон у него был уже совсем другой. Официально веселый и отстраненный. Лучше бы он запустил в меня чашкой. Но, похоже, несмотря ни на что, ему этого совершенно не хотелось.

— Понимаешь... — начала было я.

— Не надо, — поморщился он, — я все понимаю. Я уже не маленький и давно живу на этом свете.

— Извини, — сказала я.

— Да нет, это ты меня извини. Затащил домой, полез целоваться!

В этот момент он, очевидно, припомнил то, о чем говорил, достаточно отчетливо, потому что лицо его на секунду озарилось последними отсветами проведенного вечера — и уже начало угасать, когда я, прорывая пелену сплошного тумана между нами, зависая где-то в космическом пространстве, на пороге небытия, сказала:

— А мне понравилось.

Наверно, такое чувство испытывают начинающие моржи, погружаясь в прорубь в тридцатиградусный мороз. У них так же отчаянно вытаращены глаза, зубы плотно сжаты, чтобы не стучали, и в голове только одна мысль: от того, что они собираются сделать, еще никто не умирал.

— А Климу понравилось бы? — бросил он через плечо, потому что уже надевал кроссовки, собираясь выдворить меня из своей жизни раз и навсегда.

То есть он не понял, какого мужества мне стоила последняя фраза. Может быть, есть женщины, которым сказать такое — все равно что высморкаться. Но я никогда больше не повторю этого грандиозного прыжка в космическую прорубь. Мне было стыдно теперь за свое признание, стыдно до слез. И как только я подумала об этом, в горле запершило, и слезы стали постепенно подкрадываться к уголкам глаз. Когда одна из них все-таки скатилась и повисла у меня на носу, он обернулся, то ли почувствовав увеличение влажности, то ли получив какой-то другой сигнал космического происхождения, и уставился прямо на нее.

— Ну, Серафима, не стоит все так...

И не договорил. Слезы закапали из моих глаз на линолеум в коридоре часто-часто. Я сама еще не поняла толком, что происходит, поэтому внимательно вместе с Федором

наблюдала, как на полу образуется маленькая лужица.

Душа моя словно оказалась взаперти где-то в маленькой комнатке и тут же, страдая клаустрофобией, стала молотить в стены в поисках выхода. Она подняла там внутри такой визг и вой, который может устроить только девчонка-первоклассница, запертая сорванцами-сверстниками в чулане с крысами. Сейчас Федор откроет дверь, и вместе с черной как смоль ночью на меня навалятся злые духи — Клим, Верки, Светланы. Они схватят меня цепкими руками и поволокут в свой мир, из которого я вырвалась ошибкой. «Да как ты посмела? Тебе здесь не место!» — плыли в голове обрывки фраз. В общем, когда я спохватилась, то оказалось, что я, всхлипывая по десять раз кряду каждую секунду, сижу в комнате, в кресле, а Федор, примостившись на полу у моих ног, подталкивает стакан с водой, который я бессмысленно держу в руках, к моему рту.

«Я не хочу! Не хочу!» — твердила я, пока не почувствовала, что слезы принесли невероятное облегчение и даже томную усладу моему сердцу и что никто не заставляет меня делать то, чего я не хочу, никто меня давно не гонит из этого теплого дома, а только настойчиво уговаривает «выпить водички» и не тереть лицо руками, чтобы не распухло завтра.

«Верю, верю!» — говорил теперь Федор на каждое мое «не хочу», а я, все еще жалобно всхлипывая, кивала ему головой.

— А о чем же ты раньше думала, Серафима? Когда он за тобой ухаживал, когда ты с ним целовалась, когда...

— Да я с ним и не целовалась ни разу! — прикрикнула я на него, чтобы он не вздумал продолжать свои «когда».

— Ты меня совсем за идиота держишь? — Он нахмурился.

Но он был настоящим весельчаком, этот Федор, в любой ситуации, всегда, поэтому тут же развеселился и, хлопнув себя рукой по лбу, поставил мне диагноз:

— Я понял, кажется. Есть такое заболевание, когда человек, сам того не желая, врет всем подряд. Серафима, ты больна.

— Да правду я говорю! — возмущению моему не было предела.

— Помню, помню я твою правду. Ты говорила, что замуж не хочешь. Потом вытянулась по стойке «смирно» перед трубкой, говорящей голосом твоего жениха, и объявила меня своим братом. Да, кстати, ты ведь еще обманула его по поводу места своей работы. И назначила свидание завтра в шесть, хотя моя секретарша должна работать до семи. Серафима, ты авантюристка, — говорил он, окончательно развеселившись, — как же я сразу не догадался!

Федор от души хохотал и бил в ладоши, но, похоже, был весьма далек от мысли поднять меня из кресла и повернуть лицом к входной двери.

— Ты мне не веришь? — от удивления я перестала всхлипывать.

— Нет. Еще скажи, что вы с ним встречались в Публичной библиотеке.

— Почему в библиотеке? Он меня по ресторанам возил, в театры, в ночной клуб один раз.

— И ни разу не напросился на чашечку кофе потом, да? И ни разу не привел домой показать коллекцию марок?

— У него нет коллекции марок, — глупо сказала я. — И ко мне он ни разу не заходил!

— Несмотря на то, что ты живешь, как я понял, одна?

— Да.

— А жениться при всем при этом хотел, да?

— Да.

— Тогда я ничего не понимаю. — Федор задумался. — Может, он больной?

— Да нет. Он такой здоровый. — Я обвела руками вокруг себя. — Здоровенный даже. И крепкий, как стаффорд.

— Кто это?

— Американский стаффордширский терьер, — объяснила я.

— Ну да, мы же специалисты по животным, — продолжал он о чем-то размышлять. —

Почему ты сказала ему, что я твой брат?

— Со страху.

— Но у вас ведь с ним ничего не было?

— Ну почему, было.

— Снова здорово! Так было или не было?

— А что ты имеешь в виду?

— А ты что?

— Ну ведь он мне предложение сделал. Значит, я должна...

— Ничего это не значит. Получается, я уже должен был бы быть женат на своей секретарше, если ей так захотелось. Так чего ты испугалась?

— Во-первых, что он будет кричать, ругаться. А во-вторых, что приедет сюда и заберет меня к себе.

— Как это заберет? Ты ведь не хочешь, если мне не изменяет память? Ты же не вещь.

— Он так просто не уедет, — сообщила я. — Он тут все разгромит.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Тон у него такой... злой. — Я никак не могла найти подходящего слова. —

Или нет, угрожающий.

— Ну что же, Серафима, давай по порядку. Обо всех своих несчастьях ты мне уже рассказала, давай теперь рассказывай еще об одном — Климе.

И я стала рассказывать. История была довольно короткая, потому что состояла только из нашего знакомства и однообразных скитаний по ресторанам. Каждый наш «выезд» был похож на другой, поэтому описывать их не имело смысла.

Познакомились мы в клинике, куда он привел на вакцинацию малюсенькую болонку, брезгливо держа ее в вытянутой руке. В тот день у нас было много операций, и мы дежурили вместе с Веркой. Она, разглядев «ауди» под окном, выбежала навстречу, выхватила у Клима болонку и начала сюсюкать с ней, как с родной дочерью. То есть с родной дочерью она, конечно, так никогда не сюсюкала. И вообще теперь делала вид, что ни детей, ни мужа у нее нет и в помине. Я сидела тихонько в кабинете и сквозь жалюзи, попивая чай после сложной двухчасовой операции, наблюдала, как Верка облапошивает очередного приглянувшегося ей мужика.

А Верка, надо сказать, была в ударе. Посюсюкав с собачкой, а это всегда наполовину покоряло клиента, она вспомнила о своем великосветском происхождении и, аккуратно снимая с халата собачью шерсть, завела с посетителем изысканную беседу о судьбе и недавней гибели принцессы Дианы, которая была в то время, по ее словам, «у всех на устах». Очевидно, имелись в виду уста таких светских особ, как сама Верка, потому что, например, у моего соседа дяди Пети как был на устах один только мат, так и остался, несмотря на гибель такой замечательной принцессы. Вот сейчас, исходя из опыта моих наблюдений за тотальным Веркиным охмурением, последует сладенькая такая улыбочка, и он предложит ей встретиться и переговорить об английской династии где-нибудь в другом месте. Верка уже распахнула свой халатик, сославшись на духоту, и выставила вперед все, что носила в декольте.

Однако посетитель никак не прореагировал ни на ее сюсюканье, ни на светский тон, ни на прочие прелести. Он все время шарил вокруг глазами, как будто что-то искал. «Торопитесь!» — подумала я и вышла к ним, чтобы пригласить на прививку. Посетитель вперился в меня взглядом, словно я и была тем, что он так долго и тщетно разыскивал. Он протянул мне руку.

— Клим.

— Серафима, — представилась я.

— Вероника, — пыталась вклиниться со своей рукой Верка, но Клим ее даже не заметил.

Я смутилась, но, собравшись с мыслями, быстро оформила все документы и сделала собачке прививку.

— Сима, — сказал тогда Клим, — я приглашаю тебя сегодня на ужин в «Асторию».

Верка тихо сползла по стенке у него за спиной и закатила глаза, словно ее полоснули ножом по горлу.

— Скажи мне свой адрес, я за тобой заеду, — и Клим достал блокнот, приготовившись записывать. — В половине шестого буду. Жди...

— Он тебе понравился? — спросил Федор.

— Ни капли.

— А зачем ты согласилась поужинать с ним?

— Да он, собственно, меня и не спрашивал.

— Ну хорошо, а когда он ушел, ты могла подумать в спокойной обстановке и отказать ему потом, когда он позвонил?

Наверно, я так и сделала бы. Телефон в этом смысле был моим надежным другом и защитником. Раз в два года на моем пути попадался робкий молодой человек, а если точнее — то совсем не молодой, а довольно потасканный человек в полинявшей одежде и с погасшим взглядом. Как правило, это был один и тот же тип мужчины — донжуан в отставке. Он шестым чувством определял, что я именно то существо, которое не пошлет его подальше сразу же, стерпит смиренно все его сальные комплименты и даже даст номер телефона.

В принципе всем этим мужчинам нужна была не я, а последняя попытка соблазнить женщину после длинной полосы неудач. Встречались они мне обычно не на работе, а в гостях у Веры, куда я ходила раз в год на день рождения ее дочери. Очевидно, на рождениях самой Веры собирались только избранные особы, а к дочери можно было пригласить и второсортных. Тем более что девочке было все равно, кто собирается за столом и чего они там празднуют. Она весело скакала на улице с подружками и совсем не ведала о том, что гости собрались в ее честь.

Так вот, именно там, между заливной рыбой и десертом, один из гостей успевал разобраться, с кем имеет дело, и начинал усиленно подливать мне шампанское, которое я всегда терпеть не могла, потому что, кроме изжоги и икоты, никаких ощущений оно у меня не вызывало. Потом в обязательном порядке следовал танец под одну и ту же излюбленную Веркину песню «Женское счастье: был бы милый рядом», донжуан приглашал меня, а Верка клала голову на плечо мужа и наблюдала за нами, всем своим видом показывая, что такой идеальной пары еще не видела. Потом мой ухажер записывал «телефончик» и, таинственно улыбаясь, обещал забежать как-нибудь ко мне на чашечку чая или для философской дискуссии, гаденько потирая при этом руки под понимающие взгляды гостей.

Провожать меня никто не брался. То есть напрашивались сначала, но как только узнавали, что я живу на другом конце города, сразу вспоминали о каких-то неотложных делах, требующих завершения.

А через несколько дней раздавался звонок. И тогда телефон становился каменной преградой на пути ко мне. Сначала, определив, кто меня беспокоит, я начинала хрипеть и кашлять в трубку, уверяя, что страшно больна. «Чем?» — осторожно спрашивал мой «поклонник». «Какой-то вирус», — беспечно бросала я, и наша предполагаемая встреча откладывалась на две недели. Через две недели у меня начиналось расстройство желудка, а потом такой больной женщине либо переставали звонить, либо я сама не подходила больше к телефону.

Однако Клим никогда не звонил мне домой. Он приезжал с гвоздиками: три полумертвых цветка в помпезном зеркальном целлофане с разноцветными ленточками. Он говорил: «Переодевайся. Я жду тебя в машине» — и ни разу не переступил порога моей квартиры.

— Я даже не думал, что есть люди, с которыми происходят столь странные вещи, — задумчиво сказал Федор.

— А мне и в голову не приходило, что это может показаться кому-то странным.

В один прекрасный день, когда мы мирно жевали цыпленка табака в каком-то ресторанчике на Садовой, Клим вдруг сказал без всяких предисловий:

— Сима, а не кажется ли тебе, что в нашем с тобой возрасте пора уже обзаводиться

семьей?

И не успела я пожать плечами, как он развил свою мысль:

— Мы ведь уже достаточно знакомы, чтобы ты могла разглядеть во мне прекрасную партию и сделала вывод, что лучше меня тебе никого уже не найти. Поэтому предлагаю твой вывод оформить документально, то есть расписаться и сыграть свадьбу.

Мне показалось, что косточка застряла у меня в горле, я округлила глаза и перестала жевать.

— У меня шестикомнатная квартира, нуждающаяся в заботливой женской руке, — продолжал Клим, — машина, кое-какие сбережения. Медовый месяц проведем в Греции, я уже договорился на работе.

— А-а-а меня с работы не отпустят...

Глупо, конечно, но в тот момент я никак не могла найти более существенную причину, чтобы отвертеться от его предложения. В глубине души я искренне надеялась, что Клим разочарованно вздохнет после моего сообщения и скажет: «Ну тогда ладно, не будем жениться». Но этого не произошло.

— Вздор, — сказал он. — Работа твоя, Сима, — вздор. И зарплата — вздор. Тебе не нужно будет больше работать. Ты сможешь посвятить себя целиком нашему дому. Согласись, не каждой женщине выпадает такая удача.

Я мысленно согласилась и позавидовала сразу всем женщинам, лишенным ее.

— Пойдем потанцуем, — сказала я, чтобы хоть как-то отвлечь его от странной идеи жениться на мне.

Дожевывая цыпленка, Клим, ухмыляясь, встал, решив, очевидно, что я одобряю ход его мыслей, и, обойдя стол, протянул мне руку. Рука была жирная, я понимала, что платье мое будет испорчено, но мне нисколько не было жаль его. Пока мы танцевали, да и весь остаток вечера я возбужденно болтала, не давая ему вставить слово. Я делала это не специально. Сработала какая-то защитная реакция организма, выплескивая сумбурный нескончаемый поток слов. У моей двери, где мы обычно прощались, этот поток забил фонтаном, но Клим все-таки прервал меня:

— Я рад, что ты так все восприняла. Завтра суббота. Нам с тобой нужно будет встретиться в воскресенье и обсудить все детали бракосочетания.

Когда я переступила порог своего дома, то припала к двери, словно она нуждалась в подпорке, словно Клим мог вышибить ее и ворваться сюда. Но шаги его давно смолкли внизу. Руки мои совсем окоченели, и я сунула их под теплую воду и простояла так минут двадцать, пока они не начали понемногу оттаивать.

Ровно половину субботнего дня я провела в поисках выхода из сложившейся ситуации. Но ситуация была похожа на мышеловку, а я на беспечную мышь, которой уже защемили хвост. В полдень я вспомнила, что когда-то Клим давал мне номер своего телефона. Перерыв весь дом, я отыскала все-таки клочок бумаги с этими цифрами и дрожащей рукой набрала номер.

Зловещий женский голос уведомил меня, что никого нет дома, и предложил оставить сообщение на автоответчике. Я положила трубку на рычаг, но как только она коснулась аппарата, сообразила, что автоответчик — это гораздо лучше, чем живой Клим. Он ведь не будет меня уговаривать, не станет настаивать на встрече, не обругает. Я снова набрала номер и, нетерпеливо выслушав во второй раз все, что говорила мне мадам-автоответчик, быстро пробормотала:

— Это Сима. Встретиться в воскресенье не смогу. У меня дежурство, совсем забыла. Извини.

Потом я позвонила Ольге, потому что именно у нее было дежурство в воскресенье, и предложила подменить ее. Уговаривать ее не пришлось, потому что ей, разумеется, в выходной хотелось побыть с семьей, а не с собаками. Потом я выключила телефон из розетки, сбегала за продуктами, а когда вернулась, покрутила дверной звонок, чтобы он вышел из строя. Я решила не светиться и никуда из дома до воскресного утра не выходить. Субботу я провела словно в осаде. Поминутно мне мерещились шаги на лестничной клетке и казалось, что кто-то дергает дверную ручку. Я даже телевизор и свет не включала в целях конспирации. В два часа ночи, когда мне точно никто не мог позвонить, я включила телефон и заснула, наконец, сном притомившегося партизана.

— И это весь ваш роман? — спросил Федор.

— Весь, — подтвердила я.

— И ты собиралась выходить замуж за совершенно незнакомого человека?

— Я не хотела!

— Но вышла бы!

— Наверно, да, — вздохнув, призналась я. — Как бы я ни упиралась, все события подталкивали к этому шагу. Но мне, правда, очень не хотелось.

— А теперь?

— Что теперь?

— Теперь что ты будешь делать?

— Теперь буду прятаться.

— А почему ты не можешь встретиться с ним и все объяснить?

— Он меня и слушать не станет!

— А ты попробуй.

— Я боюсь. Я вообще с удовольствием уехала бы в другой город.

— В какой?

— Все равно, лишь бы только меня оставили в покое.

— Ладно, — сказал он, — на сегодня все. Давай спать. У меня две комнаты и два раскладных кресла, не считая дивана.

Я посмотрела на часы и вздрогнула. Я упивалась рассказами о своих неприятностях до трех часов ночи.

— Не-е, я лучше в офис.

— С ума сошла? Сторож — и тот спит давно... Я тебя не съем, даю слово. История твоя на редкость странная. Да и сама ты не то чтобы обычная, Серафима. Но я сейчас уже плохо соображаю. Завтра что-нибудь придумаем, ладно? Единственное, что я понял, что ты все делаешь не так, как надо. Ну да ладно. Диван, на котором ты сидишь, в полном твоём распоряжении. Вот постельное белье. А я, значит, пойду туда, в соседнюю комнату.

А сам остался стоять и вопросительно смотреть на меня.

— Ну, хорошо, — сказала я, чувствуя, что то ли краснею, то ли меня кинуло в жар от нестандартности ситуации. А может быть, от чего другого, мне пока не знакомого.

— Хорошо. — Он помолчал. — Если что нужно, крикни или стукни в стенку.

— Обязательно.

— Спокойной ночи?

— Спокойной ночи.

В этот день я поняла, что спокойные ночи бывают только дома, на любимой тахте. И еще я поняла, что бывают такие беспокойные ночи, которые вспоминаешь, потом с самыми теплыми чувствами.

Я постелила белоснежную простыню, бросила поверх нее одеяло. Осторожно, словно шорох одежды мог стать чем-то вроде взрыва посреди этой ночи, разделась, предусмотрительно оставив на себе как можно больше вещей. Полежав минут пятнадцать с закрытыми глазами, я поняла, что сон вовсе не собирается принять меня в свои объятия. Мне казалось, что я слышу музыку откуда-то с верхнего этажа. То ли там что-то праздновали, то

ли все это было наваждением, но слова, звучащие в такт мелодии, объясняли и мое теперешнее состояние, и, может быть даже, состояние моего соседа, который за стенкой усиленно ворочался с боку на бок и, похоже, тоже никак не мог уснуть.

«Он мне нравится», — сказала я мысленно сама себе то, что давно витало в воздухе, еще с той самой минуты, когда он сидел на полу в кафе и ошалело оглядывался по сторонам. Сказала и испугалась. Не может быть! Мужчины чаще всего вызывали у меня чувство собственной неполноценности, и, если не были достаточно настойчивы, я не испытывала к ним отвращения.

У меня были возлюбленные когда-то. Но это было так давно, что я об этом уже и не вспоминала. Один из них преподавал у нас в ветеринарном техникуме биологию. Он был на десять лет старше меня, говорил много и, как мне тогда казалось, необыкновенно умно. В любви же он был краток. Не то чтобы скуп, а лаконичен, как предложение из подлежащего и сказуемого. Этаким двучлен — и никаких тебе эпитетов.

Другой увлеченно читал стихи собственного производства и стрелял у меня трешки в долг. «В долг» — это так называлось, потому что отдавать их он не собирался. Но я не обижалась. Мне было приятно, что он сваливался как снег на голову. Трзвонил в половине двенадцатого ночи в мою дверь и сыпал рифмами прямо с порога. Потом съедал мой запас провизии на неделю и дарил мне свою любовь, как литературную премию.

Мне не нравились его стихи, но очень нравилось, как он их читал: в нем погиб большой артист. Но однажды он исчез, а через пять лет я встретила его у метро. Он сидел там с аккордеоном и пел песню «Вологда», а вокруг стеной стоял кружок пенсионеров. Перед ним был распахнут футляр от аккордеона, и кое-кто бросал туда мелкие монеты. Вид у моего друга был весьма помятый и, как говорится, спитой. Я не стала останавливаться и обнаруживать себя и быстрым шагом прошла мимо. Вслед мне несся его голос со знакомым надрывом и появившейся хрипотцой.

Вот и вся моя любовная практика. К этим мужчинам я испытывала однозначное чувство благодарности за то, что они выделили меня из толпы, подошли поближе и дали себе труд разглядеть меня попристальнее. Возможно, они тоже меня целовали, я уже не помню, но поцелуй, отправляющий в глубокий транс, был для меня открытием. Наверно, именно в этот момент сердце мое окончательно сдалось на волю своего победителя, хотя я как взрослая женщина и тем более как женщина, которая немного старше, еще пыталась призывать на помощь здравый смысл и сопротивляться.

Теперь, лежа в постели, я с ужасом припоминала, как полностью отключилась после первого же прикосновения его губ к моей щеке, и от одного этого воспоминания по телу ползли мурашки. А в небе ко всему прочему висела огромная круглая луна, освещающая комнату лучше любой лампы. Музыка, или покачивания луны (или танец облаков вокруг нее?), или все мои нелепые мысли, но что-то заставило меня подняться и пойти на кухню. Мне захотелось пить. Казалось, без воды я больше не смогу прожить и минуты. Закутавшись в одеяло, я наклонилась к крану и припала к воде, как путник, скитавшийся три дня и три ночи в горячих песках Каракумов.

В тот же миг открылась дверь в соседнюю комнату, и на кухню вышел Федор.

— Привет, — сказал он, и мы расхохотались, потому что оба были в одеялах, как близнецы. — Я тоже пить хочу.

— Луна спать мешает, — пыталась оправдаться я.

— Задерни шторы.

— Но ведь я все равно знаю, что она там...

— Да?

Лунные волны стали проникать и на кухню, а музыка зазвучала громче. Судя по взгляду Федора, он все это тоже слышал и чувствовал, и реагировал на все это точно так же, как я. Мы перебросились еще парочкой каких-то незначущих фраз и разошлись, но теперь все изменилось.

Музыка добрых эльфов перешла в восторженный марш, и сердце мое забилося в том же ритме. Теперь я была почти уверена в том, что тоже ему понравилась. Еще я знала, неизвестно откуда, но все-таки знала, что, если я сейчас стукну в стенку, он незамедлительно явится ко мне с самыми любопытными намерениями. И если через час стукну — тоже явится. И даже если стукну под утро. Это было новое для меня ощущение. Я почувствовала себя чуть ли не сверхчеловеком, а точнее — сверхженщиной, в руках которой мужчина приобретает восковую мягкость. С ним можно было делать все что угодно, потому что он целиком и полностью находился в моей власти. Никакие «не может быть» больше не лезли мне в голову. Все зависело только от меня.

Я сладко засыпала, чувствуя себя впервые в жизни повелительницей, словно став на целую голову выше той Серафимы, которой всегда была. Я засыпала спокойно, будто Федор дал мне обещание, что никуда теперь не денется. Влюбленность зрела во мне как сладкий плод, и мне не хотелось торопиться срывать его до времени. Мне, может быть, даже и Федора теперь несколько дней было не нужно. Я могла бы блуждать где-нибудь в парковой зоне и вынашивать в себе это чудесное чувство, доводя удивительный плод до состояния зрелости.

Внутри открылась потайная дверь, и душа моя, намаявшаяся взаперти, устремилась пчелкой к золотисто-зеленым бескрайним лугам, разливающим запах меда на многие мили...

Утром я открыла глаза, как только прозвенел будильник в соседней комнате.

— Серафима, — закричал мне оттуда Федор, — подъем! А то сейчас займу ванную, будешь ждать годы!

— Я первая! — Мой голос звенел, как в детстве на пионерских зорьках во время речевки.

Когда я вышла из ванной, смыв все свои прежние горести и окрыленная только новыми чувствами, Федор спросил меня:

— Одно покоя не дает. Откуда твой хахаль узнал номер моего телефона?

— Я как-то об этом не подумала, — пролепетала я.

— Вот. — Он поднял указательный палец вверх. — Мы вчера думали совсем не о том.

И удрал в ванную. А я пошла на кухню, решив проявить хоть какие-нибудь кулинарные склонности в виде бутербродов с маслом и кофе, если найду. Интересно, он сказал мне все это для того, чтобы донести до моего сознания первую мысль, про Клима, или вторую — про то, о чем мы с ним вчера думали? Разумеется, размышления о второй части были мне теперь намного ближе, но я никак не могла выбросить из головы первую. А действительно, как же он узнал, где я?

Не успев задать себе этот вопрос, я почувствовала, как во мне закипает незнакомое доселе чувство. Что-то похожее на негодование. И чем больше я думала о Климе, тем отчетливее оно обнаруживало себя. Я даже определила причину этого нового чувства. Оно развилось оттого, что мне мешали наслаждаться садовоогородническими трудами по доведению плода моей влюбленности до оптимальной кондиции.

«Да кто он такой, этот Клим? Что ему надо от меня?» — промелькнули крамольные мысли и тут же осели на дно, сжавшись до размеров бисера. Мне снова стало страшно, что придется объясняться с Климом и, возможно, провести с ним остаток моей безрадостной жизни. Но страх был теперь какой-то ненастоящий. Он скользил по бисеру возмущения, рассыпавшемуся на дне моего сознания, не в силах укрепиться там и пустить корни. В душе теперь зрело упрямство, и все мои чувства, объявив общую мобилизацию, встали на защиту незрелого плода любви.

Федор вышел из ванной весь мокрый и, насвистывая, направился ко мне на кухню.

— Вот это да! — сказал он, пересчитывая бутерброды, которые я автоматически намазывала последние пятнадцать минут. — Ты все это съешь?

Я посмотрела на тарелку и ужаснулась, но, решив не сообщать ему сразу, какая я растяпа, объяснила:

— Хочу взять с собой вместо обеда.

— А-а-а, — протянул он не очень уверенно — оттого, наверно, что я расхозяйничалась в его доме.

В это время зазвонил телефон. И мне стало дурно. Федор посмотрел на меня и взял трубку:

— Я слушаю. Нет, Серафимы здесь нет. Звонили в офис? Простите, а кто вам дал этот телефон?.. Бросил трубку, — сообщил Федор, оборачиваясь ко мне. — Он и рабочий мой номер знает, вот чудеса. Может, он в органах работает?

— Да нет, он чем-то торгует.

— Ты уверена?

— Он сам говорил, — сказала я и только теперь подумала, как глупо верить каждому чужому слову.

Действительно, я ведь ничего не знаю о Климе. Совсем ничего. Только то, что он сам счел нужным рассказать мне. Это понятно, мне ведь все это было неинтересно.

— Внимание! Оглашаю план на сегодня, — строго сказал Федор. — Даю тебе отгул на полдня. Съездишь в свою контору и привезешь трудовую. Буду тебя на работу оформлять. А то тебя того и гляди сманят замуж, а я без секретарши останусь, — подмигнул он мне.

— Не сманят, — сказала я почти твердо.

— О! — обрадовался Федор. — Чувствую нотки уверенности в голосе. Прорезалось, значит. Это хорошо. Кстати, погода портится, тебе не кажется?

— Да вроде бы.

— Ты до декабря собираешься в таком виде по улицам разгуливать? Зонт у тебя хотя бы есть?

— Нет.

— Нужно будет заехать домой и взять необходимые вещи. Позвони своей Светлане.

Мне очень не хотелось звонить, но действительно погода портилась с каждым днем, по небу вот уже неделю бродили тучи, так что пора было одеваться потеплее.

— Никто не берет трубку, — сообщила я минут через пять.

— Ладно, позвоним вечером. А теперь — вперед, клиенты ждут.

Полдня мы работали без «перекуров». Люди шли сплошным потоком, Федор давал им четкие и ясные консультации, а я по его просьбе коротко протоколировала прием, записывая, кто и по какому поводу приходил. Если клиент просил посмотреть его дело, я назначала час и дату второго визита, ориентируясь по расписанию на следующую неделю, светящемуся на экране компьютера.

В два часа, наспех попив кофе с многочисленными бутербродами, которые я не позабыла захватить, Федор принялся выгонять меня:

— Давай, вперед. И без трудовой не возвращайся.

Мне очень не хотелось ехать, но это было необходимо, так говорил Федор, и он был прав.

В клинике по-прежнему шли операции, сидели в приемной люди с собачками на поводках и с кошечками в сумках. Увидев меня, Галина Ивановна, наш хирург, спросила удивленно и немного разочарованно:

— Ну что ж это вы, Симочка, оставляете нас. А я думала, вам здесь нравится, — и пригласила следующего посетителя в свой кабинет.

«Наверно, ее не ввели в курс дела», — решила я и пошла искать бессменно теперь дежурившую Ольгу. К моему удивлению, в комнатке медсестер сидела незнакомая молодая девушка в белом халате.

— А где Оля? — спросила я ее.

— Она на операции. А я дежурю.

— Вы новенькая? — удивилась я.

— Да, — ответила девушка. — А что такого?

Я ничего не могла понять. Мне сказали, что мое место сокращают. А сами тут же взяли на работу другую медсестру. Может быть, она чья-то родственница?

— Я хотела забрать трудовую. Моя фамилия Верещагина.

— Да, да, я в курсе, сейчас, — сказала девушка и, порывшись в сейфе, выдала мне документ. — Вот, пожалуйста.

Я забрала трудовую и отправилась в обратный путь. Все это мероприятие заняло у меня часа два. Когда я вернулась, в коридорчике сидела небольшая очередь, а Федор бегал от своего стола к моему.

— Садись, — бросил он мне, — дел много.

Я помахала трудовой книжкой, и он одобрительно кивнул.

К семи у нас образовались перерывчики между клиентами, но мы настолько устали, что успевали только попить кофе или перебраться парой фраз.

В восемь Федор закрыл дверь и вздохнул:

— Все! Ура! Пошли ужинать.

— Опять? — удивилась я.

— Ну-у-у... мне же скучно одному. И тебе тут тоже, наверно.

— Не знаю, — засмеялась я, — не пробовала.

— Кстати, давай сюда документы, я тебя приватизирую.

— Что ты со мной сделаешь?

— Оформлю в свою трудовую собственность, — радостно сказал он, достал печать, раскрыл мою книжку и застыл на некоторое время, углубившись в чтение, а потом как закричит: — Серафима!

— Да?

— Что это?

Я заглянула в трудовую и опешила. Я не была уволена по сокращению штата. Я даже не была уволена по собственному желанию. Я была уволена по статье за прогулы!

— Не знаю, — пролепетала я.

— Опять вранье!

— Да нет же, нет. Меня уволили по сокращению. Там девушка новенькая, наверно, что-то напутала.

— Ты извини, Серафима, я не могу взять тебя на работу, пока все не проверю, — устало сказал Федор.

Могу поклясться, что в этот момент он меня уже нисколечко не любил. То есть его симпатия ко мне висела на волоске, и он хотел одного — выбросить меня из головы, если все мои рассказы окажутся чистой воды вымыслом. Я поняла, что если сейчас же не предприму что-нибудь, не докажу, что говорила ему правду — и про работу, и про Клима, — то уже завтра ему будет абсолютно все равно, правда это была или вымысел. Поэтому я решительно сняла трубку и набрала номер телефона своей клиники.

— Ольга, — обрадовалась я, услышав знакомый голос, — привет. Оль, я на работу устраиваюсь, тут интересуются, почему меня уволили, ты не могла бы поговорить с моим начальником отдела кадров? Сейчас, передаю трубочку.

— Здравствуйте, — сказал Федор, которому я сунула трубку. — Да. Да. Вы присутствовали? То есть вам тоже так сказали? А кто у вас оформляет трудовые? Пригласите ее, пожалуйста. Зинаида? Я по поводу увольнения Верещачиной. Не знаете ее? А кто дал такую команду? Как с ним связаться?

— Как связаться с вашим директором? Он, говорят, на работе не появляется, — спросил меня Федор, закрывая телефонную трубку.

— Сейчас, — ответила я ему. — Олю, пожалуйста. Ольга, там в столе есть телефон директора на крайний случай. Да, у меня крайний. Продиктуй. И адрес? Тоже давай, пригодится! Спасибо, пока.

Вид у меня к этому моменту был такой, словно я шла в атаку впереди батальона под непрерывающимся огнем противника.

— Выглядишь неплохо, — оценил Федор. — Что дальше?

Я снова сняла трубку и, вдохнув побольше воздуха, набрала домашний номер телефона директора. Федор тем временем снял трубку параллельного телефона, вытянул ноги и полулежа в кресле приготовился слушать.

— Валентин Никитич? Сима. Как это случилось, что меня по статье уволили?

— Ну, Симочка, — жуя и вкусно причмокивая, сообщил мне он, — ты ведь перестала на работу ходить!

Я мельком глянула на Федора, по лицу которого пробежало чуть заметное облачко скуки и разочарования.

— Это Вера перестала на работу ходить, потому что вы ее в отпуск за свой счет отпустили. А мне вы сказали, что сокращаете штат. — Голос мой звенел, как школьный звонок на перемену.

— Сима, давай не будем, — сказал он и положил трубку.

Федор тоже положил трубку и сразу как-то перестал меня узнавать. То есть я была для него уже совсем не той Серафимой, которую он поцеловал вчера. Я становилась обыкновенной лгуньей, ни одному слову которой нельзя верить. Это было ужасно. Я почувствовала, как у меня опускаются руки, но все-таки, собрав всю свою волю, которая у меня неожиданно сегодня обнаружилась, вспомнив о большой желтой луне, разливающей свои флюиды по комнатам, я решила, что за это стоит бороться, и снова набрала номер телефона директора.

— Это снова я, не вешайте трубку и слушайте внимательно. — Краешком глаза я заметила, что Федор нерешительно снял трубку. — Через полчаса я и мой адвокат подъедем к вам домой, и вы в его присутствии объясните мне, за что и как вы меня уволили. Завтра с утра я подаю на вас в суд.

— Какой адвокат? Сима, не смейся. — И он совершенно искренне рассмеялся. — Ты и адвокат. — Снова в трубке послышался смех.

— А я не вижу в этом ничего смешного, — неожиданно прорезался голос Федора. — Если вы поступили незаконно, вам придется отвечать.

— Это еще кто такой? — искренне удивился Валентин Никитич.

— Это... — и Федор полностью назвал свою должность и организацию, которую представляет, и даже номер лицензии.

— Вы что, серьезно?

— Абсолютно, — к Федору возвращалась его природная веселость. — Я еще не проиграл ни одного дела, так что отбросьте надежды, если они вас пока тешат.

— Хорошо. — Директор все еще жевал, но уже без всякого аппетита. — Я хотел бы встретиться с вами лично.

— Давайте не откладывать, а то клиент настроен решительно.

— Это Сима-то?

Трудно вести разговоры и одновременно пережевывать пищу. Директор все-таки подавился и закашлялся.

— Приезжайте. — Он начал диктовать адрес, но Федор прервал его:

— У меня есть ваш адрес.

— Уже есть!

— Я тоже поеду! — твердо сказала я, когда мы одновременно положили телефонные трубки.

— Разумеется. — Он что-то искал в моих глазах и, похоже, находил. — Тебе никто не запретит.

Автомобиль казался мне теперь самым лучшим другом человека. Он сжимает километры пути в несколько минут, в отличие от переполненного автобуса, где за одну остановку тебе так намнут бока, что лучше идти пешком в другой конец города. Но самое главное, что в автомобиле настроение не меняется, как в городском транспорте, где практически все раздражает и заражает. То есть с каким настроением я села в машину, с таким и вышла из нее ровно через пятнадцать минут. Моя решительность не угасла, и я первой вошла в подъезд.

Валентин Никитич в зеленом спортивном костюме с фиолетовыми лампасами открыл нам дверь и заулыбался:

— Симочка, заходите, заходите, пожалуйста.

Он взял меня под локоток и повел напрямик на кухню, где хлопотала над чайным сервизом дородная блондинка, по всей видимости его жена. Усадив меня за стол, она начала быстро и приветливо говорить, пересказывая только что просмотренную серию мексиканского сериала.

Я повертела головой и тут увидела, что ни директор, ни Федор на кухню за мной не проследовали.

— А где...

Но прервать хозяйку оказалось не так-то просто. Не обращая внимания на мои потуги высказаться, она сыпала и сыпала словами, пока связь между ними не была окончательно утрачена. Тогда она перевела дыхание, а я встала. И тут же добрые глаза хозяйки метнули в мою сторону тревожные молнии. Я быстро прошла в коридор, а она поспешила сзади, пытаясь ухватить меня за руку. В коридоре я наконец услышала голоса, доносящиеся из комнаты, и резко открыла дверь.

— Ах вот вы где! Рассказываете, как я работу прогуливала? В этот момент я могла бы броситься на директора с кулаками, несмотря на разницу в весовых категориях.

Федор посмотрел на меня задумчиво, встал, взял за плечи и повел на кухню.

— Все в порядке, — шепнул он мне по дороге. — Подожди меня здесь, — и усадил за стол, рядом с которым тут же возникла хозяйка, обиженно поджавшая губы.

Его шепот успокоил меня. Раз он со мной шепчется, значит, он за меня, а не за них. Значит, он мне верит. Я машинально размешивала сахар в чашке и изо всех сил пыталась уловить и расшифровать какой-нибудь звук, долетавший из комнаты. Но хозяйка нарочно шаркала тапочками, прохаживаясь из угла в угол, а я все тянула и тянула шею в направлении двери, пока не покачнулась на трехногий табуретке и чуть не упала.

Через несколько минут из коридора меня позвал Федор:

— Серафима, пора.

— Счастливо. — Валентин Никитич смотрел на него затравленно.

Я открыла было рот, но Федор взял меня под руку и вытащил из квартиры. На лестничной клетке он протянул мне трудовую, и я убедилась, что запись там заменена на новую: уволена по собственному желанию.

— Зачем он это сделал? — спросила я Федора, пристегнув ремень безопасности.

— Исправил запись?

— Нет, зачем ему было увольнять меня по этой статье? Я проработала в клинике десять

лет и за все это время ни разу даже не опоздала. Что я ему сделала?

Федор разглядывал меня теперь пристально.

— Что-то в тебе, Серафима, такое есть. Только не пойму еще — что.

— Ты о чем? — Я почувствовала, как жар разливается по щекам и спускается вниз, охватывая все тело.

— Не об этом, — засмеялся Федор, разворачивая машину. — Ладно, дома расскажу.

Мне очень хотелось спросить, что же ему наговорил директор, но слова «дома расскажу» заставили меня проглотить язык. Значит, мы опять едем к нему. Ого! Интересно, луна уже пошла на убыль или собирается все так же активно смущать добропорядочных граждан?

Дома Федор определил круг моих обязанностей на кухне в рамках грязной посуды, а сам сел чистить картошку.

— А теперь, Серафима, послушай замечательную историю. Жил ваш директор на свете и горя не знал. Но однажды пришла к нему зловещего вида женщина и сказала, что Серафиму Верещагину следует немедленно уволить.

Я смотрела на Федора во все глаза, забыв о посуде.

— Ты мой, мой, — напомнил он мне, — не отвлекайся. Директор же только накануне отправил в отпуск одну из сотрудниц, и Серафима была ему необходима, как воздух. «Извините, — сказал он. — Сейчас не могу». Тогда, как он утверждает, женщина стала угрожать ему. Но только я думаю, что положила она перед ним конверт с валютой и добавила, что вы, мол, уж за нее-то не беспокойтесь, у нее жених богатый, она не пропадет.

— Чуть, — сказала я. — Не может этого быть.

— Это еще не все! А через несколько дней позвонил мужчина, и на этот раз, думаю, угрозы были настоящими. Мужчина потребовал, чтобы тебя не просто уволили, а уволили по статье. Сделать это оказалось легче легкого, потому что рассеянная Серафима не забрала трудовую книжку — раз, и перестала ходить на работу сразу после устного уведомления директора о сокращении штата — два. Повезло тебе только в том, что Ольга хорошо запомнила эпизод с твоим увольнением. Ей тогда несладко пришлось, она по двенадцать часов работала каждый день.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на меня.

— Да этого не может быть! Врет он все!

— Серафима, ему это явно не было нужно. Ты ведь действительно могла подать на него в суд. Зачем ему неприятности? Тем более он сам говорит, что работала ты всегда прекрасно и никаких претензий у него к тебе не было. Он дурака сваял, что взял конверт у той женщины. Он решил, что тут какие-то женские дела. А когда позвонил мужчина с угрозами — понял, что вляпался, что все гораздо серьезнее.

— Может быть, это тот псих звонил, который ходил за мной по пятам? — недоумевала я.

— Товарищ Мокричкин? Не думаю, что он, живьем ли, по телефону, смог бы произвести хоть какое-то впечатление на Валентина Никитича. Нет, тот, кто звонил, по его словам, имел самый решительный тон и, похоже, настроен был весьма воинственно. А теперь подумай, Серафима, кто бы это мог быть?

— Понятия не имею!

— Ну подумай, кому ты насолила? Что за женщина тебя преследует?

— Никому.

— У тебя были, э... — Он замялся, видимо, надеясь, что я ему помогу, но я не представляла, о чем идет речь.

— Что?

— Ну как бы это сказать? Романы с женатыми мужчинами.

— Да у меня вообще никаких романов не было!

— А ты припомни.

Он взял миску с начищенной картошкой и принялся крошить ее на сковородку.

— Давай рассказывай. Я адвокат, мне можно, — сказал он, не глядя на меня, тоном, каким врачи обычно говорят «раздевайтесь».

Пришлось, запинаясь и опуская детали, рассказать ему в двух словах о моих взаимоотношениях с мужчинами.

— Не то, — изрек он, когда я замолчала. — Дальше.

— А дальше Клим.

— Клим твой не из той оперы.

— А из той — всё, — вздохнула я.

Нож замер в его руке:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что в последние пять лет не вступала...

— Хочу! — прикрикнула я на него, нервно подсчитывая, сколько же лет прошло с тех пор, когда мой последний товарищ пел не «Вологду» у метро, а «Гоп-стоп» у меня дома.

— Это интересно, — обронил Федор, но тут же спохватился и нарочито серьезно спросил: — А этой женщиной могла бы быть Света?

— Веркина сестра? Нет. Зачем ей?

— Мало ли. Может быть, Верка положила глаз на твою квартиру, например. Решила сестру пристроить в Питере.

— Она бы со мной так не поступила...

Федор закончил крошить картошку, подлил масла и поставил сковороду на огонь.

— Ты знаешь, за время своей практики я столько раз слышал эту фразу! Каждый, кого обвели вокруг пальца, долго не может поверить в коварство замыслов своих ближних. А самые коварные замыслы обычно плетут именно люди из ближайшего окружения: родственники, супруги, с которыми прожили двадцать лет, ближайшие друзья. А махинации с квартирами сейчас вообще стоят на первом месте. Директор описал мне женщину, которая к нему приходила: высокая блондинка с короткой стрижкой и со зловещим блеском в глазах. Никого не напоминает тебе?

— Нет.

— А твою захватчицу?

— Ну она, высокая...

— Вот...

— Но волосы у нее темно-каштановые и длинные.

— Может быть, парик?..

В этот момент раздался телефонный звонок.

— Это твой Клим заступил на вахту, — сказал Федор.

— Я не буду брать трубку.

— Нет, — Федор покачал головой, — ты ответишь. Извинишься за то, что не позвонила, и договоришься встретиться с ним завтра днем.

— Зачем?!

— Потом скажу, — Федор подталкивал меня к телефону. — Давай, я рядом, не бойся.

— Алло! — сняла я трубку.

— Сима! — ревел Клим голосом раненого дикого зверя. — Что происходит?

Федор сжал мой локоть, и я, стараясь говорить как можно спокойнее, но все равно заикаясь на каждом слове, ответила:

— Извини-ни, К-клим. Так получилось-ось. Работы было очень много. Давай-ай завтра д-днем встретимся.

— Давай, — быстро сказал он. — А почему ты снова там? Где твой брат?

— Он в к-командировке. Я пока здесь по-поживу.

— Хорошо, — вздохнул Клим с облегчением.

— А к-как ты узнал его телефон? — спросила я.

— Завтра расскажу, — отмахнулся он. — Давай встретимся у меня.

— У тебя на работе?

— Дома.

— Д-д-дома? — переспросила я, и Федор, догадавшись, о чем идет речь, отчаянно замотал головой. — Давай лучше у метро, — предложила я, — у Грибоедова.

— Все, договорились. Если не приедешь, найду тебя. Мне уже стало мерещиться, что кто-то тебя похитил и держит заложницей.

— Нет, завтра буду.

Из кухни вкусно пахло, и мы наперегонки побежали туда, подгоняемые мыслью, что наш ужин, брошенный на произвол судьбы, сейчас сгорит.

— Итак, Серафима, насколько я понял, ты совершенно равнодушна к своему жениху?

— Да. — Я тихо злилась, что он называет Клима моим женихом и в душе, наверно, посмеивается над моими любовными историями.

Но обжигающая картошка с хрустящей корочкой не настраивала гневаться, а располагала, наоборот, к самой мирной беседе.

— Значит, завтра будь понастойчивее. Во-первых, умри, но узнай, откуда у него мои координаты. А потом, когда он ответит тебе на этот вопрос, объясни ему наконец, что совсем не собираешься за него замуж. Скажи ему это определенно, чтобы у него не оставалось никаких сомнений.

— Это необходимо? — сморщившись, спросила я.

— Разумеется. Он мне уже надоед своими звонками. Отелло чертов! А вечером мы съездим к тебе домой. Хочу посмотреть на твою Светлану.

— Я несколько раз звонила туда — никто не берет трубку. Похоже, она сгинула.

— Или не хочет подходить к телефону.

Этим наш разговор о «грустном» ограничился, и мы стали весело жевать картошку, вспоминая сегодняшних клиентов.

— Ладно, — сказал Федор после ужина, — сегодня нужно выспаться. Завтра нас ждут серьезные дела. Пока! — и скрылся в своей комнате.

«И это все?» — раздосадованно думала я, оставшись одна. Значит, вчерашняя фантастическая ночь с таинственными мелодиями, значительными шорохами и лунными волнами больше не повторится? Выходит, она ничего не предвещала? Плечи мои опустились, а лицо приняло, наверно, самое унылое выражение. Вдруг дверь комнаты быстро приоткрылась, и Федор, выглянув, внимательно посмотрел на меня. Я моментально поднялась и засуетилась на месте, словно меня поймали с поличным.

— Хочу воды набрать, — важно и немного заносчиво сказал Федор, — чтобы ночью не бегать.

Он налил из чайника воды в стакан и гордо удалился в свою комнату. Но я могу поклясться, что оттуда тотчас же донесся его сдавленный смех. Ах вот, значит, как! Он надо мной потешается! Наверно, вчера я выглядела полной идиоткой в одеяле на кухне. Ну и хорошо, потому что я просто валюсь с ног после вчерашней бессонной ночи и сегодняшнего длинного дня. Он надеется уснуть раньше меня? Не выйдет!

Заглянув на минутку в ванную, я прыгнула в постель, завернулась по уши в одеяло, чтобы не слышать ни звука, и попыталась заснуть.

Минут через десять я наконец призналась себе, что лежу, крепко зажмурившись, честно пытаюсь ни о чем не думать, но все это не приводит абсолютно ни к каким результатам. Тогда я потихоньку стянула одеяло с головы. Дышать стало гораздо легче. К тому же я снова услышала музыку. На этот раз музыка лилась из комнаты Федора, еле уловимая. Или мне только казалось?

Тили-там, пела маленькая фея семи нот, мир гораздо больше, чем ты думала. Тили-там, ты еще и сотой части его не открыла для себя. Тили-там, жизнь никогда не кончится, она —

кругосветное путешествие в безбрежном пространстве. Тили-там, в ней так много любви, целое море любви, стоит только войти в ее воды. Тили-там, ты собираешься плыть или ты ждешь, когда вечность иссушит эти воды? Тили-там, ты ведь еще ни разу не замочила ног, чего ты медлишь? Все разочарования и беды тонут в одной лишь капле любви. Тили-там, подумай, жизнь твоя могла бы пройти мимо этих вод, но тебе повезло.

Сердце сладко урчало под этот мотивчик, как котенок, пригревшийся в теплой шали. Ради этих минут стоило прожить тридцать шесть лет в крошечной скуке. Ветер перемен разметал здравый смысл, словно октябрь осенние листья. И как бы сладко я ни жмурилась, как бы ни куталась в одеяло, я знала, что теперь не одна.

Когда я все-таки провалилась в сон, то даже не почувствовала перемены. Та же музыка — тили-там, то же ощущение счастья. Потом по лицу скользнула теплая рука, и рядом оказался Федор. Сон и явь одновременно пролились блестящим дождем с мучительносладким лунным оттенком.

— Я только хотел...

Тили-там: мы всю жизнь занимаемся тем, что чего-то хотим. Одних желания сжигают, но у нас с тобой совсем не тот случай.

— ...сказать...

Тили-там. Ты ведь понимаешь: что можно сказать словами? Главное всегда остается за ними, там, где вечный покой и абсолютное молчание.

— ...что ты очень красивая.

Тили-там: даже если тебе говорили это тысячу раз и ты устала слушать, все равно это — правда. Ты такая красивая, что у меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на тебя. И я забываю обо всем на свете.

— Какая?

Но это я спросила только для того, чтобы еще минуточку посмотреть в его синие глаза, на одно мгновение оттянуть неотвратимое влечение к океаническим водам любви. Той, что просится в руки сама, той, что обещает утолить твою жажду, той, что возможна, наконец. Потому что губы уже жадно скользят по рукам, поднимаясь все выше и выше, потому что кружится голова, а сердце хочет выпрыгнуть навстречу другому, бьющемуся в такт уже совсем близко...

А потом, хотя было два часа ночи и сон суетился вокруг нас, приглашая насладиться теперь уже полным покоем, мы разговаривали взахлеб, как два узника, тридцать лет просидевшие в одиночных камерах по соседству, стена между которыми теперь рухнула.

— Ты любишь мороженое?

— Терпеть не могу...

— Нас луна разглядывает, вон видишь, вытаращилась...

— Кьш-кьш...

Так болтают без умолку дети. Взрослым кажется — о какой-то ерунде, о мелочах. Ничего подобного, тили-там, ничего подобного. За словами взрослых так много пустого пространства, дети выражаются точнее. И влюбленные знают толк в этих беседах. Неужели она бывает такой — любовь? Вот почему мне снились...

— Мне последнее время снились фиолетовые сны...

— А мне сиреневые...

Утро взорвал вопль будильника. Мы открыли глаза и вот уже целую вечность

рассматриваем друг друга, пытаюсь установить, что это за чудо с нами случилось и как мы оказались здесь вместе? Нас накрыла последняя волна океанической прошедшей ночи, и Федор снова уже готов уснуть после этого, но я трясла его за плечи:

— Вставай, нам ведь пора.

— Ах да. Пожалуй, как честный человек я должен сварить тебе кофе.

Я бросила в него подушкой, он увернулся, но не встал, а снова потянул меня за руку к себе.

— В десять первая встреча.

— Ах да.

Нам ведь не нужно расставаться даже на короткое время. Мы вместе встаем, вместе, толкаясь, принимаем душ, пьем кофе из одной чашки и спускаемся вниз по одной лестнице. Мы превратились в сиамских близнецов, потому что даже во время работы думаем, похоже, об одном и том же...

Ближе к обеду он начинает нервничать, смотреть на часы. Мне нужно идти на «свидание» с Климом. Я совершенно спокойна, как река в отсутствие ветра. Моя жизнь наконец-то нашла свое русло, меня никому не повернуть вспять, даже Климу. А Федор нервничает. Мне это нравится. Мне хочется, чтобы он еще раз тревожно взглянул на меня. Вот так. А теперь, чуть рассеянно, — на клиента.

Я решила уйти именно теперь, без напутственных слов, без искорок сомнений, которые непременно мелькнут в его взгляде.

Показав на часы, я поднялась и направилась к двери. Знаю, ему хотелось послать к черту надоевшего до смерти зануду-клиента и броситься вслед за мной. Я спустилась по ступенькам, но он не нагнал меня. Жаль. Телепатия оказалась неполной.

— Эй, девушка!

Он орал из окна на всю улицу, улыбаясь до ушей.

— Не забудьте, что я жду вас! Очень жду!

И махнул рукой. Я тоже подняла руку. Или это было крыло? По крайней мере сердце мое парило и кувыркалось в воздухе и тихо курлыкало от счастья.

Клим вышел из машины, как только завидел, что я вынырнула из метро. Я тоже сразу его увидела. Что-то щелкнуло внутри, прокручивая наши прошлые встречи, напоминая о дурацком недоразумении относительно женитьбы.

— Здравствуй, — сказала я.

— Боже, как я боялся, что ты опять не появишься.

Это было похоже на правду. Пальцы его слегка дрожали, сжимая сигарету, которую он тут же скомкал и выбросил. Я видела его теперь совсем по-другому. Это было немного странно. Такое чувство, словно раньше я была подслеповата. Нет, не то. Раньше я смотрела на него изнутри, глазами своего страха, чувства неловкости, с позиций своей скучной неудавшейся жизни. Теперь же я видела его как бы со стороны. Я стояла перед ним и одновременно была посторонним наблюдателем этой встречи, внимательным и холодным.

Зачем я ему? Эта мысль ни разу не приходила мне в голову за время нашего знакомства. Боже мой, как я изменилась! Бедный Клим, ему ведь и невдомек, что перед ним стоит совсем другая Серафима. Не забитая, скованная Симочка, думающая только о том, как бы уберечь свои коленки от его влажных ладоней. Ее больше нет! Да кем она была? Чего боялась? Чего хотела? Как можно было столько времени терпеть рядом человека, абсолютно тебе чужого?

Меня начал разбирать смех, но я искренне боролась с искушением рассмеяться ему в лицо. Зачем человека расстраивать?

— Сима, — сказал Клим серьезно, беря меня за руку, — мы должны немедленно пожениться.

— Почему немедленно? — спросила я и подивилась собственному спокойствию.

— А зачем тянуть?

Надо же! Не припомню что-то, чтобы сказала ему «да». Очевидно, от бывшей Симочки этого и не требовалось, и Клим с легкостью принял за «да» наши с ним последние посиделки в ночном клубе.

— Клим, зачем я тебе?

Кажется, я усмехнулась чуть-чуть, спрашивая об этом, но реакция его была удивительной. Он остолбенел сначала, потом тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и, окончательно решив, что Симочка никак не могла усмехнуться, а это ему только показалось, выдал суетливо, быстро стреляя глазками:

— Но ведь я тебя, как говорится, люблю и все такое прочее.

— Что «прочее»? — Я не отрываясь смотрела ему в глаза, чего раньше никогда не делала.

Он, видимо, решил переменить тактику и перейти к нахрапистому наступлению с другого, как ему казалось, более незащищенного фланга.

— Ты совсем переменялась, — сказал он с петушиным акцентом, — уж не братец ли твой так на тебя повлиял?

И сузил глаза.

— Кстати, как ты узнал его телефон? — Я тоже сузила глаза, передразнивая Клина.

Он раскраснелся как-то вдруг и что-то начал объяснять про клиента, приходившего в контору Федора и увидевшего там меня.

— Постой, постой, а откуда он меня-то знает? Ты вроде бы меня со своими друзьями не знакомил.

— Он нас с тобой видел как-то в ресторане.

Я начала припоминать, кивнул ли хоть раз Клим в моем присутствии кому-то в ресторане, но ничего в голову не приходило. Очевидно, он заметил, что я углубилась в воспоминания, поэтому подошел ко мне почти вплотную и сказал, обдав табачным перегаром:

— Сима, хватит капризничать. Это тебе.

И как-то суетно полез в карман и извлек оттуда маленький футлярчик, обитый бархатом.

— Вот, открой!

— Клим, я хотела тебе сказать...

— Нет, ты открой сначала...

— Пойми меня правильно...

— Да брось, какие между своими счеты!

— Понимаешь...

— Симочка, я все понимаю, — сказал Клим, надавив на пружинку.

Крышечка подскочила вверх, и передо мной засверкало то самое безвкусное кольцо с большим бриллиантом, которое я предчувствовала с самого начала. Я уставилась на кольцо в полном замешательстве: именно таким дурацким я себе его всегда и представляла. Клим оценил мое замешательство по-своему, довольно фыркнул, вытащил кольцо из футлярчика и, взяв меня за руку, нацелился на один из моих пальцев.

— Клим...

— Ну ладно, ладно. — Он уже довольно улыбался.

— Кли-им...

— Слова благодарности потом.

Да что же это делается? Почему он совсем меня не слушает? Потому что привык, что я не могу сказать «нет»? «Тили-там, — пропело неожиданно что-то внутри, — все не так-то просто. И может быть, тебе не удастся отвертеться...»

— Нет, — выдохнула я, наверно, как-то уж слишком эмоционально, потому что Клим оставил вдруг ловлю моего пальца и покосился на меня:

— Я делаю тебе больно?

— Я не выйду за тебя замуж.

Здорово сказала: ни одного лишнего слова, движения, ужимки. Наступила пауза. Несмотря на гул уличного движения, я слышала, как тикают часы у него на руке. Пауза тянулась и тянулась, а в душе моей снова все восставало против насилия, с которым я так долго и бесславно уживалась раньше.

— Извини, — добавила я и пошла прочь.

Но отошла я только на расстояние его вытянутой руки. Он развернул меня за плечо, и я почувствовала скорее, чем поняла, что единственное его желание сейчас — убить меня. Прихлопнуть на этом самом месте, как муху. Потом на лице его отразилась тяжелая внутренняя борьба, и он притянул меня к себе уже совсем легонько, но решительно:

— Что случилось, Серафима?

Мне было очень трудно объяснить ему, что же случилось. Наверно, потому, что я и сама еще хорошенько в этом не разобралась. И дело тут совсем не в событиях последних дней или

последней ночи. Мир, представлявший серым и унылым, как-то в одночасье обрел живой цвет и звук, развернулся теперь, как сжатая пружинка, и манил тысячью радостей, которые раньше мне даже не снились.

Я не знала, что ему ответить. И, честно говоря, даже не понимала, почему должна откровенничать с человеком, к которому не испытываю ровным счетом никаких чувств. Но, наверно, я была виновата перед ним. В том хотя бы, что не сказала ему раньше об этом, в том, что давала ему возможность строить иллюзии на мой счет. Снова не то. Ведь все его планы относительно бывшей Симочки иллюзиями не назовешь. Они были уместны и реальны. Только вот теперь рассыпались в прах. Что же действительно со мной случилось?

— Я бы тоже хотела в этом разобраться.

— Значит, тебе всего лишь навсегда нужно еще немного времени? — настаивал Клим.

— Да, — произнесла я, думая о своем, — мне нужно время, чтобы во всем разобраться.

— Хорошо.

Клим быстренько выпустил меня из своих цепких РУК.

— Хорошо. Даю тебе три дня. Надеюсь, этого достаточно?

— Может быть. — Мысли мои были уже далеки от нашего разговора.

— Через три дня встретимся. А сегодня поужинаем вместе, мы ведь так давно не виделись...

— Нет, Клим, — перебила я его. — Не поужинаем. Я хочу побыть одна и подумать.

Он явно не ожидал такого ответа и занервничал: стал доставать из пачки сигарету, мять ее, в конце концов сломал и бросил на тротуар.

— Подвезти тебя?

— Спасибо, я на метро. Пока.

На этот раз он не остановил меня, а дал спокойно влиться в шумный людской поток, гудящий на Невском. Краешком глаза, пока волна несла меня к метро, я заметила, как Клим, потеряв меня из вида, достает радиотелефон...

Когда я вернулась в офис, Федор в полном одиночестве сидел на кухне и курил. Он подскочил ко мне и, замерев в нескольких шагах, принялся жадно шарить глазами по моему лицу. Потом, всмотревшись получше в мои глаза, что-то, очевидно, нашел там такое, расслабился, сделал шаг вперед и, притянув к себе за плечи, смешно чмокнул в щеку.

— Мы победили? — спросил он на всякий случай.

— Скорее да, чем нет, — сказала я.

И тут же начали звонить посетители, словно ждали все это время, притаившись за дверью.

Вечером, когда все стихло — телефон, звонки в прихожей, шум машин за окном, — Федор отнес меня на руках за свой стол, усадил к себе на колени и принялся неторопливо целовать. Я умирала во время каждого поцелуя, потому что не была знакома с чувствами, находящимися по ту сторону радости, счастья, восторга. Казалось, удовольствие доходило уже до предела, а нет, оно все катилось и катилось дальше, куда-то уже в страну снов и грез. Это было сладостное умирание, но как только он отрывал свои губы от моих, чтобы передохнуть и тоже, может быть, не умереть от счастья, я моментально возвращалась к реальности, тревожно ожидая продолжения своих сладких мучений. И они все длились и длились.

Пока мы упивались своими запредельными ощущениями, раздался телефонный звонок и сторож уведомил нас, что пора бы и честь знать. Мы как школьники, застуканные на месте преступления, выбрались из офиса и на цыпочках, не желая привлекать внимание здорового деда-сторожа с лохматыми бровями, попытались проскользнуть незамеченными мимо него. Но он все-таки бросил осуждающий взгляд в нашу сторону и погрозил пальцем.

На улице у машины мы расхохотались.

— У меня для тебя сюрприз! — сказал Федор, когда мы поехали совсем не туда, где находился его дом. — Не уверен, что выйдет, как я задумал, но попробуем.

Мы все ехали и ехали, пока я не стала замечать, что дорога мне теперь знакома и мы находимся где-то около моего дома.

— Кстати, в этом районе я живу, — сообщила я Федору, но эта новость, похоже, была ему хорошо известна.

— Что ты говоришь! — притворно протянул он, сворачивая напрямик к моему подъезду.

— Приехали, — объявил он. — Вперед!

— Ты шутишь. — Я даже не пошевелилась.

— Пойдем, утрясем и это маленькое недоразумение.

Он обошел машину и потянул меня за руку. Я сопротивлялась.

— Что с тобой, — спросил он, — Серафима? Куда делась твоя решительность?

— А что я ей скажу?

— Скажешь, зонтик забыла.

Действительно, мне давно было пора забрать кое-какие вещи. Как только я об этом подумала, их список стал стремительно расти в моей голове, и я с озабоченным видом выбралась из машины.

Путь вверх по лестнице (лифт не работал) представлялся мне восхождением на голгофу. Теперь я искренне жалела, что оказалась когда-то с Веркой за одной партой.

Федор нажал кнопку звонка — в ответ тишина. Он снова позвонил — безрезультатно. Тогда он нажал звонок и не отпускал его до тех пор, пока не занемел палец.

— Вот видишь, никого нет, — вздохнула я облегченно.

Тогда Федор развернулся на сто восемьдесят градусов, и не успела я даже ойкнуть, как он позвонил в соседнюю дверь.

— Что ты делаешь?! — запричитала было я, но дверь распахнулась и соседка уже изучающе смотрела на Федора, а потом, переведя взгляд на меня, сказала:

— Сима, я предупреждаю вас — только в виде исключения, — и протянула... ключи от моей квартиры.

Я остолбенела, а Федор поблагодарил соседку и, как только та захлопнула дверь, развернулся ко мне:

— Прошу вас, мисс.

В квартире царил полный порядок. То есть, разумеется, это был порядок в моем понимании, и женщина других взглядов бесспорно решила бы, что квартира нуждается в генеральной уборке. Порядок царил в том смысле, что все вещи при беглом осмотре лежали на своих местах и следов пребывания здесь чужого человека не наблюдалось. Я заглянула в шкафы, на кухню и даже под кровать. Похоже, моя захватчица съехала. Могло даже показаться, что ее и не было никогда. Я с опаской посмотрела на Федора, беспокоясь, как бы ему опять не показалось, что историю со Светланой я выдумала. Он в это время заканчивал изучение моей книжной полки, после чего обернулся ко мне и изрек:

— Я понял, Серафима, отчего все твои беды. У тебя нет ни одной книги по гражданскому праву! Ни одной по экономике! Сплошная фантастика и любовь. Немудрено на подобном чтиве докатиться до такой жизни. Но мне твоя квартира нравится, и я думаю, что ты как гостеприимная хозяйка накормишь меня пиццей.

С этими словами он протянул мне полиэтиленовый пакет, в котором оказалась провизия. Я машинально взяла его и пошла на кухню. Отправив сразу четыре пиццы в духовку, я вдруг вспомнила, как Федор звонил моей соседке. Откуда он знал, что ключи у нее? Я никогда соседям ключей не оставляла.

— Послушай! — с этим воплем я прилетела в комнату, где Федор удобно расположился на моей тахте.

— Ага! — обрадовался он. — Просветление началось. Я уж было решил, что ты совсем не способна делать логические выводы.

— Так ты...

— Да, это я. — Его распирало от гордости. — Пока ты выясняла отношения со своим Климом, я в свободную минутку позвонил... Ты следишь за моей мыслью? По-твоему, позвонил?

— Светлане...

— А вот и нет! Я позвонил Валентину Никитичу.

— Зачем?

— Чтобы узнать, где отдыхает твоя однокашница Вера. Она ведь, когда собралась срочно уехать, трясла перед ним путевками, чтобы поверил и отпустил. Директор вспомнил, как называется пансионат в Анапе, куда она укатила: «Мать и дитя».

— Ну?

— Тогда я позвонил в пансионат, где Веру уже знали все, от вахтера до генерального директора, поэтому твою удивительную подругу разыскали через пять минут. Я объяснил ей в двух словах, что вытворяет здесь ее любимая сестра, но она и ухом не повела. Но вот узнав, что я твой адвокат и что ей придется выступать в суде в качестве свидетельницы, тут же сменила тон и выдала мне всю правду.

Федор поведал мне весьма интересные вещи, которые узнал от Веры. Оказалось, что Света ей вовсе не сестра. Что однажды днем, когда у нее был выходной, а муж, наоборот, работал допоздна, к ней явился Клим с цветами и шампанским. Они два часа сидели за столом, под которым просвечивали Веркины коленки, и Клим плакался ей в жилетку, рассказывая, какая Сима дура, что тянет с замужеством, просил помочь. Говорил: «Верочка, только вы, с вашим умом...»

Верка и хотела бы ему помочь, да не знала как. И тогда он объяснил ей, что у него есть прекрасный план. От нее требуется только одно — выдать родную сестру Клима, которая тоже жалеет его и мечтает обзавестись невесткой, за свою собственную сестру и поселить у Симы. Клим утверждал, что совместное проживание с его сестрой ускорит принятие неговорчивой невестой окончательного решения. Он клялся, что в долгу не останется, и тут же на столе оказались три путевки в Анапу, в самый дорогой санаторий.

— После этого, похоже, подруга твоя больше уже ничего не соображала. Она подсунула тебе Светлану и укатила, заверенная Климом, что, вернувшись, попадет прямиком к вам на свадьбу в качестве свидетельницы со стороны жениха. Там с кухни что-то угольками потягивает...

Я вышла из оцепенения и, выскочив на кухню, выключила духовку как раз вовремя, когда еще пиццу можно было назвать хорошо поджаренной, а не подгоревшей.

Новости, которые сообщил мне Федор, взрыхлили целый пласт моих представлений о жизни и поставили все с ног на голову. Самые фантастические догадки стали обрушиваться на меня одна за другой, и я, окончательно потеряв аппетит, ковыряла пиццу ножом.

— Ну что, продолжать? Самое интересное еще впереди.

Федор активно орудовал столовыми приборами. Похоже, его аппетит не пострадал. Ну конечно, подумала я, он ежедневно выслушивает от своих клиентов и более невероятные истории. Представляю. За три дня, проведенные в его офисе, я наслушалась немало смешных и страшных рассказов, но ни разу мне не пришла в голову мысль, что все это происходит именно в этом мире, в этой жизни, где-то совсем рядом со мной. И конечно же, я ни разу не задумалась о том, что и со мной может случиться что-нибудь подобное.

— Тогда я решил отыскать твоего Клима, — продолжал Федор, — и сказать ему, как нехорошо шантажировать девушку, даже с такими благородными намерениями, как свадьба, и позвонил брату. Он у меня большой спец во всем, что касается розыска, и делает мне время от времени небольшие одолжения. Ты как-то называла фамилию своего Клима — так вот: ни одного Клима с такой фамилией в нашем городе нет.

— Может быть, я ошиблась...

— Одну минуточку, — покачал головой Федор. — Клим — не самое распространенное имя, поэтому я попросил брата проверить всех владельцев «ауди» с таким именем. И знаешь, мой брат нашел одного. Я позвонил ему домой, но сердитый женский голос посоветовал звонить на трубку, номер которой я тут же и выяснил, представившись рассеянным клиентом.

— Так ты позвонил ему?

— Похоже, именно в тот момент, когда ты покинула его на Невском. «Сима ушла?» — поинтересовался я. Он некоторое время молчал, а потом спросил: «Кто это?» — «Это ее адвокат», — сказал ваш покорный слуга.

Федор теперь представлял действие в лицах и, сделав замысловатый поклон с куском пиццы в зубах, выронил ее на пол. Это было ужасно смешно, но, пока мы смеялись, я чувствовала, что зубы отплясывают нервную дробь. Кончилось тем, что Федор налил мне в стакан воды из-под крана и приказал выпить.

— Не волнуйся. — Он стал серьезным. — Я сказал ему, что все знаю и что, если Светочка задержится в твоей квартире еще хоть одну минуту, я завтра же Передаю дело в прокуратуру. Напоследок я настоятельно посоветовал оставить ключи у соседки, что они и сделали. Ну чего ты так смотришь? Все уже позади.

— Ты не понимаешь, — твердила я одну только фразу.

Самым страшным в этой истории мне показалось то, что я ни о чем не догадывалась. Хотя теперь я вспоминала некоторые детали. Я, прочитавшая собрание сочинений Чейза целых три раза. Я, увлеченно смакующая интриги любовных романов. Почему же я не догадалась?

— Неужели я такая дура? Мне всегда так скучно было смотреть детективы. Я с самого начала знала, чем все кончится и кто всю кашу заварил.

— Важен мотив.

— Мотив?

— Если ты знаешь мотив, то есть кому и зачем все это надо, то легко предсказать и развитие событий.

— То есть ты хочешь сказать, что знаешь, зачем они это устроили?

— Сначала мне казалось, что все элементарно. Влюбился в тебя парень по уши и не знает уже, что придумать, чтобы заполучить в жены.

— Ты смеешься? Во мне нет ничего такого...

— Почему? Ты очень красивая.

— Да я это слышу первый раз в жизни...

— Второй!

— Не важно...

— Почему не важно? Ты привыкаешь...

— Я не о том. Клим ведь не был влюблен в меня. Только я раньше этого не понимала.

— Откуда же ты теперь знаешь?

— Знаю.

— Так откуда? — Он подвинул ко мне стул так, что его руки свободно соединились за моей спиной.

— Потому что... потому что ты в меня влюблен.

— Да, ну и... — Руки его заскользили по моим плечам, поднимаясь к шее.

— Ну, ты на меня так смотришь все время... Он никогда так не смотрел...

— А может быть, он так не умеет. Я ведь единственный в своем роде. Таких больше нет.

А потом...

— Что — потом?.. — Мне уже хотелось сменить тему, а еще лучше — помолчать в ближайшее время.

— Потом, ты ведь тоже в меня влюблена немножко. Серафима, признавайся! Может быть, поэтому тебе кажется, что я смотрю иначе...

Минутная стрелка обежала как минимум полкруга, пока мы снова обрели способность разговаривать.

— Хорошо, скажу тебе честно. Сначала мне казалось, что твой Клим просто сбрендил от такой женщины, как ты. Что могучая страсть толкает его на эти, мягко говоря, не очень красивые поступки. Хотя, задумайся, если бы он тебе тоже нравился, то вы сейчас уже стали бы счастливейшими новобрачными, а Верка плясала бы на вашей свадьбе цыганочку.

Я поморщилась. Он проверил на всякий случай мою реакцию, внимательно заглянув в лицо, и удовлетворенно продолжал:

— Но мой брат узнал не только фамилию твоего друга, но и еще кое-что. Интересными мне показались две детали. Первое — никакой он не торговец, а адвокат.

— Как ты?

— Не совсем. Агентство, в котором он работает, — крупнейшее в городе. Но он там мелкая сошка. Причем бесперспективная.

Я молчала и выжидательно смотрела на Федора. Он разглядывал меня, снова проверяя эффект, произведенный сказанным.

— А теперь приготовься, Серафима, к главному. Несколько дней назад он развелся с женой.

Эта новость меня окончательно добила. Я вдруг почувствовала, что очень устала от новостей и хочу спать.

— Ну что ты молчишь? Как тебе это? — не унимался Федор.

— Да никак, чушь какая-то — и все! А дети у него есть? — на всякий случай поинтересовалась я.

— Двое.

— Здорово. Жил человек, была у него семья, дети, хорошая работа и полный достаток. Пришел он как-то в ветлечебницу с собачкой своих знакомых, встретил ничего собой не представляющую медсестру Симу и решил жениться на ней во что бы то ни стало. Ладно еще, если бы я была похожа на Синди Кроуфорд или наповал разила суперинтеллектом. Так ведь нет! Но он, несмотря на это, решил разрушить свою жизнь и жениться на мне даже вопреки моему желанию. Бред!

— Правильно. Не хватает какого-то очень важного звена. Ум, красота — это все хорошо. Но что у тебя есть еще?

— У меня и этого-то нет.

— Погоди, Серафима. Я сейчас имею в виду что-нибудь материальное.

— Вот. — Я описала руками в воздухе что-то вроде большого яблока. — Квартира.

— Не то. Счет в банке?

— Ну о чем ты говоришь?!

— Мало ли, может быть, от родителей что-то осталось.

— Только квартира, мебель. Это все, клянусь тебе.

— Ты не хочешь сказать мне правду?

— Какую?

— Меня настораживает настойчивость этого твоего жениха. Честно говоря, я за тебя немного боюсь.

— Перестань, ну что со мной может случиться?

— Не знаю. Не знаю, что и думать. Может быть, ты стала невольной свидетельницей чего-нибудь очень серьезного? Или тебя втянули в какую-нибудь организацию? Секту? Или ты знакома с кем-нибудь из влиятельных людей?

— Так. — Мне это порядком надоело. — Давай прекратим этот совершенно бессмысленный разговор.

— И ты ничего мне не скажешь? — Федор, кажется, так и не поверил мне.

— Мне нечего сказать!

Он молча походил по комнате, покурил на кухне, а вернувшись, сказал:

— Ну хорошо. Я, пожалуй, поеду.

— Ты обиделся? — Я поймала его руку и попыталась заглянуть в глаза.

В этот момент во мне всколыхнулись все страхи одновременно, но самым страшным теперь было потерять его. Даже нет, не потерять, а что он вот так откроет сейчас дверь и уйдет. Теперь, когда я привыкла не расставаться с ним. За два последних дня я так привыкла к этому, словно мы прожили вместе лет десять и ни разу не расставались. Один из сямских близнецов бодро предлагал произвести операцию по разделению, а другого от одних его слов пронизывали судороги страшной боли.

— Серафима, ты только ничего не говори мне сейчас, ладно? Вот я отвечу тебе, пойду, а ты, оставшись одна, подумай об этом. И потом — не навеки же я тебя оставляю. Завтра на работе встретимся ровно в десять. Заранее приглашаю тебя на ужин. Но сейчас... Мне кажется, ты что-то скрываешь.

Я попыталась замотать головой, прервать его, но он поднял палец вверх, словно напоминая, о чем он попросил меня в самом начале, и я не посмела.

— Мне кажется, что ты не до конца искренна со мной. Я понимаю, каждый человек имеет полное право на личные секреты, и не собираюсь выступать в роли Джека Потрошителя твоих тайн. Но задумайся о том, что тебе, может быть, угрожает серьезная опасность. Задумайся и реши, что для тебя важнее: хранить свои секреты или уберечься от этой угрозы. Все, Серафима. Я пошел. До завтра.

Я обещала не перебивать его, но всем своим видом пыталась показать, что он ошибается. Что у меня нет и не было никаких тайн, что я даже не знаю, что это такое. Это было ужасно несправедливо, что он не верит мне. И когда он развернулся лицом к двери и открыл ее, я была обижена до глубины души.

Дверь захлопнулась, а я так и осталась стоять в коридоре. Значит, он меня бросил. Вот как. И за что? За то, что ему показалось, будто я неискренна. Но ведь это ему только показалось! Но он решил, что меня за это следует наказать, — и ушел. То, что произошло сейчас между нами, было похоже на ссору. Я никогда раньше ни с кем не ссорилась. Почему же стою посреди коридора и злюсь на человека, который мне дороже всех на свете?

В конце концов я решила: раз так — ну и пусть. Это было самое гениальное решение, которое неудачники принимают по пять раз на дню, и я быстро поняла, что мне оно больше не подходит. Во мне просыпалось женское коварство, так много лет остававшееся неостребованным. Я чувствовала, что Федор далеко от меня не уйдет. Я даже на расстоянии ощущала свою власть над ним. А раз так, значит, я сумею заставить его пожалеть о том, что он оставил меня сегодня одну. Я постелила постель и легла.

Первое, что я решила сделать, — это опоздать завтра на работу. Ну, скажем, минут на пятнадцать. Пусть поволнуется. А потом? Потом я буду улыбаться всем клиентам мужского

пола без разбора. Пусть попляшет! А во время перерыва ускользну на улицу, объявив, что есть одно дело. Я перевела стрелки будильника на пятнадцать минут, мысленно представляла себе реакцию Федора и злорадствовала.

В самый разгар энергичного строительства мстительных планов в голову мне пришла мысль: за что? Что он мне сделал такого? И я расплакалась, уронив голову на подушку. За то, что меня нельзя было оставлять одну. Я так люблю его, мне так одиноко теперь.

Облегчив душу слезами, я причитала, проваливаясь в сон: «Мне так холодно в этом большом мире. Тили-там, мне негде преклонить свою бедную голову. Минуты, проведенные в разлуке, старят на годы. Когда ты вернешься, я буду старухой. Слышишь? Тили-там, сгорбленной, седой старухой...»

На ресницах моих еще не высохли слезы, когда я уснула. Сон был беспокойный и неудобный. Сиреневый фон его оплывал, закручивался воронкой в одну точку и уносился в черноту. Посреди ночи я проснулась от невыносимой жары. Мне очень хотелось пить. Потрогала батареи — ну конечно, топят. Я протянула руку, чтобы открыть форточку, и мне показалось, что вместе с ее скрипом я услышала другой звук.

Я перестала дышать и вытянула шею, чтобы лучше слышать. Скрип повторился. Мысль, что это скрип ключа в замочной скважине моей собственной двери, показалась мне сначала до того дикой, что я никак не могла отнестись к ней серьезно. До тех самых пор, пока дверь не начала, попискивая, отворяться и в коридоре послышались чьи-то шаги. Через секунду дверь закрылась, и все стихло.

Трудно было определить: вошел кто-то в мою квартиру и затаился у входа, или так — заглянул в дверь, и все. Вряд ли кому-то пришло в голову вскрыть ночью чужую квартиру только для того, чтобы посмотреть на коврик в прихожей. Я попробовала пошевелить рукой, но не смогла: руки одеревенели и не слушались. Тогда я приподнялась на локтях и стала всматриваться в черноту коридора. Могу поклясться, что там кто-то стоял. И, возможно, не один. Эти кто-то, похоже, перешептывались, но почему-то не двигались.

На ум приходили всевозможные кровавые сцены из фильмов ужасов, вызывая тошноту. Неужели меня действительно убьют вот так, в собственной постели, какие-то проходимцы? Случайные залетные воры, напоровшиеся на хозяйку, которой не должно быть дома по их расчетам? Я вспомнила тупые лица бритоголовых юнцов, которых так часто показывают во всяких криминальных хрониках, и страх мой медленно перешел в возмущение. Неужели я буду лежать вот так, как бревно, и ждать, пока мне придет конец? Нужно ведь попытаться что-нибудь сделать! Ну хотя бы разбить окно и заорать благим матом, что меня убивают.

Не то! Сосед с пятого этажа, дядя Петя, кричит то же самое чуть ли не раз в месяц, все уже привыкли, никто даже не проснется. Я где-то читала, что в таких случаях нужно кричать не «убивают», а «пожар». Нет, не могу я орать даже в таком случае. Но я могу... Под кроватью у меня уже много лет лежала старенькая, еще детская моя гантель весом в один килограмм. Я специально месяца три назад положила ее возле тахты, чтобы как-нибудь позаниматься утренней зарядкой. Но до этого так и не дошло.

Где же она? Я шарилась в узкой щели под тахтой. Вот, кажется. С трудом вытащив ее, я вцепилась в холодный металл, и мне стало не так страшно. Хоть одного из них я тресну. Тресну так, что мозги разлетятся в разные стороны. Снова послышались шаги, судя по звуку, кто-то приближался к моей комнате. Я сильнее сжала свое оружие, и в этот момент в дверь позвонили: один раз, другой, третий.

Можно было крикнуть, позвать на помощь, но вряд ли я пройду через коридор, где притаились двое. Однако те, кто влез в мою квартиру, вероятно, не заперли за собой дверь, потому что буквально через минуту она начала отворяться, а потом раздался знакомый голос Федора.

— Серафима! — звал он тихонько. — Ты спишь?

— Осторожно! — крикнула я, и сразу же послышались глухие удары, звуки борьбы, а потом кто-то выскочил на лестничную клетку.

Я бросилась было в бой, но бой уже кончился. На лестничной клетке на полу сидел

Федор и, скривившись от боли, тер затылок. Внизу раздавался топот ног, а через секунду от подъезда отъехала машина.

— Вот так и оставляй тебя одну! — притворно простонал Федор. — И почему это я все время падаю?

Не знаю, чему я больше обрадовалась, своему неожиданному избавлению или тому, что он все-таки вернулся.

— Господи, — лопотала я, — Господи, если бы не ты...

И теперь уже он успокаивал меня, гладил как маленькую по голове, тихонько целовал в лоб. Как будто это меня, а не его только что стукнули по голове. А я плакала от счастья, потому что, если бы не он, меня бы сейчас уже, может быть, не было на свете. Если бы не он, я была бы замужем за Климом и давилась этой жизнью каждую минуту. Если бы не он, я никогда бы не узнала, что такое настоящая любовь. Жила бы в своем сером мирке, билась бы в его тесных горизонтах, дышала его углекислым воздухом. Если бы не он...

Так мы и провели остаток ночи, в моих изъявлениях благодарности. Федор великодушно принимал их и только подначивал: «Да уж, если бы не я...» Вскоре его замечания сменились мирным посапыванием, похожим на урчание кота.

Утром я проснулась в полной уверенности, что Федор — это моя судьба. Я даже мыслила более высокими категориями. Я называла его даром Божиим, который чудом достался мне. В это утро я решила для себя все раз и навсегда. Пока Федор спал, я сидела рядом и, с нежностью разглядывая его, представляла, каким веселым отцом награжу своих будущих детей. Их у нас непременно должно быть двое — мальчик и девочка. Мальчик будет удивительно похож на Федора, а девочка станет его любимицей, потому что будет точной моей копией. В выходные мы будем выезжать на природу и дружно смеяться каждой выходке главы семьи.

Спохватившись, я подумала, что пора становиться серьезнее, и раз я решила связать с этим человеком свое будущее, то хорошо бы накормить его завтраком, хотя бы показать, что я могу быть первоклассной хозяйкой, если захочу. Я быстренько оделась, взяла сумку, раскрыла кошелек и только тогда вернулась к реальности. Денег не было.

Я растолкала Федора.

— Не выдашь мне авансом немного денег на завтрак?

— С удовольствием, — ответил он, не открывая глаз и, похоже, не совсем проснувшись, — возьми в кармане пиджака, во внутреннем.

Я вытащила из кармана носовой платок и деньги, платок показался мне до боли знакомым, но я очень торопилась и, отсчитав на всякий случай побольше — мало ли что-нибудь вкусненькое, — отправилась в магазин. Всю дорогу меня распирала гордость, и я думала только о том, что я теперь счастливейшая женщина из смертных, да что там — смертных, мне могли бы позавидовать и жены мрачных олимпийских богов. Я люблю и любима. Мой избранник настоящий герой, к тому же он красив, умен и предприимчив. В свои тридцать три он по-настоящему молод и весел как мальчишка. И пусть он еще не сделал мне предложения, но я-то знаю, что мы теперь всю жизнь будем вместе и никогда не расстанемся. Какое это счастье — покупать для него ветчину и апельсины, кофе и сыр!

Я была на седьмом небе до тех пор, пока не вспомнила о вчерашнем нападении. На минуту снова нахлынул ужас пережитого, но его заглушила триумфальная хвала Федору — спасителю. Мы выстояли. Нам все нипочем. Вместе мы — сила. И сентиментальная карусель мыслей несла меня все дальше и дальше, выше и выше...

Федор заглянул на кухню, когда стол уже был полностью сервирован, а кофе стоял на плите. Я улыбнулась ему, а в ответ он заорал: «А-а-а-а-а!», кинулся ко мне, одной рукой обхватил за талию, другой подхватил джезvu именно в тот момент, когда кофе собирался сбежать, а потом звонко поцеловал в щеку.

— Если бы не я... — начал он и вопросительно посмотрел на меня. — Прелестная тема. Кажется, именно на этом мы и остановились вчера.

Мы еще поцеловались немного. Но уже не жадно, в сознании того, что нам отпущена целая вечность и торопиться некуда. Потом мы завтракали, и Федор сыпал историями из своего детства. Судя по этим рассказам, он всегда был весельчаком, склонным к разным розыгрышам и шалостям, а брат его выходил уж слишком прямолинейным и скучным. Но несмотря ни на что, не оставалось сомнений, что Федор к нему чрезвычайно привязан.

— Когда ты познакомишь меня с братом? — спросила я.

— К большому моему сожалению — не скоро, — ответил Федор. — Он получил назначение в Аргентину. Будет работать на Интерпол.

— Ого!

— Но я познакомлю тебя со своей мамой, не расстраивайся. Думаю, вы друг другу понравитесь. А к брату я бы тебя близко не подпустил. Десять лет назад я познакомил его со своей подругой...

— И что?

— Теперь она моя золовка!

— Вспомнила! У тебя носовой платок такой же, как у Клима.

— Вот уж спасибо за комплимент. — Федор перестал улыбаться и серьезно спросил: — Говоришь, у твоего Клима «ауди»?

— Да.

— Бежевая?

— Да.

— Вчера вечером такая машина стояла у твоего подъезда.

Я лишилась дара речи. Мне не приходило в голову связать вчерашнее проникновение неизвестных в мою квартиру с Климом.

— Ты думаешь?

— Я уверен, Серафима!

— Не может быть. Это ерунда какая-то!

— Ошибаешься. Думаешь, почему я вчера примчался к тебе среди ночи?

— Ну, я думала, ты почувствовал, что мне плохо...

— Это тоже, конечно. Но еще я получил кое-какую информацию от брата и теперь подозреваю, что дело тут совсем не шуточное. Сегодня он по моей просьбе проверяет одну версию, так что вечером расскажу тебе все доподлинно. И еще: они, вероятно, сделали дубликаты ключей от твоей квартиры. Так что, знаешь, собери-ка самое необходимое и перебирайся жить ко мне. Все спокойнее за тебя будет, — с этими словами он облизнулся и подмигнул мне, намекая явно не на мою безопасность.

В этот день мы работали без обеда и без единого перерыва. Очередь не рассасывалась до вечера. Я вела учет посетителей на компьютере, назначала им дни следующих визитов, записывала адреса и телефоны, кому-то варила кофе, а иным носила валерьянку или валидол — на выбор.

— Похоже, сегодня магнитная буря, — сказал Федор, закрывая дверь за последним посетителем. — Все словно с ума посходили, рвутся судиться, разводиться. Поедем домой.

Сначала мы заехали в большой универсам, и Федор предоставил мне самой выбрать продукты, сославшись на то, что у меня это лучше получается. Чувствуя себя почти законной женой, я деловито осматривала прилавки, выбирая все самое лучшее. Расплатившись у кассы за три огромных пакета и не позволив мне помочь донести их до машины, Федор все время поторапливал меня:

— Серафима, вперед! Серафима быстрее — время не ждет!

Войдя в квартиру, он тут же подошел к телефону и позвонил брату. Я, чтобы не мешать ему, прошла на кухню и занялась хозяйством. Наверно, не стоит говорить, как мне нравилось хозяйничать у него и чувствовать, что я имею на это полное право. Через некоторое время я заметила, что Федор стоит на кухне и внимательно, без улыбки смотрит на меня.

— Что случилось? — испугалась я.

— Да, Серафима, необыкновенная ты женщина, — сказал он, покачав головой. — Теперь я знаю о тебе все, даже то, чего ты сама не знаешь. Но сначала — ужин!

Я открывала пластмассовые баночки со всевозможными салатами, а Федор, оглядев стол, полез в шкаф, где, как я уже заметила, помещался бар. Он достал бутылку токайского, но, раздумав, поставил ее на место и достал из холодильника запотевшую бутылку шампанского.

— Это лучше подойдет к сегодняшним известиям! — сказал он и щелкнул по этикетке «Мускат».

Я посмотрела на него, предвкушая подтверждение всех своих утренних фантазий, и даже успела подумать, что девочку мы назовем Варей, как мою маму. Федор протянул мне высокий холодный фужер и стал рассказывать:

— Прежде всего должен признаться, что эту бутылку шампанского я купил совсем с другой целью. И сказать тебе собирался совсем не то, что скажу теперь.

Я разочарованно вздохнула.

— Подожди киснуть, — предупредил Федор. — Все еще впереди. Однако то, что я собирался сказать тебе, никак невозможно совместить с тем, что я должен сказать.

— Ты меня пугаешь...

— Подожди, сейчас ты все поймешь.

И он рассказал мне удивительную историю, в которой самое удивительное было то, что речь шла обо мне, а не о ком-нибудь другом.

Однажды в самую крупную адвокатскую контору нашего города прибыло письмо из Франции, из маленького городка Ш. Письмо было похоже на исповедь.

Семидесятилетний старик писал, что вошел в тот самый возраст, когда пора подводить итоги своей жизненной эпопеи и платить долги. А чувство долга в таком возрасте непомерно растет то ли от прогрессирующего склероза, то ли по какой другой причине.

Автор письма — Иван Тимофеевич — родом был из-под Вятки. Молодость его пришлась на суровые военные годы. Однако, несмотря на призывной возраст, на фронт его взяли только в сорок пятом, поскольку в эвакуации, в Новосибирске, он был очень ценным специалистом. А так как вокруг были одни только женщины, то к двадцати годам у него были уже жена и годовалый сынишка. Когда он уходил на фронт, жена голосила и цеплялась за его шинель. Но он тогда был молод и уверен, что на фронте с ним ничего не случится.

Однако во Франции, где стояла их часть, не во время боя, а когда черт понес его в близлежащий лесок по нужде, настигла Ивана Тимофеевича вражеская пуля. Что вражеская, он знал точно, но доказать не мог. Пуля прошла навывлет, и доказать нашим, что это был не самострел — в лесочке, за кустом, — было практически невозможно.

Своими сомнениями он поделился с француженкой-медсестрой, которая хлопотала над ним как родная мать, и та из симпатии к молодому русскому красавцу, спрятала его в надежном месте, где отсиживались иногда члены Сопротивления во время оккупации.

Еще несколько страниц письма проливали свет на то, каким образом дед остался после войны во Франции и даже получил гражданство к сорока годам. Женился он на той самой медсестре, скрыв от нее, что уже женат и является отцом.

Трое детей его выросли в полном достатке, удвоили последний собственными силами и живут в окрестностях Парижа. Но в последнее время каждую ночь снится ему, как жена его русская голосит, провожая его на войну, как прижимает к себе ребеночка.

И решил Иван Тимофеевич отписать часть своего небольшого состояния русским родственникам, а точнее — внучке. Он разыскал старых своих знакомых, и те поведали ему в письме, что жена его умерла, когда сынишке было пять лет. Сын вырос в детском доме, женился, вырастил дочь, но теперь уже и его самого, и жену Бог прибрал к рукам. Осталась только внучка. Внизу стояла цифра, обозначающая часть «небольшого состояния» французского дедушки в полмиллиона долларов.

Как известно, письма читают и сортируют мелкие служащие. И это письмо скорее всего осело в кармане одного из них, решившего самостоятельно найти богатую наследницу, тем более что имя у нее было довольно диковинное — Серафима Верещачина.

— Я?!

— Вот за это мой первый тост, — провозгласил Федор и поднял бокал.

— Но как же...

— А вот так. Случается и такое. Ты, Серафима, богатая наследница — вот чего ты не знала в отличие от Клима.

— А при чем здесь Клим? — Я совсем обалдела от новостей, в которые никак не могла поверить.

Клим и был тем мелким служащим, который, не надеясь пробиться самостоятельно, решил попытать счастья с богатой невестой. Он, правда, был женат, но жена, которую звали Светлана, оказалась горячей сторонницей его идеи и взялась активно помогать мужу. Вот только невеста, которая до поры до времени ничего не должна была знать, оказалась несговорчивой, «да» не говорила, но и не гнала жениха. И тогда Клим со Светланой решили форсировать события. Они лишили невесту жилья, работы, устроили за ней слежку, да так, чтобы запугать окончательно, и только если бы...

— Если бы не я! — гордо сказал Федор. — И позволь поднять второй тост именно за это. За нашу удивительную встречу, за все то, что ты дала мне, — ну и за те мелочи, которые я для тебя сделал, — закончил он притворно скромно.

Я бросилась ему на грудь, выкрикивая хриплым шепотом слова благодарности, а он принимал их важно, покусывая между поцелуями мое ухо.

Через полчаса кухня была усеяна нашей одеждой, а мы в неглиже по-прежнему сидели за столом и пили шампанское.

— Главный урок, Сима, который ты должна вынести из всего, что с тобой случилось, — это то, что верить в наше время никому нельзя. Кроме, разумеется, меня.

Поцелуй.

— И знаешь, если бы не твое чертово наследство, я готов был уподобиться Климу и просить твоей руки и сердца.

Два поцелуя.

— Но при таком стечении обстоятельств, думаю, придется перенести это мероприятие на тот период, пока ты не спустишь свои денежки или пока я не заработаю столько же.

— Как? — растерялась я. — Так ты на мне не женишься?

— Если бы на тебя каждый день нападали бандиты, я бы не раздумывал. А вот когда ты станешь наполовину миллионершей...

— Тогда я откажусь от этого наследства! Оно мне достается слишком дорогой ценой, — твердо сказала я.

Но он, кажется, мне опять не поверил.

— Ах, если бы это было так, — сказал он с мечтательностью Остапа Бендера. — Деньги очень меняют людей. Возможно, сейчас, пока мое сообщение еще не опустилось на самое дно твоего сердца, ты еще прежняя Серафима. Но вот пройдет день, потом другой, потом третий, и ты привыкнешь думать о себе как об очень богатой женщине. Ты поймешь, какие перспективы открывает перед тобой такое количество деньжищ. Белые пароходы, пальмы, косяки дельфинов посреди океанского пейзажа, омары, крабы, бегающие по пляжу. Ты не сможешь отказаться от всего этого ради того, чтобы поесть полуфабрикаты в тесной кухне мелкого чиновника. Да и не стоит это все того.

— Ничего подобного, — сказала я не очень уверенно. — А нельзя то же самое, только с тобой?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, все это: пальмы, пароходы — и мы там везде вместе.

— Ты хочешь меня облагодетельствовать, Серафима? — приподняв бровь, спросил Федор.

Было непонятно — шутит он или на этот раз говорит серьезно.

— Я хочу, чтобы ты облагодетельствовал меня. — Я снова прижалась к нему, но он отстранил меня.

— Знаешь, к таким новостям нужно привыкнуть. Давай не будем торопиться, ладно? К тому же официальные документы по твоему делу будут готовы только к Новому году. Так что давай пока жить как жили. Только вот домой я тебя отпускать не собираюсь. Ты теперь очень ценная девочка — ну как украдет кто-нибудь...

И я осталась у Федора. Жизнь была суматошная, но веселая. Я привыкала к мысли с наследстве, ходила иногда по дорогим магазинам, присматриваясь к тем необыкновенным вещам, которые там продавались за сумасшедшие деньги, и внушала себе: скоро купить такую вещицу будет для меня плевым делом.

Однако мне никак не удавалось представить себя в одном из этих миниатюрных полупрозрачных платьев для коктейлей где-нибудь на теплоходе, плывущем в теплую звездную ночь средних широт. Может быть, воображение у меня было недоразвитое, но все эти наряды казались мне смешными и претенциозными, а надеть их было для меня равносильно тому, чтобы обрядиться в клоунский костюм. Я посещала дорогие универсамы, разглядывая заморские яства, но не могла представить, что может быть вкуснее китайских пельменей — неужели эти скользкие улитки, примерзшие к целлофану?

Через неделю Федор познакомил меня со своей мамой. Правда, знакомство это состоялось не совсем так, как я мечтала.

Мы забежали к ней на минутку за какой-то книгой, которая была Федору необходима, выпили по чашечке чая, съели маленькую коробку шоколадных конфет и сразу же распрощались.

— Ну подождите, — просила Ксения Георгиевна, маленькая бойкая женщина, — я еще Симочку не рассмотрела как следует.

И улыбалась мне из-за плеча Федора, который кутал меня в плащ. А я от смущения изредка заглядывала ей в глаза, но тут же отводила взгляд, мучаясь вопросом: что же такого было в ее взгляде, отчего мне хотелось забиться куда-нибудь в щель? Вроде бы такая приятная женщина... Федор был совершенно не похож на нее. Может быть, она напоминала мне кого-то? В конце концов я решила, что это именно так, и успокоилась.

Федор привез меня домой и, оставив готовить ужин, сказал, что ему необходимо исчезнуть ровно на пару минут. Вернулся с огромным букетом цветов. Точнее — с букетами. Здесь были хризантемы всех сортов, от самых мелких с горьковато-тревожащим запахом до чудовищно крупных, желтых, лепестки которых напоминали когти огромного зверя. Лепестки осыпались на пол, пока я принимала эти дары осени, а Федор смущенно сказал:

— Родная моя, ты не сочтешь меня ординарным, если я все-таки уподоблюсь злодею Климу и предложу тебе руку и сердце? Но, клянусь, это будет самая надежная рука в мире и самое любящее сердце...

На следующий день мы подали документы в загс и решили, что можем запросто подождать месяц, потому что торопиться нам некуда — у нас впереди еще целая жизнь.

В связи с предстоящим замужеством я часто вспоминала Клима, Светлану и все страсти, которые они мне устроили. На что они рассчитывали, интересно? Если верить предсказанию гороскопа — а теперь я верила ему безоговорочно, — я была на краю гибели. Неужели, если бы я вышла замуж за Клима, они бы расправились со мной? Как, интересно? Как в детективе? Он повез бы меня в свадебное путешествие, а там столкнул бы с какой-нибудь горы или утопил в речке?

Теперь я никогда этого не узнаю. А тогда, в последнюю ночь, когда они забрались в мою квартиру, чего они хотели? Избавиться от меня? Накачать наркотиками и повести к

алтарю? Не представляя, чего именно избежала, я испытывала еще большую любовь к Федору, которая постепенно перерастала в чувство благоговения перед моим избавителем. Как все-таки хорошо, что на свете есть человек, которому можно слепо верить!

«Что он все-таки во мне нашел?» — думала я. Может быть, я и вправду красавица? Я подошла к большому зеркалу в коридоре и оглядела себя с головы до пят. Опустив взгляд, я вдруг увидела на полочке внизу черепаховый гребень с тремя большими зубьями — точь-в-точь такой, какой носила Светлана.

Мысли моментально пришли в полный беспорядок. Что это? Откуда? Неужели они и здесь до меня добрались? Побежав на кухню, я схватила Федора за руку и начала трясти, не в состоянии выговорить ни единого слова.

— Серафима, возьми себя в руки! — настоятельно посоветовал он.

— Там, они, там... — Я тянула его к зеркалу.

— Ну что там?

— Это. — Я тыкала пальцем в гребенку, не рискуя прикоснуться к ней.

Федор покраснел.

— Это мамина, — сказал он, быстро убирая гребенку в шкафчик.

— Твоей мамы? — переспросила я.

— Разумеется. — Он все еще прятал глаза. — Ты только не подумай, что я... ну как бы это сказать... Просто у нас очень дружная семья. Мы все друг друга очень любим. И мне хочется, чтобы какая-нибудь мамина вещь была у меня, понимаешь?

Я не знала, чему удивляться больше: тому, что гребень был точно такой же, как у Светланы, или тому, что он сейчас говорит.

— Я еще в детстве стягивал у нее потихоньку какую-нибудь вещь и хранил ее у себя, как талисман, что ли. Она, помнится, бранилась иногда по этому поводу. Ну не смотри на меня так. Я не фетишист какой-нибудь. Я просто люблю свою маму.

— Точно такая же гребенка была у Светланы.

— О Господи, следопыт ты мой. Такие гребенки продаются на каждом углу.

И он был прав. Действительно, таких гребенок было много.

Значит, я еще не совсем пришла в себя от потрясения. Значит, все, что со мной случилось в последнее время, было для меня потрясением — приходится в этом признаться. Но все эти события сделали меня другим человеком. Я перестала бояться жить. Я теперь смело разговаривала с людьми на улице, и это не казалось мне пыткой, как раньше. Мне было даже интересно, что рассказывают старушки в очередях, о чем спорят мужчины в автобусах. Жизнь словно разрядилась, ушло ненужное напряжение, я почувствовала себя сильной и смелой. Порой я вспоминала, как прижимала детскую гантель к груди и как была готова бороться за свою жизнь до конца. Это кажется мне невероятным. Я восхищаюсь собой снова и снова как сторонний наблюдатель, как зритель, как критик, как почитатель.

Теперь я все чаще без страха вглядываюсь в лица людей. Мне интересно, что там притаилось в глазах — страдание или радость, страх или отчаянная смелость. Глаза так много могут рассказать о человеке.

Последнее время я стала все чаще вспоминать мою непозволительную, как мне раньше казалось, страсть к собачкам и их лечению, и она не казалась мне уже такой нелепой. К тому же я заметила, что работа секретаршей, хоть и дается мне легко, не приносит того удовлетворения, которое я испытывала всякий раз, провожая прихрамывающего четвероногого клиента.

Я рассказала об этом Федору, и он разразился тирадой о призвании, поздравил меня с замечательным открытием, а потом погрустил немного, что останется в ближайшее время без такой чудесной помощницы. Он предложил мне подучиться еще в этой области, чтобы открыть частную практику и не зависеть больше ни от каких «Валентинникитичей». Мысль была интересная, я накупила книг по ветеринарии и дрессировке и ежедневно часа по два внимательно их изучала.

За неделю до свадьбы я простудилась. Так, слегка: побаливало горло, температура тридцать семь и пять. Узнав об этом, приехала Ксения Георгиевна, привезла банку малинового варенья, велела ни в коем случае не пить лекарств, только чай с малиной. Пыталась остаться, помочь с обедом, но Федор быстро ее выпроводил, сказав, что она может тоже заразиться и заболеть как раз на нашу свадьбу. Ксения Георгиевна грустно помахала мне с порога и отправилась домой.

— Почему ты не даешь нам поболтать? — удивилась я.

— Неизвестно, что она тебе наболтает, — ворчал Федор. — Вдруг решит рассказать, как в три года я писался в постель или еще что-нибудь из раннего детства. Нет уж, только после свадьбы!

Он ушел на работу, а в обед вернулся.

— У меня для тебе подарок.

Он втащил в комнату что-то большое, распаковал, и передо мной предстал пластмассовый ящичек, в котором помещался целый маленький городок: домик, больше похожий на дворец, бассейн, выложенный разноцветными камушками, замысловатые водоросли и трава. Возле домика, замерев, сидел маленький лягушонок, а на лапках у него красовались два тонких обручальных кольца.

— Вот, — сказал Федор. — Это тебе. Ты ведь уверяла, что тебя спасла лягушка. Вот тебе твое священное животное.

Он снял с лапок лягушонка кольца и протянул одно мне.

— Примерь.

Я надела кольцо, а лягушонок тем временем, оставшись без «наручников», быстренько сиганул в маленький бассейн, растянулся там во всю длину и снова замер.

— Похоже — в самый раз, — сказал Федор, с достоинством принял причитающийся ему поцелуй и, пообещав вернуться пораньше, снова побежал на работу.

Я полюбовалась на маленькое изящное колечко, а потом стала разглядывать розового лягушонка. Даже представить себе не могла, что на свете такие бывают. Прошла минута, вторая, третья, но лягушонок не шевелился и не подавал никаких признаков жизни. Глаза его были широко раскрыты и отрешенно смотрели в пространство. Я решила проверить, не случилось ли с ним чего, осторожно, двумя пальцами вытащила его из воды и перевернула брюшком вверх. Лягушонок ожил, заработал всеми четырьмя лапками, как заводная детская игрушка, и, выскользнув у меня из рук, сиганул на стол Федора и плюхнулся прямо на документы. Под ним тут же расплылось мокрое пятно.

— Эй, что же ты делаешь? — закричала я и стала ловить лягушонка, весело скакавшего по столу.

С третьей попытки мне удалось схватить его поперек туловища и аккуратно опустить в бассейн, где он снова замер. Я кинулась на кухню за тряпкой и осторожно стала стирать мокрые следы с бумаг. Я протерла все верхние бумаги и решила положить их отдельно, чтобы просохли, но задела при этом одну стопку, и листы веером разлетелись по комнате. Пришлось ползать и складывать их в произвольном порядке. Один листочек был самым маленьким, с короткой записью, и я положила его сверху, на собранную стопку. Но он показался мне плотнее других, и я перевернула его.

Передо мной была детская фотография Федора. Он стоял, обнявшись с высоким пареньком, и улыбался во весь рот. Я с умилением вглядывалась в черты его еще детского лица. Сколько ему здесь — пятнадцать? Смешные очки, уши торчат. А сколько же его другу? Я перевела взгляд на юношу, стоящего рядом. Он был в солдатской форме. Он был...

Фотография выпала из моих рук на пол. Через минуту я тяжело опустилась рядом и тогда прочитала надпись на обороте, в которой не было уже нужды. «Брат вернулся из армии», — было выведено там детской рукой. Брат...

В двадцать лет черты его лица уже сформировались и мало изменились с той поры. Я легко узнала Клима, и теперь в моей голове включился маленький компьютер, который подставлял значение неизвестной величины во все неразрешенные уравнения последних дней и выдавал ответы.

В течение получаса я многое поняла. Я поняла, например, почему взгляд мамы Федора производил на меня такое тяжелое впечатление. Старший сын был очень похож на нее. У них были одинаковые карие глаза. «Брат увел у меня девушку...» Тоже понятно, кто она. И еще понятно, что она была уведена не до конца, иначе как бы ее гребенка попала на зеркало в его квартире? Память прокручивала мне все наши поцелуи, все наши разговоры. Но никаких тили-там теперь не было. Все шло под водевильную музыку и напоминало слащавое сюсюканье.

Тирлим-бом-бом, ты можешь довериться мне полностью. Тирлим-бом-бом, я твой спаситель, твой защитник. Тирлим-бом-бом, ты ведь выйдешь за меня замуж, не так ли? Мне ведь не придется упрашивать тебя, как брату? Тирлим-бом-бом, посмотри какой я расчудесный малый: твой герой, твой возлюбленный, на все руки мастер.

Ему можно слепо доверять, тили-там. Он разоблачил всех моих врагов, тили-сям. Он спас меня от неминуемой смерти, тили-тили.

За десять минут я собрала вещи и уехала, оставив обручальное кольцо на трубе волшебного домика, рядом с которым в пруду замер розовый лягушонок.

Оказавшись дома, я долго не могла привыкнуть к смене обстановки. Каждая вещь здесь напоминала мне прежнюю безрадостную жизнь. Неужели все вернулось на круги свои? И дальше — ничего. Пустота, скука, одинокая старость. Мне было так больно, что не вдохнуть, не выдохнуть. Больно и обидно. Чему же верить на свете? За что держаться?

«Ни за что не нужно держаться. Я ведь сильная теперь, я справлюсь с этим», — решила Серафима и, чтобы не сойти с ума от боли, развила бурную деятельность. Она купила два новых замка и, сбегав в жилконтору, договорилась со слесарем, что он поставит ей эти замки. Слесарь ссылаясь на полную занятость в течение недели, но Сима показала ему торчащее из полиэтиленового пакета горлышко поллитровки, и он тут же пошел за ней, как крыса, заслышавшая волшебную дудочку.

Потом она отправилась в ближайшую ветеринарную клинику и предложила там свои услуги, долго перечисляя все, что умеет делать. Заведующая попросила рекомендации с прежнего места работы, и Серафима тут же, не выходя из кабинета, набрала домашний номер телефона Валентина Никитича, и тот выдал заведующей самые лестные характеристики. Симу взяли на работу старшей медсестрой и по совместительству — инспектором отдела кадров, потому что только она в совершенстве знала компьютер.

«Никто не должен застать меня врасплох», — думала она и до седьмого пота изнуряла себя утренними и вечерними пробежками. Сначала это казалось ей адом крошечным, но через две недели она заметила, что меньше думает о Федоре, перестала плакать по ночам, да и пробежать вокруг парка для нее теперь удовольствие, а не нагрузка.

Кухня ее превратилась в неприступную крепость. Сюда были сложены все тяжелые предметы, обнаруженные в доме, на полке красовался новенький газовый баллончик, а возле него стояли пакетики с черным перцем. Сима готовилась к сражению. Она не знала, что еще предпримут братцы-женихи, чтобы завладеть ее наследством, но готовилась к худшему. Первая зарплата оказалась в три раза больше, чем она получала на старом месте, и Сима купила себе замысловатый тренажер для тренировок. С каждым днем ее боевой дух креп.

Она постепенно привыкла к мысли, что скоро станет богатой. Без лишних сантиментов она представляла, как уедет куда-нибудь отсюда. Куда-нибудь далеко. В Австралию или на острова. Нужно бы подучить английский, иначе трудно придется.

Однажды позвонила Верка.

— Сим, ты? Дома? Одна? Ничего не понимаю. Ты же замужем уже должна быть!

— Ничего я тебе не должна, — ответила ей Сима и положила трубку.

Телефон ее часто звонил, она подходила, стояла над ним некоторое время, но трубку не брала. А потом отключила совсем, чтобы не мешал жить.

Как-то она выезжала на дом по вызову, помогать в родах. Крупная сука американского пит-бультерьера принесла девять щенят. Один оказался «бракованным», и владелец, покачивая головой, принес ведро с водой, чтобы утопить щенка, но никак не решался.

— Может быть, вы? — попросил он Серафиму.

— Я его с собой заберу, усыплю в клинике, как положено.

Но усыплять его она не стала, а принесла домой и выходила. Держала в своей старой шубе, поила из соски. Через месяц он уже будил ее по утрам требовательным лаем. Сима повсюду таскала собаку с собой. Она воспитывала для себя преданного и надежного друга. Друга, которому можно будет доверять...

Сима ждала Нового года, когда можно будет заявить права на наследство. Сразу после праздников, которые они с двухмесячным Джоном встретили на тахте у телевизора, она отправилась в центральную юридическую контору, где старенький юрист отыскивал нужные

бумаги. Однако фамилия в документах значилась самая обычная: Верещагина.

Сима вышла на улицу и почувствовала, что с ее плеч свалился тяжелый груз. Не поедет она ни в какую Австралию! Ну и слава Богу, не очень-то хотелось. Смешно, старичок, видимо, писал букву «г» как «ч», братцы просто не поняли. Интересно, рыщут они теперь в поисках настоящей наследницы? Она представила, как Федор расшаркивается перед Серафимой Верещагиной, и сердце ее пронзила раскаленная игла. Правда, было уже не так больно, как раньше.

Через полгода она поменяла квартиру на равноценную, только в другом районе. Что бы она ни делала дома, рядом всегда сидел пес тигровой масти, маленький, но крепкий, и преданно заглядывал в глаза.

Свободного времени у нее теперь почти не было. Работа, тренировки, новые знакомые. Иногда ее приглашали в театр, дарили цветы, подвозили домой. Дальше никто из ее новых знакомых идти не решался. «Не так-то это просто — завести роман с такой женщиной», — сказала ей как-то приятельница. «С какой?» — спросила Сима. «Ты сильная, может быть, даже слишком для женщины, — ответила та. — Чтобы быть с тобой рядом, нужно представлять собой нечто неординарное».

Она изменилась. Это теперь было не предчувствием — фактом. Та Симочка, которая до смерти была напугана бледным, как выцветший лист, Мокричкиным, исчезла. Серафима представила, как поступила бы теперь с этим пьянчужкой, и расхохоталась. Кто посмел бы теперь выселить ее из собственной квартиры? Светлана представлялась ей теперь глупой гусыней, ведущей довольно рискованную игру. Разве ее могут уволить с работы? Как же! Они держатся за нее руками и ногами. Вот только...

Вместе с той прошлой жизнью ушло что-то важное. Выгорело что-то такое, без чего теперь не так светло даже в самый ясный день. Но что тут поделаешь?

Что поделаешь, если завидует она той сентиментальной дурочке Симе, которая лопочет в ее снах как полная идиотка: «Если бы не ты...»

На стадионе одного из забытых Богом заводов шли необычные соревнования. Зрителей было мало — только по специальным приглашениям. Собаки атаковали налетающих на их хозяев «правонарушителей». Помимо жюри, на трибунах восседало несколько представителей крутых охранных агентств, вяло делавших в блокнотах кое-какие заметки. Но вот в центр поля вышла женщина с собакой, и все они разом оживились...

Мальчишки, которых на трибуны не пустили и вынудили тем самым прятаться в высокой траве, где были свалены в кучу непригодные шины, как по команде высунулись из укрытия и, подталкивая друг друга, шептались:

— Смотри, смотри, она...

— Сейчас она им покажет...

— Да сам знаю, я ее видел уже...

— Эй, — крикнул им сзади, из-за прутьев забора, какой-то дядька в коричневом плаще и в очках. — А кто это?

Он не отрываясь смотрел на женщину в центре площадки.

— Ну ты даешь! Это же самая крутая тетка-телохранитель! Смотри, что сейчас ее собака вытворять будет.

Закончив выступление, Сима с Джеком прошла на свое место, и к ней тут же подлетели два представителя суперохраны. Они давно были знакомы и теперь молча пожали друг другу руки. Один из них протянул Серафиме несколько купюр.

— Это за вчерашнее.

— Спасибо.

— А если еще раз? — Он взглянул на нее.

— Конечно, звоните, мы приедем.

Потом подходил корреспондент, задал несколько вопросов, но Сима наотрез отказалась рассказывать и о своей работе, сославшись на ее секретность, и о себе. Вот о собаке она говорила долго и охотно.

Когда все наконец отошли от нее, к ней направился мальчик, стоявший поодаль все это время.

— Вам записка, тетя, — сказал он и протянул листок бумаги, сложенный пополам.

— От кого? — спросила Сима.

— А вон от того дяди, который там, за забором.

Сима, прищурившись, посмотрела в указанном направлении. Мужчина стоял очень далеко, она видела только его силуэт в коричневом плаще. Серафима развернула листок.

«Несмотря ни на что, — прочитала она, — мое предложение остается в силе». А внизу был нарисован маленький лягушонок...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Обреченная на счастье

Когда в вашу жизнь вмешивается ветер перемен и внезапно заносит вас в окруженную песками древнюю страну — можно ли сохранить ясную голову? Тем более Алле, которая в столице этого забытого государства встречает мужчину, словно сошедшего со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Как чудесное продолжение сказки, он предлагает ей стать его женой, чтобы вместе править страной — и тогда разрушится древнее проклятие, из-за которого когда-то Сагдиану поглотили пески. Но время жестоко мстит тем, кто пренебрег его законами и перепутал настоящее с прошлым, и вместо счастья на долю Аллы выпадут тяжелые испытания и разлука с любимым. Будет ли у нее шанс вернуть его?

Елена
Богатырева

ISBN 5-7654-3151-8

9 785765 431511

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
НЕВА

Когда в вашу жизнь вмешивается ветер перемен и внезапно заносит вас в окруженную песками древнюю страну — можно ли сохранить ясную голову? Тем более Алле, которая в столице этого забытого государства встречает мужчину, словно сошедшего со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Как чудесное продолжение скажи, он предлагает ей стать его женой, чтобы вместе править страной — и тогда разрушится древнее проклятие, из-за которого когда-то Сагдиану поглотили пески. Но время жестоко мстит тем, кто пренебрег его законами и перепугал настоящее с прошлым, и вместо счастья на долю Аллы выпадут тяжелые испытания и разлука с любимым. Будет ли у нее шанс вернуть его?

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.